

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ
Я. П. ПОЛОНСКАГО

ВЪ ПЯТИ ТОМАХЪ.

Изданіе просмотрѣнное авторомъ.

Съ двумя портретами, гравированными на стали

Ф. А. Врекаузона въ Лейдигѣ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1896.
Изданіе А. Ф. МАРНОА.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъячесі.

Произведенія 70-хъ годовъ.

Мишенька.

Келіотъ.

Мими.

Неучъ.

Приложеніе:

Вакула кузнецъ.

Мишенька.

I.

Съ Мишенькой я былъ знакомъ
Будучи ребенкомъ,
И тогда на видъ онъ былъ
Сущимъ медвѣженкомъ.
Помню я, какъ онъ сидѣлъ
Около крылечка,
Какъ привязанъ былъ къ столбу
За одно колечко.

Мишенька мой былъ—смѣшной,
Какъ собака тявкала,
Пилъ изъ плошки молоко
И губами чавкала.
И когда онъ отъ побой,
Какъ ребенокъ, хныкала,
Каждый Мишеньку дразнилъ
И надъ нимъ хихикала.

Опекунъ его—Оома,
 Посреди сосѣдей,
 Былъ извѣстнѣйшій кулакъ
 И вожакъ медвѣдей.
 Изъ расчета не бралъ онъ
 Мишенькиной шубы,
 Только щупаль иногда
 Мишенькины зубы.

Вотъ, мой Мишенька подростъ,
 Смотрить исподлобья,
 Сиволапаго отца
 Принялъ онъ подобье;
 Появились у него
 Признаки таланта,
 Сталъ вожакъ его держать
 Хуже арестанта.

Подпилилъ ему клыки,
 Губу пробуравилъ,
 На горячую плиту
 Въ сапогахъ поставилъ *).

*) Сапоги, или просто лапти, надѣваются, при этомъ, только на заднія ноги.

Учить Мишеньку вожакъ
 (Палки не жалѣть),
 «Какъ съ похмелья на печи
 Баба спину грѣть»,

«Какъ ребята на току
 Просо молотили»,
 «Какъ дѣвицы хороводъ
 По селу водили»,
 «Какъ съ похмелья у него
 Поясницу ломить»,—
 И за все за это въ постъ
 Мишеньку скоромить...

Мишенька мой не былъ глупъ,
 Въ прокъ пошла наука,
 Не была ему трудна
 Никакая штука:
 Сталъ онъ лихо водку пить,
 Въ ноги кувыраться,
 Да плясать, да на міру
 Съ шапкой побираться.

Вотъ, по селамъ сталъ бродить
 Мишенька съ вожатымъ;

И доволенъ былъ Ома
 Мишенькой косматымъ:
 . Раза по четыре въ день
 Высыпалъ онъ шляпу
 Ту, что Мишенька таскалъ,
 Выворотя лапу.

Годъ прошелъ, пріятель мой
 Сталъ медвѣдь медвѣдемъ
 (Мы, бывало, какъ ведутъ—
 Далеко отъѣдемъ).
 Разъ онъ клячу испугалъ
 Такъ, что та помчалась,
 Какъ шальная,— три версты,
 Глупая, брыкалась.

Что ты будешь дѣлать!—Шутъ
 Косолапый, жалкій,
 А какъ вдругъ начнетъ ревѣть,
 Да еще подъ палкой,
 Лошади съ испуга ржутъ,
 И бѣгутъ буренки,
 Точно ихъ, несчастныхъ, бьютъ
 По ногамъ дѣвчонки.

Къ палкѣ Мишенька привыкъ,
 И къ избѣ, и къ степи,
 Но, какъ видно, не привыкъ
 Косолапый къ цѣпи,—
 Чуть завидитъ синій лѣсъ—
 Спрячетъ морду, или
 Взглядомъ проситъ, чтобъ его
 Погулять пустили.

II.

Разъ Оома зашелъ въ село,
 «Омутъ» по прозванью,
 И въ селѣ засталъ семикъ—
 Праздникъ по преданью.
 Въ кабакѣ горѣлъ огонь,
 Дѣло было на ночь;
 Заорали мужики:
 «Михаилъ Иванычъ!

«Михаилъ Иванычъ къ намъ
 «Жалуешь, ребята!
 «Вотъ такъ баринъ! Ну-ка, братъ!
 «Ну-ка, толстопятыи!
 «Начинай, братъ, начинай!»

Все село сбѣжалось,
И на Мишку гляючи,
Со смѣху каталось.

Отплясалъ, отмолотилъ
Мишенька, и шляпу
Сталъ народу подносить,
Выворотя лапу.
Кто копейку, кто несеть
Грошъ за представленье,
Мишкѣ—честь и похвала,
Оомкѣ—угощенье.

Пагрузили такъ Оому,
Что когда онъ вышелъ
За околицу—медвѣдь
Въ первый разъ услышалъ,
Какъ вожакъ, сжимая цѣпь,
Самъ съ собой калякалъ,—
Все кого-то проклиналъ,
И какъ будто плакалъ.

— «Видишь, Мишенька», сказалъ
Мишенькѣ хозяинъ,
«Какъ на мѣсяцѣ, въ аду

«Мучается Каинъ...

«А за что?—За то, что онъ

«Авеля спровадилъ...

«Такъ-то, Мишенька, мой другъ,

«Такъ-то» онъ наладилъ.

«А вонъ видишь—видишь, хвостъ...

«Это, братъ, комета;

«Это значить—на мази

«Преставленье свѣта...

«На престолъ божества

«Судія возседеть,

«И тогда... что, братъ, тогда?!

«Что, братъ!» сталъ онъ ладить.

И вздохнулъ онъ, и себя,

Такъ сказать, не помни,

Мишенькѣ сказалъ: «А что?

«Вѣдь и ты мнѣ ровня!

«Вѣдь и ты такой же, братъ,

«Забулдыга. — Что-жь я

«На цѣпи тебя вожу?

«Погуляй, тварь Божья!»

Мишенька мой не былъ глупъ,
 И когда снимали
 Цѣпь съ него, стоялъ какъ пень,
 Чуть глаза мигали...
 Вотъ, онъ высунулъ языкъ,
 Точно умилился.
 «Ну, гуляй!» сказалъ вожакъ,
 Да и повалился —

Захрапѣлъ Оома; — а онъ,
 Получивъ свободу
 (Точно дурня съ головой
 Окунули въ воду),
 Осторожно, не спѣша,
 Передвинулъ ноги,
 И немного постоялъ
 На краю дороги.

Мишенька соображалъ,
 Дескать, чѣмъ тутъ пахнетъ —
 Палкой или тумакомъ?
 Да какъ вдругъ шарахнетъ
 Въ сторону, какъ побѣжить!
 Инда пыль скачками
 Поднялъ — и пропалъ, какъ тѣнь,
 Въ роцѣ за кустами.

Заяцъ выскочилъ, бѣглець
 Зайца испугался,
 И подралъ еще быстрой.
 Наконецъ забрался
 Въ глушь такую, что уже,
 Между виль да крючевъ,
 И ползкомъ пройти нельзя,
 Не ломая сучьевъ.

Вотъ прилежъ онъ—хочетъ спать,
 И никакъ не можетъ:
 Сердце бьется, страхъ беретъ,
 И восторгъ тревожить:
 То сова надъ нимъ кричить
 И его пугаетъ,
 То соловушка поетъ—
 Сладко распѣваетъ.

Ночь прошла и—заглянулъ
 День въ лѣсную балку;
 Дальше Мишенька бѣжитъ
 Рысю въ перевалку;
 Слышать—дичью пахнетъ лѣсъ,
 Видить—дебрь глухая,

— Здравствуй! Мишенька реветь,
Родина святая!

Та же миновала ночь,
И вожакъ—очнулся,
Видитъ—цѣпь въ рукѣ, вскочилъ,
Вскрикнулъ, оглянулся.
Гдѣ же Мишенька?!.. Тю-тю!
Помпнай какъ звали!
Бросился въ село коцапъ —
Заревѣлъ съ печалю,

Заходилъ во всѣ дворы,
Обѣжалъ всѣ крыльца:
«Не видали-ль вы его,
«Моего кормильца?!»
Обошелъ поляну, лѣсъ,
Спрашивалъ, метался,
И—поймать или убить
Мишеньку поклялся.

III.

Вотъ, на родинѣ своей
Мишенька гуляетъ,

Лапы вылизаны и
 Губа заживаетъ:
 Медвѣжата вокругъ него
 Съ любопытствомъ бродятъ,
 Медвѣдихи чудакомъ
 Мишеньку находятъ.

Вотъ, онъ сунулъ носъ къ роднымъ,
 Тѣ его прогнали
 И ученаго шута
 Дурнемъ обругали;
 Мишенька мой закутилъ;
 То идетъ, то пляшетъ,
 То вдругъ мухъ начнетъ ловить —
 Стоя, лапой машетъ.

Какъ онъ велъ себя, могу
 Рассказать вамъ вкратцѣ:
 У него нашлись друзья,
 Кумовья и братцы;
 Занимались болтовней,
 Соты воровали,
 И на Мишенькѣ верхомъ
 Ловко выѣзжали.

Мишенька снопы таскаль
Съ овсяного поля,
Разъ корову ободраль,
А когда неволя
Заставляла, то смѣшилъ,
Выворотя лапу,
Съ жалкой миной представляль,
Какъ носилъ онъ шляпу.

Разъ задумаль танцовать,
Да и отличился,
Спотыкнулся, въ буеракъ
Съ дамой покатился.
Страшно выпачкаль онъ ей
Спину липкой глиной,
И за это былъ при всѣхъ
Выруганъ скотниной.

Но и году не прошло,
Мишенька косматый
Получилъ какой-то лоскъ
Темно-рыжеватый.
Сталъ грустить, повѣся носъ,
Отъ друзей отбился,

Вотъ, женился, наконецъ,
И—остепенился.

Вотъ, зима пришла; живеть
Мишенька въ берлогѣ,
И лежитъ, какъ Падишахъ,
Протянувши ноги.
Дѣти ползаютъ по немъ,
И молокососы,
Увальни,—а ужъ подчасъ
Задаютъ вопросы:

— Кто даетъ намъ шубки? Кто
Свѣтитъ надъ берлогой?
Правда ли, что есть такой
Звѣрь—совсѣмъ двуногій?
Правда ли, что ты мудрецъ?!
И, прищуря глазки,
Мишенька на это имъ
Сказываетъ сказки.

Стало холодно, морозъ,
Дуетъ къ нимъ сквозь щели,
Много снѣгу намело
Возлѣ ихъ постели.

«Холодно!» ворчить жена,
 «Ступай поработай!»
 И бурчить онъ: «Ты сперва
 «Шубу мнѣ заштопай!»

«Шуба шубой! а нельзя
 «Жить, мой другъ, безъ дѣла».
 Выползъ Миша, принялся
 За работу смѣло:
 То въ охапку загребеть
 Хворосту и—тащить,
 То вдругъ выворотить пень—
 И глаза таращить.

То начнетъ суки ломать—
 По сугробамъ ходить.
 Видитъ самъ, что наконецъ
 Дѣло дрянь выходить...
 И опять ползеть домой,
 Грудь какъ печка пышетъ,
 Знать, съ работы, такъ тепло
 Онъ сонитъ и дышитъ,

Что погрѣться лгнуть къ нему
 И жена и дѣти...—

И счастливѣе его
 Нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ!
 Не пришла къ нему бѣда!
 Шла бѣда въ два срока,—
 Лѣтомъ и зимой, и вотъ,
 Вотъ ужъ не далеко...

IV.

Мишенька однажды всталъ
 На зарѣ, раненько.
 Было на небѣ красно,
 Въ воздухѣ тепленько.
 Подрумянилась зима
 И замѣтно чахла,
 На проталинкахъ кой-гдѣ
 Ужъ весною пахло.

Вотъ и медвѣжата въ лѣсъ
 Выползають тихо,
 Изъ берлоги имъ вослѣдъ
 Смотрить медвѣдиха.
 Сталъ ихъ папенька учить
 Лазить; кувыраться,

Подниматься на дыбы,
На кулачки драться.

И боролся съ ними онъ,
И давалъ подножку,
Или лапой въ снѣгъ валилъ,
Злилъ ихъ понемножку.
Наконецъ, и самъ усталъ,
И въ лѣсной куртинѣ
Развалился на снѣгу,
Точно на перинѣ.

Вдругъ, онъ слышитъ: матъ кричитъ—
Фырчуть медвѣжата—
Мишенька вскочилъ, дрожить,
(Трусъ онъ былъ когда-то).
Чу!.. послышалось въ кустахъ
Звяканье цѣпочки.
Онъ на корточки присѣлъ,
Смотрить изъ-за кочки,

Видитъ, по лѣсу къ нему
Человѣкъ шагаетъ;
Съ нимъ двухствольное ружье,
И топоръ мелькаетъ.

Батюшки! никакъ Оома,—
 Тотъ кулакъ ученый,
 Что плясать его училъ
 На плитѣ каленой.

Что, бывало, цѣлый день
 Школить, распекаетъ,
 Ну, какъ онъ его опять,
 Дурака, взнуздаетъ!
 Струсилъ Мишенька, Оома-жь,
 Смѣлый чортъ! краюшку
 Кажеть издали, принесь
 И вина косушку.

Трусилъ Мишенька, да тутъ
 Могъ бы струсить всякій,
 Потому что будь медвѣдь—
 Кончилось бы дракой;
 А вѣдь тутъ ружье, тонорь...
 Мишенька смутился,
 Тягу дать хотѣлъ, да вдругъ—
 Пріостановился.

Думаетъ: авось, меня
 Пощадить хозяинъ.
 Тоже братомъ называль..

Чтò же онъ за Каинъ?
 Да и какъ я съ нимъ пойду...
 У меня семейство.
 Глядь! ружье наведено—
 Это ужъ злодѣйство...

Мишенька отворотилъ
 Морду... Бацъ! задѣла
 Пуля за ухо... Тогда
 Кровь въ немъ закипѣла
 Къ непріятелю—враждой
 И любовью—къ милой:
 И проникся духъ его
 Богатырской силой.

Грозный, сталь онъ на дыбы,
 Лѣзетъ на коцапа,
 Раздувается вихорь,
 На отвѣсѣ лапа,
 Кровью налиты глаза...
 Оомка не зѣваетъ,
 Вновь онъ мѣтитъ Мишѣ въ лобъ,
 Глазомъ не мигаетъ.

Видитъ онъ, хоть и не трусь,
 Этакія страсти!

Подпиленные клыки
 Засверкали въ пасти.
 Бацъ! онъ выстрѣдилъ, въ плечо
 Пуля угодила,—
 Лѣзетъ на него сквозь дымъ
 Мишенькино рыло.

Вотъ онъ выхватилъ топоръ,
 Поднялъ... Затрещала
 Голова, топоръ упалъ,
 И ружье упало.
 Мишенька царапнулъ такъ,
 Что свалилъ коцана;
 Видно, тяжела въ бою
 Мишенькина лапа.

Такъ, изъ прежняго шута
 (Это ли мы скроемъ?)
 Онъ на родинѣ своей
 Сдѣлался героемъ.
 И спаслась его семья
 Отъ цѣпей неволи.
 Мишенька стать знаменитъ
 И въ лѣсу, и въ полѣ.

Желіотъ.

(Посвящается графу А. К. Толстому).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ тѣ приснопамятные дни,
 Когда духъ Греціи сродни
 Былъ духу Байрона, когда
 Корсаровъ вольныя суда,
 Дыша войной за край родной,
 Облагородили разбой;
 Когда, отъ Эты до Аѳинъ,
 Повсюду слышенъ былъ одинъ
 Народный кличъ: свобода! Въ дни
 Патриотизма и рѣзни,
 Въ Эгейскомъ морѣ по волнамъ
 Шелъ къ Тессалійскимъ берегамъ
 Одинъ корабликъ.

Подгонялъ

Его не бурный валь, не шкваль, —
 За нимъ бѣжалъ, за нимъ лился
 Сверкающій, лазурный валь;
 Попутный вѣтеръ надуваль
 Заштопаные паруса;
 Скакала пѣна за рулемъ
 И рассыпалась жемчугомъ.
 Слѣдя за этимъ кораблемъ,
 Ты не замѣтилъ бы на немъ
 Ни мѣдныхъ пушекъ, ни людей:
 На палубѣ его одни
 Кули бѣлѣлися въ тѣни
 Полунависнувшихъ снастей.
 Одна фигура на кормѣ
 Лѣниво двигалась въ чалмѣ —
 На знойномъ солнцѣ, босикомъ,
 Она ворочала рулемъ.

И шелъ корабль, и много днемъ
 Судовъ встрѣчалъ онъ; флагъ его
 Не беспокоилъ никого:
 Онъ былъ купеческій, на немъ
 Арабской буквы завитокъ
 Ласкалъ эгейскій вѣтерокъ.

II.

Но день потухъ и ночь, звѣздясь,
Въ прозрачномъ воздухѣ зажглась;
Уже заплатъ на парусахъ
Не видно,—спущенъ мирный флагъ,
Зато, за бортомъ корабля,
При дымномъ свѣтѣ фитиля,
Пройдись вдоль палубы—замѣть,
Какъ блещетъ сталь, какъ свѣтитъ мѣдь;
Сойди въ каюту—на скамьяхъ,
И за столомъ, и на коврахъ,
Не палікары ли сидятъ?
На ихъ косматыхъ головахъ
Мелькаютъ фески, ихъ нарядъ,
Ихъ лицъ античныя черты
Напоминаютъ сыновей
Эвбея,—полудикарей,
Готовыхъ Греціи служить—
Быть патриотами и слыть
Корсарями, грозой морей,
Поборниками старины,
Врагами мира и Луны.

Ихъ шеи голы, стройный станъ
 Прикрыль походный доломанъ;
 Изъ-за цвѣтного кушака
 Торчитъ кинжала рукоять,
 Чтобъ мускулистая рука
 Могла на сердцѣ отдыхать;
 Ихъ ружья длинны, и курка
 Узорнаго кремьнъ взведенъ
 На первый взводъ, и вбитъ патронъ
 Въ тяжелый штуцеръ: —

Сердцу ихъ

Въ сраженьѣ дорогъ каждый мигъ:—
 Недаромъ въ эту ночь они
 Былые вспоминають дни:
 Ихъ лица мрачны—и на нихъ
 Лежитъ печать страстей такихъ,
 Что еслибъ ты вглядѣлся въ нихъ—
 Ты Байрона бы оправдалъ:
 Поэтъ великій понималъ,
 Что, безъ подобныхъ сорванцовъ,
 Эладѣ не стряхнуть оковъ.

III.

Въ прозрачно-спней темнотѣ
 Мигаютъ звѣзды въ высотѣ;
 Вдали чуть видны выси горъ,
 Кой-гдѣ зубчатый ихъ узоръ
 Въ бездонномъ сумракѣ едва
 Обозначаетъ острова.
 На вахтѣ, съ саблею кривой,
 Усатый ходитъ часовой;
 Не по-турецки онъ одѣтъ,
 На немъ чалмы восточной нѣтъ.
 Вотъ онъ нагнулся— лампы свѣтъ
 Вдоль обнаженной полосы
 Скользнулъ по саблѣ и усы
 Позолотилъ,—и на компасъ
 Онъ смотритъ; вотъ, двухъ черныхъ глазъ
 Сверкнули искры—жадный взоръ
 Проникъ въ синѣющій просторъ:
 — «Что тамъ за чортъ!»

И, увидавъ,

Въ какихъ-нибудь двухстахъ шагахъ,
 На шевелящихся волнахъ,
 Мотающійся, какъ рукавъ,

Какой-то парусъ (рыбака,
 Быть-можетъ, парусъ), въ два прыжка
 Проворно онъ спустился внизъ,
 И надъ каютою повисъ,
 И хрипло крикнулъ: «капитанъ!»
 Въ каютѣ звякнулъ ятаганъ,
 Ружье столкнулося съ ружьемъ;
 Вотъ, со стола стаканъ съ виномъ
 Слетѣлъ и хрустнулъ подъ ногой;
 Раздался шорохъ, но такой,
 Какой-то мягкій и глухой,
 Какъ будто звѣрь бѣжалъ лѣсной
 Не по травѣ, а по доскамъ.
 Ползуть матросы по снастямъ,
 И паликары поднялись.
 Ихъ лица страшны...

«Берегись!»

Раздался голосъ: «Кто такой?
 Ужели съ этой скорлупой
 Намъ воевать? Эй, рулевой!
 Держи лѣвѣй, топи его!
 Шпіонъ онъ, больше ничего!»

IV.

Догнали лодку паруса,
 И вотъ, багоръ въ нее впился.
 Вотъ перегнулись черезъ борть,
 Фонарь спустили. «Эй, ты, чортъ!»
 Отвѣта нѣтъ, лишь парусъ бьетъ
 По вѣтру влажнымъ полотномъ,
 Какъ птица раненымъ крыломъ.
 И греки разглядѣли боть,
 Увидѣли при свѣтѣ звѣздъ
 На черномъ флагѣ бѣлый крестъ.
 — Какъ! флагъ аѳонскихъ рыбаковъ
 Въ такой дали отъ береговъ!—
 И видятъ клефты не гребца,
 Не рыбака, а чернеца.
 Канать, весло, соломѣ пукъ,
 Цыновка мокрая—на ней
 При фонарѣ всего виднѣй
 Сухія кисти желтыхъ рукъ,
 На грудь сложенные крестомъ:
 Монахъ какой-то вверхъ лицомъ
 Лежитъ, какъ нищій, босикомъ;
 Опъ въ рясѣ, но безъ кушака,

И ня скуфья, ни клобука,
 Ни покрывала нѣтъ на немъ.

Два храбреца къ нему сошли,
 Еще живымъ его нашли,
 И не прошло пяти минутъ—
 Монаха подняли на ютъ;
 А боть рѣшили потопить,
 Чтобъ онъ въ обманъ не смѣлъ вводить,
 Чтобъ онъ не пойманъ былъ врагомъ,
 Чтобъ толковъ не было о немъ...

Монахъ на палубѣ лежитъ,
 Глаза раскрыты, ротъ раскрытъ.
 И гдѣ онъ? Чтò вокругъ него?—
 Не понимаетъ ничего.
 Судя по темнымъ волосамъ,
 По бородѣ и по усамъ
 Блестящимъ, мягкимъ, безъ сѣдинъ,
 Еще онъ молодъ и на лбу
 Еще глубокихъ нѣтъ морщинъ;
 Но онъ, какъ мумія въ гробу,
 И желтъ, и сухъ, и недвижимъ.
 И чтò это случилось съ нимъ?!

Быть-можетъ, онъ монастыремъ
 Или своимъ духовникомъ
 На дальній мысъ какой-нибудь
 Былъ снаряженъ за тростникомъ;
 Но къ ночи буря стала дуть,
 И потерялъ онъ въ морѣ путь;
 Быть-можетъ, рыбу онъ ловилъ,
 Какъ вдругъ недугъ его сломилъ,
 Упали руки и весломъ
 Ужь онъ не могъ владѣть; потомъ
 Плоть, изнуренную постомъ,
 Домучилъ голодъ.

Ничего

Не говорилъ онъ. У него
 Ввалились щеки, цвѣтъ лица
 Напоминаетъ мертвеца...
 И паликары вокругъ него
 Сошлись угрюмою толпой
 И шепчутся между собой:
 Кто онъ, колдунъ или святой?
 И чтò съ нимъ дѣлать? Можетъ-быть,
 Всего вѣрнѣе утопить...
 Такъ суевѣрному уму
 Страшнѣе призракъ мертвеца,

Чѣмъ смерть въ бою, въ чаду, въ дыму—
Смерть отъ булата и свинца.

V.

Вотъ двое сутокъ протекло,
Все такъ же знойно и свѣтло
Вставало солнце, та же тѣнь
Звѣздистая смѣняла день;
Но въ эти сутки небольшой
Корабль «Ахиллъ» (на видъ такой
Невинный) сжегъ турецкій бригъ,
Потомъ, подъ утро, онъ настигъ
Съ пшеномъ альбанскія суда,
Напалъ, разбилъ ихъ...—

И слѣда

Отъ побѣжденныхъ въ морѣ нѣтъ.
Одинъ виновникъ этихъ бѣдъ
Не можетъ скрыть слѣда побѣдъ:
И въ людяхъ страшный недочетъ,
И парусовъ недостаетъ,
И говорятъ: въ боку проломъ,
А въ трюмѣ течь,—и, какъ больной,
Онъ подвигается съ трудомъ,
Чтобъ какъ-нибудь дойти домой,

Къ своимъ пещерпстымъ скаламъ,
И до поры укрыться тамъ.
Но что за дѣло! Злой «Ахиллъ»
Своихъ враговъ перехитрилъ,
И если раненые мрутъ—
Живые славу ихъ поютъ
И пьютъ на палубѣ вино;
И между ними рѣшено,
Что ими пойманный монахъ
Корабль ихъ спасъ отъ пуцихъ золь,
Что туркамъ онъ глаза отвелъ,
Что онъ своей молитвой страхъ
На непріятеля навелъ,
Что онъ съ Аѳона принесенъ
Какимъ-то чудомъ, и спасенъ
Отъ голода и отъ акулъ,
Отъ бурь и отъ турецкихъ дулъ.
Да здравствуетъ святой Аѳонъ!
И, точно,—на другой же день
Уже очнувшійся монахъ
Привсталъ на койкѣ, точно тѣнь
Изъ ада,—съ ужасомъ въ глазахъ,
Съ невнятной рѣчью на губахъ.
Онъ былъ измученъ, загрязненъ,
Оборванъ, и какъ бы сквозь сонъ,

Какъ пьяный на чужомъ шпру,
 Какъ на проклятую игру
 Больной фантази своей,
 Глядѣль на снасти и людей.

Сухарь водой запивъ, онъ сѣлъ
 И прослезился, и запѣлъ
 Молитву...

Но, когда за нимъ
 Вдругъ пушка грянула и гулъ
 Пошелъ отъ выстрѣловъ, и дымъ
 Пороховой какъ бы дохнулъ
 Ему въ лицо; когда съ ружьемъ,
 Какъ левъ разбуженный стрѣлкомъ,
 Влетѣлъ на вахту паликаръ
 И палъ отъ выстрѣла въ ребро,
 И захрипѣлъ; когда ядро
 Рвануло воздухъ, и ударъ
 Прошелъ два борта,—онъ вскочилъ,
 Онъ широко глаза раскрылъ,
 Перекрестился и пошелъ,—
 И налубы смолистый полъ
 Отъ залповъ вздрагивалъ подъ нимъ;
 А онъ, какъ смерть, невозмутимъ,
 Сложивши руки на груди,

Остановился на виду
 И словно смерти ждалъ: приди,
 Приди, возлюбленная, жду!..
 Потомъ уже глаза его
 Не выражали ничего:
 Ни страхъ, ни злобу, ни печаль—
 Безстрастье страшное!.. Ему,
 Казалось, ничего не жаль:
 Пусть все задохнется въ дыму
 И въ этомъ пламени! Пусть опъ
 На части будетъ разнесень,—
 Всему и всѣмъ одинъ конецъ!
 Пусть грозный судія—Отець
 Небесный—участъ ихъ рѣшить,
 И неподвижно онъ стоитъ,
 И на побоище глядить.
 При яркомъ заревѣ ночномъ
 Онъ всѣхъ дивитъ своимъ лицомъ.
 (Такъ, на старинныхъ образахъ
 Изъ копоти вѣковъ порой
 Въ темно-коричневыхъ чертахъ
 Выглядываетъ ликъ святой,
 И въ посты, и въ праздникъ при свѣчахъ,
 Такой же строгій и нѣмой.)
 И каждый, глядя на него,

Въ себѣ, казалось, ощущалъ
 Несокрушимости закалъ,
 Его безстрашьемъ укрощалъ
 Биење сердца своего,
 И вновь выхватывалъ кинжалъ,
 И жегъ, и грабилъ, и кричалъ,
 Не то команду повторялъ,
 Не то командовалъ...

Итакъ,

Благополучно все прошло:
 Пять катеровъ на дно пошло,
 А бригъ горѣлъ, какъ снопь, и мракъ
 Ночной до облаковъ краснѣлъ,
 И «Ахиллесъ», хоть и скрипѣлъ,
 Какъ инвалидъ, но съ боевой
 Добычей шель-таки домой,
 Къ роднымъ, пустыннымъ берегамъ,
 Къ своимъ пещеристымъ скаламъ...
 И мусульманамъ заданъ страхъ,
 И живъ таинственный монахъ.

VI.

Уже темнѣетъ синій сводъ,
 Чуть дышитъ бездна синихъ водъ,

Надъ ней не вѣтеръ дышитъ—зной;
И все же темный валъ морской,
Кой-гдѣ у блѣдно-золотой
Зари заимствуя отливъ,
Несется съ пѣною на рифъ,
И рифъ, какъ гребень смытыхъ скалъ,
Назадъ отбрасываетъ валъ...
За рифомъ—бухта. Прогвзаль
Въ ту бухту доблестный «Ахиллъ»,
Искусный лоцманъ завозилъ
Впередъ канатъ и провѣрляль
Его дорогу между скалъ.
И шелъ онъ медленно, и вотъ,
Когда уже небесный сводъ,
Какъ бы темнѣющая степь,
Звѣздъ огоньками вспыхнулъ, цѣль
Желѣзная, гремя, на дно
Пошла за якоремъ. Давно
Нетерпѣливыя сердца,
Какъ дѣти малыя — отца,
Корабликъ ждали, и толпой
Сбѣжались на берегъ морской,
Крича и радуясь, что онъ
И не разбить, и не сожженъ.

И той же ночью, при звѣздахъ,
 Съ Аэона пойманный монахъ
 На островъ вышелъ. Сразу онъ
 Замѣченъ былъ и окруженъ
 Толпою стариковъ, дѣтей
 И женъ, встрѣчающихъ мужей.
 Но, вотъ, у бухты, надъ водой,
 Раздался чей-то тихій вой...
 Чу!..—«со святыми упокой»
 Поютъ... (Знакомый сердцу гласъ!)
 Раздвинулась, перекрестясь,
 Толпа... Вотъ, факелы зажгли,
 И клефты съ берега въ кусты,
 Безъ плача и безъ суеты,
 Двѣнадцать труповъ пронесли
 Съ обстрѣленного корабля,
 Чтобъ приняла ихъ мать-земля.

Монахъ дрожалъ, хотъ и тепла
 Была земля, ночная мгла
 Его знобила,—онъ былъ босъ,
 И втайнѣ тронутый до слезъ,
 Пѣлъ: «со святыми упокой!»
 И шелъ къ могиламъ за толпой...

VII.

Уже корабль, какъ инвалидъ,
 Слегка накренившись, стоитъ,
 И слышно, какъ топоръ стучить,
 И вотъ уже котель кипитъ.
 А въ томъ котлѣ смолу варятъ —
 Лѣчатъ бока его хотятъ.

Песокъ и скалы... Вдоль одной
 Скалы, волнистой бороздой,
 При свѣтѣ солнечныхъ лучей,
 Ползутъ клочки сѣдыхъ тѣней.
 Внизу есть впадина; надъ ней,
 Насупясь выступомъ своимъ,
 Коптится мрамръ,—это дымъ
 Выходитъ изъ пещеры, но
 Онъ въ щель выходитъ, какъ въ окно.
 Покать въ пещеру узкій входъ,
 Онъ вглубь по мрамору идетъ,
 Какъ бы ступеньками. И вотъ,
 Изъ темной впадины сперва
 Мелькнула въ профиль голова,
 Пунцовый фесъ и рукава,

И ожерелье изъ монеть,
Потомъ рубашка и бешметъ, —
И стройная, во цвѣтѣ лѣтъ,
Изъ полутьмы на яркій свѣтъ
Выходить женщина. У ней
Глаза безъ блеска, безъ лучей,
Какъ тьма кромѣшная; они,
Въ непроницаемой тѣни
Ея рѣсницъ, на свѣтъ глядятъ
Сурово; пристальный ихъ взглядъ
И эта поступь говорятъ
Открыто, дерзко, что она
И неприступна, и сильна;
Что ей, быть можетъ, ни по чемъ,
Когда сквозь дымъ дождить свинцомъ,
Стоять у знамени съ ружьемъ;
Что ни по чемъ ей со свѣчой
Сойти въ подвалъ пороховой
И вмѣстѣ съ крѣпостцой взорвать
Одолѣвающую рать,
Чтобъ тѣла своего не дать
На посмѣяніе врагамъ.
Судя по легкости, съ какой
Она несетъ надъ головой
Амфору, даже по глазамъ,

Никто, никто не скажетъ вамъ,
 Что эта женщина — раба,
 И что подчасъ ея судьба
 Не весела. Не за водой
 Она идетъ въ свой погребъ: тамъ,
 Въ тѣснинѣ скользкой и сырой,
 Изъ кипарисовыхъ досокъ
 Есть дверь: на ней виситъ замокъ,
 А за висячимъ тѣмъ замкомъ —
 Боченокъ съ греческимъ виномъ.

Лишь побѣдитель могъ послать
 Ее въ тотъ погребъ, лишь герой
 Смѣлъ приказать ей въ этотъ зной
 Покинуть люльку и спѣшить
 Вина въ амфору нацѣдить.
 Недаромъ же онъ серебромъ
 Украсилъ грудь ея. Она,
 Его невольница-жена,
 Спитъ на подушкахъ, за ковромъ,
 Который добылъ онъ мечемъ;
 На всемъ, что въ даръ онъ ей принесъ,
 Есть капли крови, капли слезъ.
 И что же? вражеская кровь
 Съ ея враждой миритъ любовь.

Добыча есть — жена глядитъ
Ему въ лицо, жена молчитъ;
Добычи нѣтъ — по-женски мститъ,
Качаетъ люльку и поетъ:
«Пора въ походъ, пора въ походъ!
«Въ ножнахъ—кинжалъ, въ ружьѣ—свинець,
«Не заживайся, молодець!
«Ужъ бусурмановъ корабли
«Опять расхаживать пошли.
«Эй! осмотри свои курки!
«Эй! не заржавѣлъ ли кинжалъ!
«У насъ ни хлѣба, ни муки.
«Пока былъ слабъ, пока былъ малъ,
«Ребенокъ грудь мою сосалъ;
«Теперь корми его, отецъ!
«Спѣши же въ море, молодець:
«Тамъ изверги родной земли
«Про насъ добычу припасли...
«Бери ее, вези домой!»
И снова поетъ и поетъ:
«Пора въ походъ, пора въ походъ!
«Не заживайся, милый мой!»

VIII.

Въ пещеру клефты собрались,
 Подкрашенный шафраномъ рись
 Похваливаютъ да ѣдятъ;
 Подушки смяты, и сидятъ
 Они на коврикахъ цвѣтныхъ
 И пьютъ вино, и жесты ихъ
 Размашисты и горячи,
 И ужъ никто ихъ не учи:
 Все знаютъ эти усачи:
 И что султанъ, и гдѣ войска,
 И чья теперъ Дунай-рѣка,
 И скоро ли царь Николай
 На этотъ бусурманскій край
 Опять пошлетъ свой грозный флотъ,
 Или Балканы перейдетъ?
 Они все знаютъ напередъ
 И такъ же смѣло, какъ собой,
 Распоряжаются судьбой.

.

IX.

Душа-жь разбитая, порой,
Невольно подь конецъ борьбы
Становится рабой судьбы.
Кто скажетъ намъ, какой судьбой
Несчастный, бѣдный келіотъ,
Который женщинъ не видалъ
Тринадцать лѣтъ, теперь попалъ
Въ страну, гдѣ запрещенный плодъ
Ни для кого не запрещень,
Гдѣ смѣетъ дѣвушка ходить
Къ старухѣ тайно ворожить,
Гдѣ храбрецы боятся женъ,
И гдѣ ревнивая жена
Изъ осторожности вѣрна—
Вѣрнѣй булата, хоть и онъ,
Коли не въ мѣру закаленъ,
Плашмя ударясь о гранить
Иль мраморъ, можетъ быть разбить
Въ страну, гдѣ легче умереть—
Съ лица земли себя стереть,
Чѣмъ три недѣли быть святымъ
Или подвижникомъ такимъ,
Какихъ творить святой Аѳонъ.

Въ Аеонѣ міръ похороненъ,
 А тутъ сей міръ во всей красѣ
 И безобразіи. Тутъ всѣ
 Семейно связаны одной
 Патриотической рѣзней.
 Не будь ни турокъ, ни войны,
 Со всѣхъ сторонъ окружены
 Волнами моря, можетъ быть,
 Имъ было-бъ трудно мирно жить;
 Они бы подняли рѣзню,
 Чтобъ только пищу дать огню,
 Который тлѣетъ въ ихъ крови
 Для ненависти и любви.
 Куда теперъ пойдетъ монахъ
 Отъ искуателей? Куда
 Бѣжить онъ, какъ подавить страхъ
 Соблазна, избѣжить суда
 Пугливой совѣсти своей?
 И если молодъ,—отъ страстей
 И грѣшныхъ помысловъ куда,
 Куда бѣжить онъ?

Вотъ лѣсокъ

Раскидистый. Онъ недалекъ
 Отъ мыса; кажется, кругомъ
 Такъ тихо, дико такъ,—съ трудомъ

Туда подняться можно. Тминъ,
 Акація, плющи, жасминъ
 И лавры,—вмѣстѣ все спелось,
 Нависло; лепестками розъ
 Трава усѣяна. Аскетъ,
 Ты любишь ли природу?—Нѣтъ;
 Она—соблазнъ, въ ней—бѣсъ, она,
 Какъ плоть, грѣхомъ заражена!
 — Такъ не входи ты въ эту сѣнь...
 Здѣсь ароматы; яркій день
 Сквозить, и золотится мохъ
 Руины; говорятъ, здѣсь богъ
 Какой-то въ роцѣ обиталъ.
 Не Аполлонъ ли?—Между скалъ
 Торчатъ колонны, изъ травы
 Глядятъ отбитой головы
 Загадочная красота...
 Въ полураскрытыя уста
 Набилась пыль... Вся голова—
 Намекъ на страстность божества
 И холодъ силы; вонь лежитъ
 Торсъ вѣчно юный; тѣнь дрожить
 На немъ и шевелится свѣтъ;
 Душистый воздухъ здѣсь согрѣтъ
 Боговъ дыханьемъ; въ теплой мглѣ

Скользятъ ихъ тѣни по землѣ,
 Деревья шорохъ слышать ихъ...
 Не Пивдара-ль священный стихъ
 Былъ здѣсь пропѣтъ когда-то? Вотъ,
 Зефиръ, и тотъ какъ бы притихъ
 И слушаетъ: кто тамъ поетъ?..
 Здѣсь иногда—соблазнъ иной—
 Здѣсь, при звѣздахъ, когда въ кустахъ
 Горять на тминѣ свѣтляки,
 А старыхъ мраморовъ куски
 Бѣлѣютъ въ мѣсячныхъ лучахъ,—
 Случайно иногда пройдутъ
 Двѣ стройныхъ тѣни и мелькнутъ
 На нихъ двѣ фески... и сольютъ
 Онѣ уста,—хоть горныхъ струй
 Журчанье и не выдастъ ихъ
 Подчасъ нескромный поцѣлуй.
 Клефть—полюбовникъ, клефть—женихъ
 Не въ силахъ и подозрѣвать,
 Что ихъ любовь придетъ мѣшать
 Молитвамъ къ небу возлетать...
 Бѣги, монахъ, изъ роуци: здѣсь
 Пахучихъ листьевъ этихъ смѣсь
 И даже шорохъ птицъ ночныхъ
 Рождаютъ призраки. Отъ нихъ

Ты не спасешься ни крестомъ,
Ни заклинаньемъ, ни постомъ.
Куда-жь дѣваться? Островъ дикъ,
Но населенъ и не великъ.
Взойдешь ли на гору—подъ ней,
Изъ-за оливковыхъ вѣтвей,
Карнизъ виднѣется—жилье,—
Безъ рамъ окошки—и бѣлье
Развѣшенное на вѣтру
Колышется; а поутру
Выходитъ женщина; со сна
Полуодѣтая, она
Закидываетъ локоть свой,
Поводитъ въ сторону рукой
И гребнемъ водить вдоль волосъ—
Вдоль перепутавшихся косъ.
Или садится на порогъ,
Гдѣ продуваетъ вѣтерокъ,
Чтобъ грудь свою ребенку дать,
И лѣнится, не хочетъ встать,
Когда проходитъ мужъ. Въ окнѣ
Ея сестра, а въ сторонѣ—
Мальчишка, голый, какъ амуръ,
По садикъ гоняетъ куръ

И машеть гибкою лозой,
Воображая, что герой...

Вотъ, поперекъ одной скалы,
Надъ бездной, гдѣ кричатъ орлы,
Идетъ тропинка, и монахъ
По ней шагаетъ.—Берегись!
Вдругъ слышенъ крикъ въ шести шагахъ—
И нѣчто болѣе, чѣмъ страхъ,
Спираетъ грудь. Съ проводникомъ
На мулъ дѣвушка верхомъ
Спускается; на стремяна
Пригнула ноги, и видна
Нога въ чулкъ. И жметя онъ
Къ скалѣ, взволнованъ, пораженъ,
Какъ будто грѣшный снится сонъ,—
И тощая его рука,
Къ груди прижатая, слегка
Дрожить.

А на него глядятъ
Ея глаза. Наивный взглядъ,
Но поразительный! Она
Глядитъ въ упоръ, удивлена..
— Какъ худъ! А ну, какъ это онъ?
Тотъ, что съ Аэона занесенъ,

Тотъ самый, что не ѣсть, не пьеть —
 Одной молитвою живетъ?
 Неужто это тотъ монахъ
 Кирилль, что въ битвахъ невредимъ
 И на враговъ наводитъ страхъ?..

И долго, долго недвижимъ
 Стоитъ, какъ бы лишенный силъ,
 Къ скалѣ прижавшійся Кирилль.

X.

Какъ ни былъ дикъ и не широкъ
 Скалистый этотъ островокъ,
 Все-жь люди, близкіе къ звѣрямъ, —
 Не звѣри обитали тамъ.
 А тамъ, гдѣ люди, тамъ молва
 По-своему всегда права.
 И толковала молодежь,
 Что келіотъ не только бось
 И блѣденъ, и простоволось,
 Но и нисколько не похожъ
 На тѣхъ монаховъ и поповъ,
 Что изъ немногихъ городовъ
 Къ нимъ заѣзжали съ острововъ

Обдѣлывать свои дѣла.
 И вслѣдъ затѣмъ молва пошла,
 Что онъ почти не ѣсть, не пьеть,
 Что духомъ Божимъ онъ живетъ;
 Что онъ, аѳонскій келіотъ,
 Молитвой островъ ихъ спасетъ
 Отъ лихорадокъ, отъ чалмы,
 Отъ страшныхъ буръ и отъ чумы.

Въ тѣ приснопамятные дни
 Учились грамотѣ они
 По требнику, и никакихъ
 Не знали книгъ они иныхъ: —
 Чему-жъ дивиться, что для нихъ
 Смиранный, молодой аскетъ
 Облекся въ легендарный свѣтъ?

.

XI.

И жены клефтовъ посылать
 Къ Кириллу стали, кто скуфью,
 Кто обувь мужнину, кто звать
 Его сталь въ скромную свою
 Божницу...

И бѣднякъ Кирилль

За все Творца благодариль,
 Скуфью насаживаль на бровь,
 Давно израненныя въ кровь,
 Сухія ноги обуваль;
 Но явно встрѣчи избѣгалъ
 Съ островитянками: — встрѣчалъ
 Однихъ мужей ихъ, и ему
 Они доставили пилу,
 Досокъ, гвоздей, и, говорятъ,
 Уже помочь ему хотять
 Устроить келью на горѣ
 Въ какой-то каменной норѣ.

Теперь пора, Кирилль! вставай
 Во всеоружіи! вѣщай
 Слова Христа. Зажги въ ночи
 Свѣтильникъ свой! Какъ отъ свѣчи
 Къ свѣчѣ огонь передають
 И свѣтомъ заливають храмъ,
 Такъ, можетъ-быть, и къ ихъ сердцамъ
 Твои слова огнемъ сойдуть.
 Скажи имъ, какъ изъ вѣка въ вѣкъ
 Проходитъ Богочеловѣкъ
 И слышитъ вопли все одни

И тѣ-жъ: «распни Его, распни!»
 Какъ для него и въ наши дни
 Бичи готовы, да тюрьма,
 Да крестъ тяжелый. Говори,
 Что, несмотря на алтари,
 Въ душѣ ихъ пребываетъ тьма,
 Что міръ растлился и гніетъ,
 Что брата братъ не узнаетъ,
 Что ложь вѣнчаетъ только ложь,
 Что всюду царствуетъ грабежь,
 И что война ихъ за родной
 Очагъ похожа на разбой, —
 Скажи имъ что-нибудь, пока
 Готовы слушать.

Но Кирилль

Какъ будто былъ безъ языка —
 Не возражалъ и не училъ;
 Духъ Божій отъ его лица
 Не вѣялъ въ буйныя сердца.
 Ужель онъ былъ, какъ церкви сынъ,
 Не колоколь, а лишь одинъ
 Осколокъ колокола...

XII.

— «Ей, Господи, вспомоществуй!
 Ей, Господи, не осуди!
 Палящій огнь страстей задуй
 Въ моей тоскующей груди...
 Куда бѣжать мнѣ, Боже мой,
 Изъ міра, проклятаго мной,
 Изъ міра красоты и грѣзь,
 Изъ міра суеты и слезъ?
 Ты заградилъ мои пути
 Къ спасенію. Куда идти? —
 Не вѣдаю. Меня мутитъ
 Сомнѣніе, меня кружитъ
 Мірскихъ суетъ круговоротъ.
 Иду ли въ горы — грѣхъ идетъ,
 Иду ли къ морю — грѣхъ плыветъ;
 Въ долину ли сойду — и тамъ
 Грѣховный міръ своимъ грѣхамъ
 Уже не вѣритъ и не ждетъ,
 Что страшный день суда грядетъ...
 Ей, Господи! со всѣхъ сторонъ
 Я этимъ міромъ окруженъ.
 Нѣтъ у молитвы прежнихъ крылъ!..

Непослушаньемъ отравиль
 Я душу, и грозить мнѣ адъ...
 Ужъ цѣпи адовы гремятъ,
 И красный жупель предо мной
 Клокочеть и течеть рѣкой,
 И всплески вѣчнаго огня
 Какъ будто брызжутъ на меня.
 Кто я? постриженный чернецъ,
 Клятвопреступникъ и бѣглець.
 Прощай, Аеоны! прости, Аеоны!»

Такъ плачется Кирилль.

Вотъ, онъ

На взморье къ вечеру пришелъ—
 Пустыннымъ берегъ онъ нашель
 И смотритъ: красенъ небосклонъ,
 И солнца заходящій ликъ
 Изъ сизой тучи, какъ языкъ
 Горящій. Сизая волна
 Какъ бы огнемъ окроплена.
 Вдали, чернѣя, рифъ лежитъ,
 Онъ массу пѣны шевелитъ,
 И сотни бѣлыхъ птицъ надъ ней,
 Какъ рой встревоженныхъ тѣней,
 Колеблють крылья. Чаекъ крикъ

Далекъ, пронзителенъ и дикъ:
 Заря блеститъ на ихъ крылахъ.
 И мрачно вдаль глядѣтъ монахъ.
 Его лицо озарено,—
 Зарю свѣтится оно;
 А за спиною на отвѣсъ
 Скалы упала тѣнь; какъ бѣсъ,
 Надъ нимъ нагнулась и стоить,—
 Его движенья сторожить.

XIII.

Какъ дымный факель, гаснетъ день;
 Вдругъ новая подходит тѣнь
 И спрашиваетъ: «это ты?»
 Кирилль, глаза раскрывъ, глядѣтъ—
 Предъ нимъ какой-то клефтъ стоить.
 Онъ узнаетъ его черты,
 Но кто сей мужъ—не помнитъ онъ,
 И суевѣрно пораженъ
 Суровымъ этимъ пришлецомъ,
 Его глазами, и лицомъ,
 И ростомъ. (Бѣсу ни по чемъ
 Принять какой угодно видъ).
 Кирилль испуганно глядѣтъ,

Молитву шепчетъ.

— «Не узналъ?!

Ему съ упрекомъ клефть сказалъ.

— А были вмѣстѣ на одномъ

И томъ же кораблѣ. Сукномъ

Оторваннаго рукава

Тебѣ я ноги теръ, въ тотъ часъ,

Когда, весь мокрый, ты едва

Дыпалъ, какъ сычъ, на всѣхъ косясь».

— «О, искушенье! Узнаю...

Пробормоталъ ему Кирилль,

— Прости, что не благодарилъ!..»

И еслибъ клефть не удержалъ,

Къ нему бы въ ноги онъ упалъ.

— «Давно, давно ужъ я хотѣлъ

Пайти тебя, да все не смѣлъ.

Уйми ты лютую мою

Тоску—проклятую змѣю,

Меня сосущую, уйми!

Или ужъ, чортъ меня возьми!

Убей!»

Кирилль, перекрестясь,

Взглянулъ на клефта—у него

Изъ черныхъ, хищническихъ глазъ,

Гдѣ промелькнула, какъ гроза,
 Отчаянная мысль, слеза
 Катилась, хмурый ликъ его
 Дышала надменностью, а станъ
 Сгибался:—боль душевныхъ ранъ
 Его коробила.

— «Чего

Ты отъ меня пришелъ искать?
 Спросилъ Кирилль.—Я утѣшать
 Тебя не въ силахъ, ибо самъ
 Не вѣдаю, какъ примирить
 Мнѣ душу съ Господомъ»...

— «Не намъ,

Не намъ бы это говорить,
 Святой отецъ. Твоимъ мольбамъ
 Богъ свыше внемлетъ; но и ты
 (Моей душевной черноты
 Я отъ тебя не утаю)
 Прослушай исповѣдь мою
 И наложи эпитимью,
 Или пошли къ святымъ горамъ
 На покаяніе. И тамъ
 Останусь я и постригусь.
 Послушай же: какой вѣдь вздоръ,
 Подумаешь... и что-жь!—съ тѣхъ поръ.

Какъ голодомъ я уморилъ
 Турчанку эту и зарылъ
 Вотъ тутъ, гдѣ мы стоимъ, въ песокъ —
 Тоска меня сшибаетъ съ ногъ.
 Она преслѣдуетъ меня
 Съ заката до восхода дня.
 Спать не могу я... на меня
 Шаходить ужасъ! А была
 Магометанка и росла
 Въ семьѣ, незнающей Христа,
 И не было на ней креста!..»

Мертвецъ не можетъ умереть —
 Монахъ не могъ бы поблѣднѣть
 Лишь потому, что блѣденъ былъ,
 Какъ призракъ, какъ жилецъ могиль.
 Онъ только клефту прошепталъ:
 — «Отъ голоду?!—Тебя послалъ
 Самъ Богъ, чтобъ ты напомнилъ мнѣ
 Мой грѣхъ. Смотри, гроза идетъ—
 И небо темное въ огнѣ
 То промелькнетъ, то пропадетъ.
 Такъ совѣсть иногда изъ тьмы
 Грѣховной свѣтитъ намъ, и мы
 • Дрожимъ и видимъ, что скользимъ

Надъ страшною бездною, и хотимъ,
 Закрывъ глаза, къ кому-нибудь
 Съ любовью броситься на грудь,
 Иль душу словомъ освѣжить...
 Рассказывай, какъ уморить
 Ты могъ турчанку? Соблазнить
 Она пришла...»

— Нѣтъ, это я —

Я соблазнитель... Для меня
 Она покинула сераль;
 И, право, не было ей жаль
 Съ такимъ отечествомъ навѣкъ
 Разстаться; я же человекъ
 Огважный—мастеръ отмыкать
 Чужія двери, подкупать
 Рабынь и евнуховъ. Она
 (Купца бейрутскаго жена)
 Переодѣтая ушла
 Со мною въ море. И была
 Моя Зюлейка такъ смѣла,
 Какъ будто на морѣ росла,
 Въ семействѣ клефтовъ; не пугаль
 Её попутный бурный валъ,
 Который день и ночь качаль
 Канкъ *) нашъ...

*) *Канкъ*—рыбацкій боть.

И ее тайкомъ
Сюда привезъ я, и въ мой домъ
Привелъ и взаперти держалъ;
Никто не вѣдалъ, что въ моемъ
Дому есть дверка и подъемъ
Въ одну пещеру съ небольшимъ
Отверстіемъ въ щели межъ скалъ,
Откуда падалъ свѣтъ. Цвѣтнымъ
Ковромъ солону я усталъ,
Цвѣтныхъ подушекъ набросалъ.
И вѣрь мнѣ, съ этой кладовой
Она сроднилась, какъ со мною.
Гарема-бъ я не пожелалъ
Султанскаго, такъ улаждалъ
Я съ нею жизнь мою; она
Была, какъ гурія, стройна
И у нея до самыхъ пять
Висѣли косы; только взгляды
Ея былъ нѣжности такой
Исполненъ, кроткой и нѣмой,
Что я, звѣрь грубый, даже злой,
Бывало, ощущалъ не разъ
Вліянье кроткихъ этихъ глазъ:
Сталъ меньше пить я,—пересталъ
Дразнить народъ, не бушевалъ;

Но никогда не забывалъ
 Я заперать ее, когда
 Ходилъ работать на суда,
 На сходку или на дѣлежь.
 Бывало, пробирала дрожь
 Меня при мысли, что замѣнуть
 Я дверь забылъ и что она
 Не вытерпитъ и у окна
 Покажется, чтобъ хоть взглянуть
 На Божій свѣтъ или хоть вдохнуть
 Смолистымъ запахомъ лѣсовъ.
 Какъ узница, и безъ оковъ,
 Въ плѣну любви, давно она
 Была и солнца лишена.
 Лишь въ поздній часъ, когда серпомъ
 Блестить луна, я съ ней тайкомъ
 Выходилъ на кровлю».

— «И грѣшилъ?»

Вдохнувъ, спросилъ его Кирилль.
 — «Не знаю я, была-ль грѣхомъ
 Любовь безумная моя.
 Не совѣсть мучила меня—
 Опасность...»

— «И ты, братъ, молчалъ

На исповѣди о такой

Грѣховной связи?»

— «Заѣзжалъ

Къ намъ попъ, и я ему сказалъ

Сперва, что я его убью,

Коль тайну выдасть онъ мою,

Потомъ открылся...

.

:

Наконецъ,

Чамбуль! *) вдругъ изъ конца въ конецъ

По островку промчалась вѣсть,

Что на корабль намъ надо съѣть

И плыть къ Коринѳу... Шлють за мной;

Но ты не знаешь, что войной

У насъ не шутятъ. Я не рабъ—

Остаться могъ бы; но когда-бъ

Остался—о! меня-бъ сочли

Измѣнникомъ родной земли,

Я бабой, трусомъ бы прослылъ,

Когда-бъ ружья не зарядилъ.

Нѣтъ, я не могъ нейти!

Три дня

Тревога мучила меня,—

*) Чамбуль—турецкое слово, значить—кличь на войну.

Я колебался, я страдалъ.
Давно ли я воображалъ,
Что страсть моя такой же шкваль—
Пришелъ—ушелъ,—какъ не бывалъ,
И что уляжется волна,
Какъ будто тоже и она
Забыла, что такое шкваль.
Я думалъ, страсть моя прошла;
Напротивъ, бѣшена и зла,
Какъ бы боясь предсмертныхъ мукъ,
Она прихлынула, и—вдругъ
Въ послѣдній день, въ прощальный день
Я сталъ безчувственъ, какъ камень,
Какъ будто сердце порвалось
Отъ ревности и тайныхъ слезъ;
Лишь бѣдный мозгъ мой мысли жгли
И до безумья довели.
Я думалъ,—что ей предстоитъ,
Хотя-бъ и не былъ я убить?
Взять на корабль—нельзя: законъ
Неумолимъ; когда идемъ
Сражаться въ море, нашихъ женъ
На корабли мы не беремъ;
А мнѣ она и не жена:
Жена невѣрнаго она—

Магометанка!..

Сатана—

И тотъ едва ли спрячетъ днемъ
 Такой товаръ.—Мы-жъ не веземъ
 Добычи,—ѣдемъ не домой...
 Что, если закричатъ: долой!
 Иль,—подѣлись-ка, братъ, такой
 Добычею, пока она
 За бортъ не выброшена. А!?
 Что скажешь? Леденѣла кровь
 При мысли, что моя любовь
 Позоромъ кончиться должна.
 Положимъ, думалъ я, она,
 Оставшись дома, не уйдетъ;
 Но кто ей пищу принесетъ?
 Былъ старый другъ одинъ—убить;
 Есть у меня своякъ,—висить
 Рука на перевязкѣ, но
 Болтушъ, гуляка онъ,—смѣшно
 Мнѣ было-бъ и вообразить,
 Что будетъ даромъ онъ кормить.
 А что съ ней сдѣлаетъ народъ,
 Когда она сама уйдетъ?
 Ее распутной назовутъ,
 За ней мальчишки побѣгутъ,

Дразнить, щипать ее начнуть,
 Не подадутъ куска ей... Да,
 И такъ, и этакъ—все бѣда!
 Ночь майская была душна,
 И въ духотѣ спала она,
 Когда принесъ я ей вина,
 И молока, и сухарей,
 Когда въ послѣдній разъ на ней
 Остановилъ я взоръ свой. Былъ
 Часъ третій утра; свѣтъ бродилъ
 По изголовью. Пѣнье птицъ
 Чуть было слышно; отъ рѣсницъ
 И отъ густыхъ ея бровей
 Чернѣлись полукруги. Грудь
 Дышала такъ, какъ будто ей
 Сонъ страшный снился, а дышать
 Мѣшали демоны. Она
 Была, какъ лилія, блѣдна:—
 На собственной своей костѣ
 Она, во всей своей красѣ,
 Лежала навзничъ... Я не смѣлъ
 Въ послѣдній разъ облобызать
 Ей грудь и плечи, и—не могъ
 Ни прикоснуться, ни у ногъ
 Ея прилечь, ни зарыдать.

И помню, какъ я поблѣднѣлъ,
 Когда два раза проскрипѣлъ
 Мой ключъ въ заржавленномъ замкѣ,
 И какъ потомъ въ моей рукѣ
 Онъ очутился... Я не смѣлъ
 Минуты медлить... Громко пѣлъ
 Пѣтухъ, когда я замыкалъ
 Мой домъ снаружи. Помню, да,
 Я сдѣлалъ все, что чортъ тогда
 Мнѣ подсказалъ, и въ этотъ день
 Невозмутимъ былъ, какъ камень.

Прошло два мѣсяца. Ей-ей!
 Средь вражскихъ стѣнъ, садовъ, полей,
 Въ бою, въ дыму, руки моей
 Ни женскій вопль, ни крикъ дѣтей
 Не сстанаивала. Я былъ,
 Какъ тигръ, свирѣлъ и лютъ—косилъ
 Мой ятаганъ все, что встрѣчалъ.
 Клянусь, я смерти самъ алкалъ!
 И что-жь? Вернулся я назадъ
 Съ одной царапиной!

Не радъ
 Я былъ добычѣ.—Дней такихъ,
 За груды слитковъ золотыхъ,

Я бь не желалъ переживать.
 Къ себѣ домой я шелъ, какъ татъ,
 На страшный судъ.—Зной этихъ скалъ
 Мнѣ въ душу холодъ навѣвалъ,
 Я цѣпенѣлъ, безъ слезъ рыдалъ.
 Я отперъ двери и — упалъ.

Оскаливъ зубы, подъ скалой
 Сидѣлъ трупъ женщины, нѣмой,
 Ужасный! Надъ самимъ собой
 Усилъ сдѣлалъ я, чтобъ встать,
 И мнѣ хотѣлось убѣжать;
 Но я—я вынесъ этотъ смрадъ,
 И въ ночь глухую, точно кладъ,
 Засунувъ трупъ ея въ мѣшокъ,
 Унесъ и здѣсь зарылъ въ песокъ.
 Съ тѣхъ поръ, какъ ночь лишь настаеъ,
 Я слышу стоны... кто-то бьетъ
 Иль бьется въ дверь, гдѣ заперъ я
 Однѣ подушки. И житья
 Съ тѣхъ поръ мнѣ нѣтъ. Одинъ Аэонъ
 Моя надежда»...

Кончилъ онъ

И на колѣни палъ. Кирилъ
 На плечи клефта опустилъ
 Свои ладони.

XIV.

Ужь гудѣль

Тяжелый громъ надъ моремъ, пѣль
 Надъ ними голосъ бури; но
 Обоимъ было все равно:
 Отъ силы вѣтра защищаль
 Ихъ съ сѣвера рядъ голыхъ скалъ;
 Рифъ разбиваль во всю длину
 Завихрившуюся волну,
 И только шумъ къ нимъ долеталь.
 Кирилль, хотъ онъ и уловляль
 Въ томъ шумѣ шумъ бѣсовскихъ крыль,
 Но не боялся ничего,—
 Онъ вѣрилъ: съ головы его
 И волоса не пропадетъ
 Везъ воли Божьей; келиотъ
 Не бурь боялся—думъ своихъ,
 Страстей, мечтаній молодыхъ;
 Онъ мысль невольную свою
 Гналъ, какъ эдемскую змѣю—
 Да не смутить, да не введеть
 Во искушеніе,—и вотъ,
 Кто-бъ это ждалъ! въ недобрый часъ

Десятки, сотни змѣй за разъ!
 Недаромъ былъ онъ потрясенъ:
 Внимая исповѣди, онъ
 Недаромъ слухъ свой напрягалъ:
 Онъ, замирая, жадно ждалъ
 Подрбностей;—къ его мечтамъ
 Такъ льнуло все, чего онъ самъ
 Не испыталъ.—воскресла вновь
 Въ соблазнъ одѣтая любовь.

.
 Недаромъ клефта нашъ Кирилль
 И обнялъ, и заговорилъ
 Такъ тихо, грустно:

— «Брате мой!

Узнай, ты видишь предъ собой
 Клятвопреступника; мой грѣхъ
 Ужаснѣе, страшнѣе всѣхъ
 Твоихъ грѣховъ; ни въ небесахъ,
 Ни на землѣ мнѣ мѣста нѣтъ:
 Нарушенъ вѣчный мой обѣтъ..
 Я проклятъ. Чувствую впотьмахъ
 Твой изумленный, жгучій взглядъ,
 Но погоди... Останься, братъ,
 Дай высказаться... можетъ быть,
 Обоимъ намъ не замолить

Своихъ грѣховъ,—дай хоть сроднить
 Мнѣ душу грѣшную мою
 Съ твоей душой; не утаю
 Я отъ тебя ни прошлыхъ дней,
 Ни думъ тяжелыхъ, ни страстей.

XV.

«Я молодость свою провелъ
 На скатѣ въ Желигинскій долъ,
 Въ Балканахъ. Помню я, моя
 Простая, мирная семья
 Любила грамоту. Дѣтей
 Не мало на скамьѣ своей
 Отецъ мой выучилъ читать,
 Къ Отцу небесному взывать,
 Родной земли не забывать.
 Къ несчастью, у меня была
 Сестра Олимпія; росла,
 Какъ говорится, не по днямъ...
 И, не въ укоръ другимъ цвѣтамъ,
 Такъ пышно отъ весеннихъ грозъ
 Вдругъ разцвѣла, что намъ пришлось
 Скрывать ее отъ вражьихъ глазъ,
 Какъ драгоценность, какъ алмазь.

Но красоты не спрячешь,—нѣтъ!
Она сама спѣшитъ на свѣтъ
И, какъ подсолнечникъ, глядитъ
Туда, гдѣ солнышко блеститъ.
Нашъ бѣлый домикъ, на бѣду,
Съ рѣки далеко виденъ былъ,
И хоть листвою окно прикрылъ,
Свое крылечко пріютилъ
На самомъ, такъ сказать, юру;
Такъ, можетъ быть, мою сестру,
Въ густые причесъ тростники,
Злодѣи видѣли съ рѣки.
Туда-жь, я помню, за водой
Сходили пестрою толпой
Юницы позднею порой,
Аукаясь съ моей сестрой;
Въ числѣ подругъ моей сестры
Была одна... до сей поры
Я не забылъ ея черты...
То были первыя мечты,
Ребяческія грезы... но
Все это было такъ давно,
Что, кажется, и не понять,
Какъ могъ я сладко такъ страдать.

Я помню, въ нашемъ Санджакѣ *)
 Разбои были. По рѣкѣ
 Ходила стража. Но пока
 Еще Всевышняго рука
 Хранила домикъ нашъ. Какъ вдругъ
 На всю семью нашель испугъ:
 Паша къ отцу прислалъ сказать,
 Что если хочеть онъ продать
 Ему въ гаремъ родную дочь,
 Онъ раскошелиться не прочь.
 Старикъ мой вознегодовалъ:
 Онъ на Экзарха уповалъ,
 И чтобъ спасти законъ и честь,
 Рѣшился дочь свою отвезть
 И скрыть въ стѣнахъ монастыря;
 Но, прежде чѣмъ взошла заря,
 Я связанъ былъ, отецъ убить,
 Сестра исчезла. Слѣдъ коньтъ
 Терялся около рѣки,
 Тамъ, гдѣ ломились тростники—
 Слѣда другого не нашли.
 Я бросился къ пашѣ, къ вали **).
 Хотѣлъ въ Стамбулъ итти пѣшкомъ,

*) Санджакъ—турецкая провинція—губернія.

***) Вали—губернаторъ.

Но, признанный клеветникомъ,
 Забить въ колодки и потомъ,
 Не разъ побитый палачомъ,
 Какъ рабъ, помилованъ! Съ трудомъ,
 Ступая на ноги, кой-какъ
 Обороняясь отъ собакъ,
 Изъ Сливенъ я приобрелъ дѣмой;
 Но только матери родной
 Я не засталъ: она сошла
 Съ ума и утопилась. Домъ
 Мой опустѣлъ и жизнь кругомъ
 Притихла.

Я такого зла
 Не вынесъ. Миръ свои дѣла
 Проклятыя мнѣ сталъ являть
 Во всей позорной наготѣ.
 Не за себя я сталъ страдать—
 За всѣхъ... Въ сердечной простотѣ
 То я надѣялся, что край
 Славянскій нашъ—царь Николай
 Освободитъ когда-нибудь,
 То самъ собирался въ дальній путь,
 Туда, въ Россію, гдѣ хоть звонъ
 Колоколовъ не воспрещенъ.
 То думалъ я, что мечь тайтъ

Въ душѣ—еще не значить мстить.
 И вотъ, отъ злобы самъ не свой,
 Два пистолета подъ полой
 Пронесъ я черезъ Кадыкой *);
 Хотѣлъ коня себѣ купить
 И стать киседжіемъ **), но плоть
 Борьбы не вынесла. Господь,
 Знать, посѣтилъ. Я заболѣлъ...
 Больной однажды я сидѣлъ
 Въ лѣсу, въ тѣни большихъ дубовъ,
 И думалъ: Боже! Вѣдь враговъ
 Религія моихъ отцовъ
 Не меньше этихъ комаровъ,
 Что въ этой теплотѣ сырой
 Снуютъ столбами надо мной!
 Ладонью комара убить—
 Убить ихъ сотню, можетъ-быть,—
 Чтò значить? Въ дубнякахъ родныхъ
 Надъ рѣчкой, меньше-ль будетъ ихъ?
 Къ чему послужить мечь, когда
 Богъ терпитъ зло? Вѣдь въ день суда
 Последняго, когда падутъ

*) *Кадыкой*—название ущелья, гдѣ проходятъ караваны.

**) *Киседжіи*—разбойникъ въ одиночку, безъ шайки, нападающій только на турокъ.

И эти горы, — пропадутъ
Невѣрные, — въ тартарары
Съ бѣсами, свергнутые въ адъ,
Посыплются, какъ комары,
Которымъ крылья подпалать, —
Въ тотъ день что скажетъ Царь царей
О мести суетной моей?
И воротился я домой,
И день, и ночь, полубольной
И одинокій, сталъ читать
Четьи-Минеи, повторять
Каноны, пѣть ихъ навзрусь.
Домишко нашъ сталъ тихъ и пустъ;
Лишь мнѣ въ окно все тотъ же кустъ
Цвѣтками бѣлыми киваль,
И тѣмъ же запахомъ встрѣчалъ
Меня въ часъ утренній. Никто
Не посѣтилъ меня, зато
Видѣнья стали посѣщать:
Я помню ночь — явилась мать,
Перекрестила и ушла.
А иногда и духи зла
Меня пугали — звугъ цѣпей
Я слышалъ въ комнатѣ моей
И содрогался. Не дивись:

Я думалъ, мнѣ легко спастись,—
 Я думалъ, до конца моей
 Ничтожной жизни мало дней
 Ужъ остается. Озарень
 Надеждой видѣть Божій рай,
 Стремился я въ завѣтный край,
 Въ пустыню, на святой Аѳонъ.

XVI.

«И пробрался я на Аѳонъ,
 И тамъ навѣки постриженъ
 Великимъ постриженьемъ. Но,
 Въ гордынѣ духа моего,
 Въ себя я вѣрилъ. Не смирясь,
 Не трепеща, въ тотъ страшный часъ,
 Когда предъ алтаремъ налои
 Поставленъ былъ, а предо мной
 Невидимо всталъ самъ Христось,
 Я громко клятву произнесъ
 Возненавидѣть этотъ міръ,
 Какъ бы вступить въ небесный клиръ;
 Всѣмъ сердцемъ Бога возлюбя,
 Отречься самого себя.
 Но чистымъ быть, но уповать,

Что ангелы сойдутъ принять
 Земного странника въ свою
 Присноблаженную семью,
 И въ то же время, по землѣ
 Влачась и погрязая въ злѣ,
 О женщинѣ не грезить... О!
 Повѣрь мнѣ, друже, не легко!..
 Не смѣя услаждать очей
 Зазорной наготой своей *),
 Я равнодушно замѣчалъ,
 Какъ я увялъ и отоцалъ.
 Меня отецъ бы не узналъ,
 Мать испугалась бы меня, —
 Такъ за годъ измѣнился я.
 Но вѣрь, не страшно увядать
 Тому, кто вѣритъ въ благодать,
 Чья цѣль не жить, а умирать,
 Чья смерть, подъ тяжестью креста,
 Есть въ рай отверстыя врата —
 И все-таки я былъ здоровъ;
 Бывало, три охапки дровъ
 Я на спинѣ съ окрестныхъ горъ
 Носилъ на монастырскій дворъ,

*) Аеонскіе иноки никогда не купаются и даже не мѣняютъ бѣлья, изъ опасенія видѣть наготу свою.

И если даже уставалъ,
 Свою усталость презиралъ.
 Труднѣй мнѣ было побороть
 Ночныя грѣзы. Видно, плоть
 Въ сѣтяхъ грѣховныхъ сатаны
 Сама собой рождаетъ сны...
 Пробывъ семь лѣтъ въ монастырѣ,
 Однажды, на крутой горѣ,
 Пустую келью я нашелъ
 И соблазнилъ, поддался
 Внушеньямъ бѣса: перешелъ
 Въ нее спастись. Начался
 Сподвижническій подвигъ мой
 Тяжелой, медленной борьбой
 Съ природой и съ самимъ собой.

XVII.

«Но вѣтъ! того и рассказать
 Немыслимо, что наполнять
 Приходить душу червеца
 Пустынножителя. Конца
 Нѣтъ искушеньямъ! Страшно, братъ,
 Стоять на полдорогѣ въ адъ,
 На полдорогѣ въ рай.

Цвѣтокъ,

Пѣвунья-птичка, мотылекъ,
 Козавка—могутъ поперекъ
 Твоей молитвы камнемъ лечь
 Иль, закруживъ твой умъ, увлечь
 Его въ предательскую тьму
 Вопросовъ: какъ? да почему?
 Да для чего? И что ни шагъ —
 Соблазнъ, соблазнъ!..

А Божій врагъ

Твой каждый помыслъ сторожить,
 Изъ тьмы, какъ хищный звѣрь глядитъ
 Тебѣ въ глаза, не то свиститъ,
 Не то хохочетъ. Мнѣ не разъ
 Зрачки его зеленыхъ глазъ,
 Какъ два огня, въ недобрый часъ
 Мелькали... И тогда, смутясь,
 Въ тоскѣ, въ слезахъ, я съ горь сходилъ
 На дальній звукъ *клена*ль иль *би*ль *)
 Въ ту Киновію, въ тотъ придѣлъ,
 Гдѣ я впервые возымѣлъ
 Желаніе постриться. Да,

*) *Клена*ло—чугунная доска; *би*ло—деревянная. Они употреблялись на Аeonѣ вмѣсто колоколовъ, которые въ то время были запрещены турецкимъ правительствомъ.

Я не безъ трепета туда
 Входилъ, средь писанныхъ столбовъ,
 Цвѣтныхъ лампадъ и образовъ;
 Игумень строгій тамъ готовъ
 Всегда былъ выслушать мое
 Раскаянье.

— «Нѣтъ, братъ Кирилль,
 Онъ мнѣ однажды говорилъ,—
 Ты молодецъ, и твое житье
 Пустынное тебѣ не впрокъ,
 Не возмечтай!»

И я у ногъ
 Его обильно слезы лилъ,
 И ранней старости просилъ
 У Господа.

Потомъ, не разъ
 Случалось мнѣ въ недобрый часъ,
 Чтобъ злобу думъ моихъ унять,
 Къ полудню келью покидать;
 Нарочно въ самый жаркій день
 Я уходилъ и, словно тѣнь,
 По кручамъ знойно-сѣрыхъ скалъ
 Вплоть до заутрени блуждалъ,
 И волновался, и сгоралъ
 Желаньемъ какъ-нибудь найти,

Да въ келью къ ночи принести
 Тотъ самый цвѣтъ, что на Аѳонѣ
 Былъ ангелами занесенъ.
 Какъ мы, монахи, любить онъ
 Тѣ неприступныя мѣста,
 Гдѣ нѣтъ ни травки, ни куста,
 Ни человѣческихъ слѣдовъ:
 Растеть онъ возлѣ облаковъ,
 Надъ бездной:—одиноко тамъ,
 Прижавшимъ къ каменнымъ скаламъ,
 Онъ райскимъ розаномъ цвѣтеть
 И аромать свой нѣжный льетъ.
 Мы увядаемъ,—но отъ лѣтъ
 Не увядаетъ этотъ цвѣтъ—
 «*Цвѣтъ Богородицы*».

Повѣрь,

Что я завидую теперь
 Биеню сердца, дрожи той
 Смертельно сладостной, съ какой
 Я доставалъ его рукой,
 Вися надъ бездной. Видно, Богъ
 Меня отъ смерти приберегъ,
 Чтобъ испытать, насколько я
 Отрекся міра.

XVIII.

«Какъ дитя

Безпутное, какъ блудный сынъ,
 Покинувшій отца, одинъ
 Съ растеньемъ возвращался я
 Въ свой скитъ, часу въ четвертомъ днѣ,
 И, помню, странная во мнѣ
 Безпечность родилась. Вполнѣ
 Довольствуясь самимъ собой,
 Сверкающею тишиной,
 И бездной моря голубой,
 И рано сорваннымъ цвѣткомъ,
 Оглядывался я кругомъ
 И въ умиленье приходилъ...
 Какъ вдругъ мой взоръ остановилъ
 Одинъ предметъ. Не изумись,
 Что я, съ вершины глядя внизъ,
 Не понялъ: каменный карнизъ
 Уступа страшно былъ высокъ;
 Внизу, на берегу, песокъ
 Казался узкой полосой;
 Съ нимъ рядомъ бѣлою каймой
 Шла пѣна; и внизу одно
 Въ глаза мнѣ бросилось пятно:

Мелькая, двигалось оно,
 Перебѣгало, и—потомъ,
 Бѣлѣлось долго на одномъ
 И томъ же мѣстѣ.

Бѣсъ хитерь,
 Онъ подстрекнулъ меня,—и съ горъ
 Спустился я по самый край
 Пучины. Ну, теперь узнай,
 Чтò было... Слушай!

Подхожу
 Спокойно, медленно, гляжу—
 И чтò же вижу?! не звѣрокъ,
 Не птица... На горючъ песокъ
 Склонилась дѣвочка; она
 Дрожить, почти обнажена,
 Ея ножонки знойный день
 Палить. Земля накалена,
 И вотъ, подъ сѣрый камень, въ тѣнь
 Она головку прячетъ.

Братъ!
 Клянусь тебѣ, когда бы адъ
 Покинувъ, грозный сатана,
 Гремя, сверкая, мнѣ предсталъ,—
 Меня-бъ онъ меньше испугалъ,
 Чѣмъ эта дѣвочка... Едва

Не вскрикнулъ я. Песокъ, трава,
 Лазурь, камня, — все слилось,
 Въ груди дыханье занялось,
 Похолодѣли губы. Вѣрь,
 Во мнѣ проснулся дикій звѣрь;
 Но звѣря ужасъ обуздалъ,
 Я зубъ на зубъ не попадалъ,
 Читая: «Да воскреснетъ Богъ!»
 Слово выговаривать не могъ.
 И самъ не знаю, почему
 Я думалъ: призракъ — обниму —
 Онъ пропадетъ, и надо мной
 Бѣсъ нахочется. Постой,
 Перекрещу! Авось, она
 Разсыплется. Сгинь, сатана,
 Не искушай!

Худа, блѣдна,
 Рубашкой станъ свой обмотавъ,
 Пескомъ запачканный рукавъ
 Съ другимъ связавши рукавомъ,
 Она привстала, босикомъ
 Пошла ко мнѣ навстрѣчу, и,
 Должно быть, мутные мои
 Глаза горѣли или я
 Такъ былъ похожъ на мертвеца,

Что это бѣдное дитя,
 Въ испугѣ, съ моего лица
 Очей раскрытыхъ не сводя,
 Остановилось...

Наконецъ, .

Я слышу:

— «Такъ, святой отецъ,
 Перекрести меня! Скажи,
 Гдѣ нахожусь я? Укажи,
 Куда идти мнѣ... Боже мой,
 Сама не знаю, что со мной!?
 На кораблѣ дремала я
 И, сброшенная съ корабля,
 Упала въ море... Помню громъ...
 Но что случилось съ кораблемъ—
 Куда дѣвался мой отецъ?!
 Вчера на палубѣ свинецъ
 Топилъ онъ, пули выливалъ.
 И ночь тиха была; Аеонъ
 Вершинами, какъ бы сквозь сонъ,
 На мѣсяцѣ былъ виденъ... вдругъ --
 Вообрази ты мой испугъ! —
 Едва затеплился востокъ,
 Очнулась я... гляжу—песокъ
 И горы... а мое бѣлье

Изорвано... я голодна
И жажду; но горька волна
Солёная»...

— Дитя мое!

Хотѣлъ сказать я... и не могъ;
Я видѣлъ прелесть стройныхъ ногъ,
Царапину у одного
Колѣна, черные глаза,
Большіе, грустные. Слеза
Меня прошибла. Ничего
Не могъ я вымолвить; отвыкъ
Я,—преждевременный старикъ,—
Отъ нѣжныхъ, ласковыхъ имянь.
Мнѣ показалось—я стою
На рубежѣ родныхъ Балканъ,
И въ ней ребенкомъ узнаю
Сестру погибшую мою.
И вотъ, какъ бы мгновеннымъ сномъ
Я позабылся,—въ отчій домъ
На сѣверъ былъ перенесенъ,
Опять былъ молодъ и влюбленъ,
Опять въ окошко мнѣ киваль
Махровый кустъ, и напѣваль
О прошломъ робкій голосокъ,—
И я наслушаться не могъ...

Я наслаждался и страдалъ,
Хотѣлъ остаться и бѣжать—
Бѣжать, куда глаза глядятъ:
Я видѣлъ ангела я адъ...
Казалось, начиналъ терять
Способность здраво размышлять,—
И въ то же время разсудилъ
Довольно здраво, что-де былъ,
Должно быть, взрывъ,—взрывъ корабля,
Что прошлой ночью видѣлъ я,
Недаромъ, въ воздухѣ ночномъ,
Дымъ, засвѣтившійся клубкомъ.
Такъ вотъ что значилъ этотъ громъ,
Тогда какъ не было кругомъ
Ни облачка, и при лунѣ
Все было ясно въ вышинѣ
И тихо на морѣ! Она,
Конечно, Богомъ спасена
И, на рубежъ святой земли,
Къ намъ на Аеонъ принесена
Съ тѣмъ, чтобъ и мы ее спасли.

XIX.

«Ужь было ей тринадцать лѣтъ *),
 Уже и грудь, и плечи... Нѣтъ!
 Ты не отшельникъ—надо мной
 Ты 'насмѣешься... Красотой
 Богатъ вашъ островъ,—вѣрно-бъ, ты
 Въ ней не нашелъ ни красоты,
 Ни прелести. Но вспомни, братъ,
 Что и мышьякъ почти не ядъ
 Для тѣхъ, которые къ нему
 Привыкли. Сердцу моему,
 Отвыкшему отъ женскихъ лицъ,
 Какъ отъ лучей во тьмѣ темницъ
 Подземныхъ отвыкаетъ глазъ,
 Несчастная, на этотъ разъ,
 Казалась райскимъ существомъ,
 Какимъ-то чудодѣйнымъ сномъ,
 Которымъ бредилъ я... Съ трудомъ
 Заговорилъ я и дрожалъ,
 Какъ тать, который посягалъ
 Святыню обокрасть и вдругъ
 Отъ образа пришелъ въ испугъ.

*) На Востоцѣ 12—13 лѣтъ дѣвушки уже выходятъ замужъ.

Какъ ни была она блѣдна,
 Испугана и смущена,—
 Я видѣлъ, какъ была она
 Какъ бы обрадована тѣмъ,
 Что я еще не вовсе нѣмъ
 И что на языкѣ родномъ
 Заговорилъ я—землякомъ
 Ей оказался...

Да, знакомъ

Мнѣ съ дѣтства былъ тотъ бережокъ,
 Тотъ густолиственный лѣсокъ,
 Та хата, гдѣ она росла.
 Я вспомнилъ, мать ея была
 Въ гостяхъ у матери моей,
 И, какъ сестрѣ, повѣдалъ ей,
 Куда она занесена,
 И гдѣ, и почему она
 Въ ущельѣ спрятаться должна.
 Сказалъ ей,—Господи, прости!—
 Что я хочу ее спасти,
 Что есть родникъ, но далеко,
 Къ нему пробраться не легко:
 Насъ могутъ встрѣтить, и тогда—
 Соблазнъ, смятеніе, бѣда!
 Что лучше къ ночи я одинъ

Къ ней принесу воды кувшинъ,
 Плодовъ и хлѣба.

И въ залогъ

Я ей оставилъ все, что могъ
 Оставить, розовый цвѣтокъ—
 «Цвѣтъ Богородицы».

Косясь

На женскій обликъ, торопясь,
 Я съ ней протислся и взбѣжалъ
 На крутизну, и тамъ упалъ.
 И такъ до вечера лежалъ
 Безъ памяти.

Къ осьми часамъ,

Я къ монастырскимъ воротамъ
 Съ дороги вправо своротилъ,
 Шатался, плакалъ и твердилъ:
 «Ей, Господи! Не ищущай,
 Спаси! погибнуть мнѣ не дай!
 Ей, Господи! иль отврати
 Лидо Твое, или прости!»

XX.

«И вотъ ночь пала на Аѳонъ;
 Соборъ былъ настезь отворенъ,

Мнѣ виденъ былъ недвижный рядъ
 Неугасаемыхъ лампадъ;
 Ручныхъ кадилаицъ тонкій дымъ
 Благоуханіемъ своимъ,
 Казалось, наполнялъ весь дворъ,
 И съ четками, потупя взоръ,
 Изъ темныхъ келлій въ Божій храмъ
 Сходились старцы. По плитамъ
 Шуршали мантий ихъ хвосты;
 На ихъ наплечьяхъ при лунѣ
 Мелькали бѣлые кресты;
 Какъ тѣни въ дымной тишинѣ,
 На паперть, мимо проходя,
 Они мнѣ кланялись, и я
 Имъ низко кланялся.

Потомъ,

Хоть я и не былъ новичкомъ,
 Какимъ-то смутнымъ, страннымъ сномъ
 Мнѣ сталъ казаться этотъ дворъ.
 Огни и мѣсяцъ, хрипый хоръ,
 И въ блескѣ мѣсячныхъ лучей
 Вдали псющій соловей...
 У изгороди я срываю
 Каштаны, смоквы, точно краль,
 И клалъ за пазуху.

Потомъ,—

Потомъ куда, бишь, я пошелъ?!
Ахъ, да! да, помню, я тайкомъ
Пошелъ въ пекарню, гдѣ нашель
Трапезаря. Онъ навзничъ спалъ,
И тощимъ тѣломъ занималъ
Дубовый, невысокій ларь;
Бумажный крашеный фонарь
Висѣлъ надъ нимъ и освѣщаль
Его расплюснувшійся носъ,
Ротъ, подбородокъ безъ волосъ
И впадины закрытыхъ глазъ.
Я помню, иноковъ не разъ
Онъ голосомъ своимъ смущаль—
Не говорилъ онъ, а пищаль
По-бабы. Сказывали, онъ
Былъ евнухомъ, потомъ крещенъ.
Потомъ сбѣжалъ къ намъ на Афонъ
И сталъ послушникомъ. Его
Никто монахомъ не считаль,
Онъ рѣдко церковь навѣщаль.
Игумну вѣрнымъ былъ рабомъ,
Истопникомъ и пекаремъ.
Въ душѣ я чувствовалъ къ нему
Чуть не вражду, а потому,

Когда на исповѣдь ходилъ,
 Не разъ у ногъ его просилъ
 Простить невольный грѣхъ.

И вотъ

Я разбудилъ его, онъ всталъ;
 Я пить спросилъ, онъ замычалъ
 И часть вина, смѣшавъ съ водой,
 Мнѣ подаль въ кружкѣ жестяной.
 Когда-жъ я жажду утолилъ,
 Я, поклонившись, попросилъ
 Его мнѣ уступить одинъ
 Изъ тыквы рѣзанный кувшнень.

Все это, братъ, я не спроста
 Продѣлывалъ! Я, братъ, хитрилъ!
 Вотъ, къ родникамъ за ворота
 Я тихо вышелъ. Монастырь
 Уже остался за горой,
 Уже таинственный пустырь
 Лежалъ во мглѣ передо мной,
 Уже я шель,—шель, братъ, *туда!*—
 Какъ вдругъ надъ этой свѣтлой мглой
 Звѣзда изъ тверди голубой
 Упала огненной браздой.
 Я содрогнулся.—Такъ съ небесъ

Когда-то палъ проклятый бѣсъ,
 И я такъ въ эту ночь паду.
 И я, злосчастный, самъ иду—
 Самъ жажду гибели своей!
 О! будь заступницей моей,
 Честнѣйшая всѣхъ херувимъ,
 Святая дѣва!

И томимъ

Предчувствіемъ, невольно я
 Остановился. Плоть моя
 Уже была распалена
 Той соблазняющей мечтой,
 Что бессознательно со дна
 Души моей сама собой
 Всплывала.

И вернулся я

Опять къ стѣнамъ монастыря,
 Кувшинъ покинулъ у воротъ,
 И думалъ: пусть хоть ночь пройдетъ,
 Хоть ночь! Авось, мнѣ въ эту ночь
 Господь поможетъ превозмочь
 Всѣ похотѣнія мои...
 Тогда, быть-можетъ, и любви
 Онъ не поставитъ мнѣ въ укоръ.
 И съ этой вѣрой я въ соборъ

Направился; прошелъ въ придѣлъ,
 Гдѣ я постригся, и не смѣлъ,
 Не могъ глядѣть на образа;
 Мнѣ чудилось—за мной слѣдятъ
 Ихъ очи, въ душу мнѣ глядятъ;
 И вотъ, надвинувъ на глаза
 Пакидку, я молиться сталъ.
 Всю ночь къ молитвѣ напрягалъ
 Я грѣшный духъ мой и зывалъ:
 Ей, Господи!.. И такъ страдалъ,
 Такъ убивался!

Предо мной

Виталъ все тотъ же роковой
 Прелестный образъ,—звалъ, стоналъ,
 Очами чудными сверкалъ,
 Сверкалъ лплейной наготой.
 Напрасно жаркой головой
 Къ холоднымъ мраморнымъ плитамъ
 Я припадалъ. Увы! и тамъ,
 На этомъ каменномъ полу,
 Казалось, къ моему челу
 Не мраморъ льнетъ—ея рука
 Холодная,—а у виска
 .Лепечеть голосокъ: «Вставай!
 Я жажду, жду! спѣши, спасай!»

И я, клянусь, боролся... По
 Уже бѣлѣется окно,
 Пѣтухъ поетъ; вотъ отошла
 Всенощная. Заря взошла.
 И я въ алтарь вошелъ, и палъ
 Къ ногамъ игумна, зарыдалъ.
 И на духу все рассказаль,
 Все рассказаль, что видѣлъ я,
 Что слышалъ я, что испыталъ,
 И что испытываю я...

XXI.

«Въ землетрясенъе, въ гулъ и громъ,
 Когда мы передъ алтаремъ
 Стояли и когда престолъ
 Былъ сдвинуть и качался полъ,
 Я помню, нашъ игуменъ былъ
 Невозмутимъ. Онъ причастилъ
 Всю братію и ожидалъ
 Спокойно смерти. Не видалъ
 Въ его лицѣ я никогда
 Ниже-малѣйшаго слѣда
 Тревожной думы. Въ первый разъ,
 Едва я началъ мой рассказъ,

Въ его расширенныхъ зрачкахъ
 Мучительный прочелъ я страхъ.
 Онъ сталъ блѣднѣе мертвеца;
 Онъ не дослушалъ до конца
 И глухо мнѣ проговорилъ:
 «Кирилль, ты страшно согрѣшилъ!
 Я тридцать лѣтъ здѣсь—и Аонъ
 Ни разу не былъ оскверненъ,
 Не только женскою стопой—
 Ея подобіемъ. Кирилль!
 Не Богъ, а дьяволъ попустилъ
 Такой соблазнъ! Скажи, какой
 Тяжелою эпитимьей
 Искупишь ты свой грѣхъ? Иди
 И затворись! Не выходи
 Изъ скита своего лѣтъ пять,
 Чтобъ плоть грѣховную распять,—
 Чтобъ могъ вернуться ты опять
 На путь спасенья твоего».

И только—больше ничего
 Онъ не сказалъ; благословилъ,
 Вдохнулъ, потомъ лицо закрылъ
 Руками, точно на его
 Невозмутимое чело

Мое страданье перешло.
И отошелъ, чтобъ не слышать
Монхъ рыданій.

Что сказать

На это? И поцѣловать
Его руки я не успѣлъ!
Судь Божіи надо мной гремѣлъ;
Я былъ на казнь приговоренъ,
И, положя земной поклонъ
Передъ налосомъ, вышелъ вонъ,—
И какъ до скита моего
Дошелъ — не помню ничего...

XXII.

«Годамъ у Бога счету нѣтъ.
Что значить пять иль десять лѣтъ,—
Вся мѣра жизни, для того,
Кто кромѣ Бога своего
Не ищетъ въ мірѣ ничего!
А я... такъ палъ, такъ изнемогъ!
Трехъ сутокъ вынести не могъ!
Сталъ колебаться въ вѣрѣ, сталъ
Припоминать все, что читалъ,—
И возмущился. возронталъ!

Покинулъ скитъ, забывъ свою
 Великую эпитимью,
 Слова игумна,—все забывъ!..
 Воды въ кувшинъ свой нацѣдилъ,
 И не успѣло солнце встать,
 Пошелъ *туда*, пошелъ спасать
 Ее — дитя моей мечты.
 Маленьки блѣдныя черты,
 Овѣянные алой мглой,
 Уже мелькали предо мной;
 Я видѣлъ шелкъ ея косы
 Въ алмазахъ утренней росы,
 Я видѣлъ дѣвственную грудь
 Въ одеждѣ, тканой изъ лучей. —
 И я все шель скорѣй, скорѣй..
 Уже извилистый мой путь
 Спускался подъ гору, уже
 Я сталъ шагать по той межѣ,
 Гдѣ море синее съ землей
 Цѣлуются, какъ братъ съ сестрой,
 Уже разсыпчатый песокъ
 Сталъ прилипать къ подошвамъ ногъ.
 Вотъ близко, думаю, и вдругъ —
 Вообрази ты мой испугъ,
 Мой ужасъ... Вижу, не *она* —

Уродъ навстрѣчу мнѣ идетъ —
 Онь, этотъ евнухъ!.. Вижу, ротъ
 Искривленъ, на губахъ видна
 Усмѣшка адская.. Скелеть
 Такъ улыбаться можетъ, — нѣтъ,
 Голодный волкъ, когда онъ золь
 На пастыря и вдругъ набрель
 На падалъ. Въ фартукѣ онъ былъ
 И несъ лопату, — былъ онъ радъ
 Чему-то, и зловѣщій взглядъ
 Его мнѣ ясно говорилъ:
 — Эге, эге! отецъ Кирилль,
 Такъ вотъ каковъ ты, братъ!.. идешь
 Къ голубкѣ! воду ей несешь!
 Не опоздалъ ли?..

Гдѣ онъ былъ?
 Куда ходилъ? Я не спросилъ —
 Я и спросить не въ силахъ былъ.
 Во мнѣ все замерло. Мелькнулъ
 Лопаты кованный конецъ,
 Я видѣлъ, что къ нему прильнулъ
 Песокъ, и вотъ онъ, наконецъ,
 Исчезъ. Растопленный свинецъ
 Какъ бы прожегъ меня, гора
 Легла мнѣ на сердце.

Вчера

Недаромъ ночью у дверей
 Пустынной келліи моей
 Я слышалъ шорохъ, слышалъ вздохъ,—
 Я понялъ все; но я не могъ,
 Не могъ остановиться... Знать,
 Такъ было на моемъ роду
 Написано... И вотъ искать
 Упрямо я иду, иду
 Вдоль берега, вдоль горъ, вездѣ
 Ищу ее, зову... Нигдѣ,
 Нигдѣ!! Я исшагалъ,
 Обшарилъ всѣ уступы скалъ,
 Всѣ щели, впадины,—кричалъ
 Какъ полоумный, цѣловалъ
 Ея слѣды, чуть замѣчалъ
 Ихъ признакъ на морскомъ пескѣ.
 Нигдѣ!—Въ отчаяньи, въ тоскѣ,
 Я, наконецъ, вообразилъ,
 Что трапезарь ее зарылъ.
 Но гдѣ? Клянусь! когда-бъ я зналъ,
 Гдѣ трупъ зарытъ, я-бъ откопалъ
 Мое дитя... Злодѣи мы!
 Бездушныя исчадья тьмы!
 Ей отъ плодовъ своей земли

Крупицы даже не могли,
 Не захотѣли удѣлять,
 Не пожалѣли, не спасли!
 Я начиналъ съ ума сходить,
 Я бредилъ. Наконецъ, у ногъ
 Нашелъ, ей отданный въ залогъ
 Спасенья, розовый цвѣтокъ—
 «Цвѣтъ Богородицы». Въ песокъ
 Полузарытый, онъ лежалъ;
 Его я поднялъ и прижалъ
 Къ моей груди. Казалось мнѣ,
 Онъ также плачетъ по веснѣ
 Своихъ печальныхъ дней, что онъ
 Ея слезами окропленъ,
 Что онъ измятъ, и что на немъ
 Есть капли крови.

И кругомъ

Я поводилъ глазами—и
 Ее въ лазоревой дали
 Искать среди лазурныхъ струй
 На горизонтѣ. Поцѣлуй
 Ея воздушный слышалъ я
 И слышалъ ропотъ: «Такъ меня
 Ты спасъ, несчастный человѣкъ!
 Да будь же проклятъ ты вовѣкъ!»

Я къ ночи въ монастырь пришелъ,
 И что ужъ тамъ языкъ мой плёлъ,
 О чемъ кричалъ иль бормоталъ,
 Какіе тексты приплеталъ
 Къ моимъ рѣчамъ, чѣмъ возмутилъ
 Всю братію, чѣмъ оскорбилъ
 Отца игумена?—о, братъ!
 Клянусь, не помню.

Да и врядъ,

Хотя-бъ и помнилъ, повторить
 Возможно то, что пережить
 Два раза невозможно...

XXIII.

«Да,

Я не смирился и тогда,
 Когда пришли меня связать,
 И, можетъ быть, суду предать,
 Затѣмъ, чтобъ въ цѣпи заковать,—
 Какъ обуянный духомъ зла,
 Я рваться сталъ и бушевать,
 И сила демона вошла
 Въ мой бранный остовъ, напрягла
 Мой каждый мускулъ; я, какъ бѣсъ,

На драку съ братьями полѣзъ..

.
 И вырвался, и побѣжалъ,
 И очутился за стѣной
 Въ одномъ подрясникѣ, босой
 И безъ накидки. Я дрожалъ,
 Бѣжалъ и падалъ, и опять
 Спѣшилъ безъ памяти бѣжать,
 Какъ будто цѣлый легионъ
 Духовъ, видѣній, весь Аeonъ
 Гнался за мной, и какъ ужъ я
 Попалъ на пристань—ты меня
 Не спрашивай! Казалось мнѣ,
 Съ горъ, словно туча при лунѣ,
 На вырастающемъ конѣ
 Какой-то темный великанъ
 Растеть и скачетъ, и арканъ
 Забрасываетъ, и свиститъ,
 И слышу я, земля дрожить,
 Копыта звякаютъ. То былъ,
 Быть можетъ, стукъ *клепалъ* и *билъ*,
 А мнѣ казалось... И назадъ
 Испуганный бросалъ я взглядъ,
 Какъ вдругъ—о, ужасъ! предо мной
 Пучина двигается. Стой!

Я слышу голоса въ кустахъ,
Огни мелькають въ фонаряхъ,
А предо мною на волнахъ
Пустой колышется каякъ.
И я,—хоть прыгать не привыкъ,—
Я былъ у мачты, подъ крестомъ,
И парусъ поднялъ, и весломъ
Махнулъ и поплылъ.

И потомъ,

Не помню, скоро ли въ себя
Пришелъ я,—помню только я,
Что прежде, чѣмъ глаза раскрыть,
Я ничего сообразить
Еще не могъ. Меня качалъ,
Укачивалъ журчащій валь,
И долго я воображалъ,
Что эта утлая ладья—
Родная колыбель моя;
Что я еще дитя, и сплю
И сладко грежу, и люблю
Малютку блѣдную мою,
Съ очами полными огня,
Ту самую, которой я
Душистый подарилъ цвѣтокъ.
Но вотъ прохладный вѣтерокъ

Съ волны повѣялъ мнѣ въ лицо:
На мачтѣ скрипнуло кольцо,
Накренясь, хлопнулъ надо мной
Неприкрѣпленный парусъ мой,
И я глаза мои раскрылъ,
За бортъ рукою ухватилъ,
Хотѣлъ вскочить, но боль въ костяхъ
Почувствовалъ и дрожь въ рукахъ;
Казалось, я едва дышалъ,
И все-таки кой-какъ привсталъ.
Какъ бы на золотѣ горя,
Надъ моремъ теплилась заря,
Сверкали волны впереди,
Темнѣли волны позади,
И мой каякъ нырять, какъ челнъ,
И кромѣ неба, кромѣ волнъ,
Да кромѣ флага моего
Ужъ я не видѣлъ ничего.
И силился припоминать...
И долго я не могъ понять,
Зачѣмъ аеонскій келіотъ
Куда-то по морю плыветь.

XXIV.

«Но вотъ взошло свѣтило дня—
И все внезапно вспомнилъ я,
И ужаснулся... Видить Богъ,
Хотѣлъ вернуться и—не могъ.
Я думалъ, близокъ нашъ Аeonъ.
Я видѣлъ, какъ изъ синихъ волнъ
Встаетъ онъ каменнымъ шатромъ,
Какъ бы въ туманѣ голубомъ:
Но тщетно слабою рукой
Я за весло хваталъ—меня
Весло не слушалось,—и я,
Разбитый, утомленный, сталъ
Читать отходную и ждалъ—
Вотъ, вотъ, меня догонитъ шкваль—
И я, добыча сатаны,
Погибну жертвою волны,
Или не нынче—завтра, въ зной,
Съ открытой, знойной головой,
Съ печатью ада на челѣ,
Умиру отъ жажды. Можетъ быть,
Не въ синемъ морѣ, не въ землѣ,
На суднѣ трупъ мой будетъ гнить.

И, какъ на падалъ, мнѣ на грудь
 Слетится птицъ крикливый рой,
 И въ цѣломъ мѣрѣ, Боже мой!
 Едва-ль найдется кто-нибудь
 Меня въ молитвахъ помянуть.
 Я умираю и, наконецъ,
 Какъ страшный грѣшникъ, какъ бѣглець,
 Я умеръ бы; но вы меня
 Нашли и подняли, и я
 Существованіе мое
 Влачу, какъ будто не свое—
 Чужое. Мѣромъ окружень,
 Я тщетно на святой Аѳонѣ
 Стремлюсь и тѣломъ, и душой;
 Но отъ меня онъ заслоненъ,
 Какъ бы незримою рукой
 Всевышняго... Его святынъ,
 Его мощей, его пустынь
 Я недостоннъ».

Такъ Кирилль

Разсказъ свой кончилъ. Облегчилъ
 Онъ этимъ душу или нѣтъ?
 Испѣе ли на Божій свѣтъ
 Взглянулъ?—не знаю. Но Кирилль

И самъ едва ли понималъ,
 Какъ изумилъ онъ, какъ смутилъ,
 Въ какомъ хаосѣ покидалъ
 Онъ душу Деспо (такъ звался
 Тотъ клефть, который на Аеонъ
 Стремился такъ же, какъ и онъ).

Гроза прошла; ужъ занялся
 На горизонтъ новый день,
 И съ тѣнью обнялася тѣнь,
 И обѣ тѣни безъ слѣда
 Прошли по острову. Куда?..—
 Кирилъ съ преступникомъ вдвоемъ
 Свои шаги направилъ въ домъ—
 Въ тотъ самый домъ, гдѣ подъ ключомъ
 Есть дверь дубовая, ковромъ
 Завѣшанная, а за ней,
 На влагѣ смятыхъ простыней,
 Гниють подушки и грызеть
 Ихъ мышь голодная, а сводъ
 Пещеры все еще хранить
 Тотъ мертвый духъ, который мстить.

.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Межъ темныхъ волнъ и золотой
 Передразвѣтною звѣздой
 Ложится розовая мгла;
 Спать клефтовъ мирный островокъ;
 А тамъ, надъ моремъ, вѣтерокъ
 Несеть, скосивши на востокъ,
 Судовъ турецкихъ вымпела.

Вглядѣвшись въ розовую мглу,
 Обычный сторожъ на валу
 Не вѣрить заспаннымъ глазамъ:
 «Куда? Зачѣмъ?... Ужели къ намъ?..»
 И долго взоромъ онъ слѣдитъ,
 Какъ лавируютъ корабли;
 И вотъ, разманисто бѣжать,
 Не видя подъ собой земли,—

Бѣжить и будить рыбарей
Среди развѣшанныхъ сѣтей,—
И корабельныхъ мастеровъ
Онъ будить около судовъ,
Крича: Османовъ корабли!
Османовъ корабли пришли!
И далеко пронесся крикъ:
Въ дома, въ пещеры онъ проникъ,
И дрогнули сердца мужей,
Не за себя—за участь женъ;
Встревоженный сбѣгаетъ сонъ
Съ ихъ мягко постланныхъ ковровъ...
— Гдѣ?.. Что?.. Огня... Живѣ!.. Геіі!..
И вотъ, срываются съ гвоздей
Стволы тяжелыхъ штуцеровъ...
Вскочили женщины,—со сна
Перепугалась не одна,
Вотъ, выбѣгаютъ босикомъ,
Карабкаются по скаламъ,
И озираются кругомъ;
Рубашки ихъ, то здѣсь, то тамъ,
Вдуваются, какъ паруса,
Прильнули складки къ ихъ ногамъ,
И разметались волоса;
Но въ это утро, въ этотъ часъ,

Ихъ пропускаютъ мимо глазъ:
 Растрепанныхъ, полунагихъ,
 Никто не замѣчаетъ ихъ.

Врагъ у дверей—заклятый врагъ!..
 Тревога, бѣготня, — и вотъ,
 Семейный позабыть очагъ.
 По всѣмъ ущельямъ гулъ растеть.
 Одинъ попржнему поеть
 Пѣтухъ—для одного его
 Заря и—больше ничего...

II.

Вотъ солнце пронизало мглу,
 Чтобъ освѣтить добру и злу,
 И мѣрь его восходу радъ,
 И волны весело блестятъ,
 А къ островку, по лѣну водъ
 Скользя, подъ парусомъ идетъ
 Турецкій боевой фрегатъ;
 За нимъ—два брига и корветъ.
 Собрались клефты на совѣтъ...
 И вотъ ужъ къ нимъ ядро летить,
 Скачками волны бороздить

И исчезаетъ въ пѣнѣ водъ: —
 Такъ, съ недомчавшимся ядромъ,
 Ударилъ громъ—турецкій громъ...

III.

Рѣшились турки отомстить
 Отважнымъ клефтамъ: окружить,
 Войти, нагрянуть, захватить,
 Убитыхъ уши посолить,
 Живыхъ въ Стамбуль препроводить
 На казнь, въ колодкахъ и цѣпяхъ,
 Женъ изнасиловать въ глазахъ
 Мужей, въ виду у матерей
 Предать позору дочерей,
 На пьки насадить дѣтей;
 И, чтобъ изъ мести вышелъ толкъ,
 Они послали чуть не полкъ,
 Сорокапушечный фрегатъ
 И много ядеръ и гранатъ.

IV.

Предъ осажденнымъ островкомъ
 Стоитъ фрегатъ и мечетъ громъ;

Клубясь, растеть надъ моремъ дымъ,
И бомбы съ рокотомъ летять...
И что же? островъ невредимъ:
Паденьемъ, взрывами гранать
Одинъ тростникъ кой-гдѣ измятъ,
Кой-гдѣ песокъ прибрежный взрытъ;
И, какъ орудья ни гремятъ,
Никто не раненъ, не убитъ.
И вотъ, на высадку рѣшась,
Садятся турки въ катера
И машутъ веслами. *Ура!*
Ура! изъ-за своихъ засадъ
Имъ клефты весело кричать.
Давно прошелъ ихъ первый страхъ,
И, какъ на выстрѣлъ въ камышахъ
Задѣтый пулею кабанъ,
Впередъ бѣжитъ Деспо Стефанъ,
Въ надеждѣ разрядить свое
Тяжеловѣсное ружье.
Вотъ, по песку за нимъ идетъ
Кирилль, аѳонскій келиотъ;
При видѣ этихъ кораблей
Онъ вспомнилъ родины своей
Страданья, домъ свой на юру,
Отца убитаго, сестру

Въ гаремѣ стараго паши, —
Все вспомнилъ, и отъ всей души,
Забывъ монашескій обѣтъ—
(Не знать друзей, не знать враговъ),
Онъ мстить за родину готовъ;
Недаромъ старый пистолеть
Онъ стиснулъ: старая мечта
Ему твердить, что месть свята
За поруганіе Креста,
За бѣдную свою семью,
За участь жалкую свою.
Недаромъ грозенъ онъ лицомъ:
Славянскій духъ проснулся въ немъ.
Дыша воинственнымъ огнемъ,
Откинувъ пыльный капюшонъ,
Босой, на камнѣ онъ стоитъ
И, какъ Стефанъ, со всѣхъ сторонъ
Открытый, на море глядитъ,
И хоть устами шевелить,
Едва ли понимаетъ онъ,
Въ тревогѣ за исходъ борьбы,
Слова святой своей мольбы.

V.

Но катера плывутъ съ трудомъ;
 Изъ нихъ два-три, попавъ на рифъ
 И тамъ объ камни дно разбивъ,
 Уже качаются вверхъ дномъ:
 Другіе повернули вспять,
 И начинаютъ выплывать
 Тѣла изъ пѣны, и опять
 Въ ту-жъ пѣну силою волны
 Зарытыя, разможжены...
 Два трупа въ желтыхъ башмакахъ
 У рифа въ каменныхъ зубахъ
 Увязли...

А Деспо ореть:

«Вонъ феска красная плыветъ!..
 Того гляди, что подожжетъ
 Всѣ наши лодки, всѣ суда...»
 «Куда плывешь?..» «Сюда, сюда!..»

.

VI.

Зубчатый кряжъ подводныхъ скалъ
 Врагамъ проходу не давалъ;

И кто-жь безъ лоцмана найдетъ
 Волнами спрятанный проходъ?
 Здѣсь скачуть волны въ перебой,
 Широкой пѣнясь полосой,
 А тамъ отвѣсною стѣной
 Утесы каменной пятой
 Уходятъ въ волны, и такой
 Межъ трещинъ ихъ шумить прибой,
 Что турки хоть и обошли
 Имъ ненавистный островокъ,
 Въ него проникнуть не могли,—
 Имъ не помогъ святой Пророкъ;
 И ядра, и гранаты ихъ
 Для скалъ высокихъ и крутыхъ
 Казались мячиками,—громъ
 Ихъ мѣдныхъ пушекъ раздражалъ
 Одно лишь эхо.

Простояль

Два дня, двѣ ночи ихъ фрегатъ,
 И со стыдомъ ушелъ назадъ;
 За нимъ, поднявши вымпела,
 И вся ихъ сила уплыла.
 И вотъ, въ пещерахъ, у иконъ,
 Гдѣ вмѣсто вербъ давно торчатъ
 Тѣ вѣтви пальмъ, что изъ страны

Невѣрныхъ къ нимъ занесены
 Съ холмовъ Сіонскихъ, ужь горять
 Лампадки, свѣчи зажжены,
 И попь,—единственный ихъ попь,
 Какъ и они сердечно радъ:
 И курить ладанъ, и поеть
 Молебны; помнить онъ едва
 Молитвъ завѣтныя слова,
 Но въ книгу смотреть; и никто
 Не знаетъ, что сѣдой старикъ
 Давно читать по ней отвыкъ.
 За то всѣ молятся, за то
 Имъ богъ поэзіи даетъ—
 Не мало праздничныхъ ночей!

VII.

На чудной родинѣ своей
 Народъ среди садовъ и скалъ
 По старинѣ запроваль
 Подъ музыку морскихъ валовъ,
 Неустающихъ въ тишинѣ
 Невозмутимыхъ вечеровъ
 Ласкать извивы береговъ:
 При ослѣпительной лунѣ,

У рощи, гдѣ рунны спятъ,
 Гдѣ горные ключи журчатъ,
 Трещать смолистые костры;
 Кругомъ раскинуты ковры,
 И чашь серебряныхъ чеканъ
 Блестить, и женщины, свой станъ
 Спрямяля, медленно идутъ
 По всѣмъ тропинкамъ и несутъ
 Изъ темныхъ погребовъ своихъ
 Кувшины и надъ головой
 Красиво подпирають ихъ
 Концами пальцевъ. Подъ горой,
 Гдѣ гуще тѣнь и круче скать,
 Кой-гдѣ навстрѣчу къ нимъ спѣшать
 И свѣтять факелы; и вотъ,
 Островитянокъ хороводъ
 Кругомъ обходить, и вино
 Руками ихъ обнесено,—
 И весель нирь...

Часы бѣгутъ;

Одни кричатъ, другіе пьютъ...
 Но, чу!.. за рощею—тумпанъ.
 Гитары, бубны... хоръ поетъ,
 Хоръ приближается... и вотъ,
 Изъ-за басовъ, какъ бы смычокъ

Волшебный, женскій голосокъ,
 Стыдливо, робко, нѣжа слухъ,
 Дрожить и тянется, и вдругъ,
 Могучій, страстный, молодой,
 Все покрываетъ:

«Милый мой!

Приди, приди!.. Луна зашла...

Приди! Мастику я зажгла!..»

И чуткія по берегамъ

Тѣснятся тѣни:—много тамъ

Поджатыхъ ногъ и покрываль,

И бѣлыхъ рукъ, и опахаль,

И жемчуга, и янтарей,

И бляхъ серебряныхъ...

«Приди!..»

Трепещеть въ воздухѣ, въ груди...

Лишь дѣти шепчутся порой,

Припавъ усталой головой

Къ шальварамъ смуглыхъ матерей;

Лишь паликаръ, къ плечу своей

Красавицы лицо склоня,

Ей шепчетъ: полюби меня...

И страстной музыки полна,

Она дрожить, она блѣдна:—

«Ахъ! если хочешь быть любимъ...

Будь и въ любви неустрашимъ!..»

.
 Но этихъ шашней молодыхъ
 Не замѣчаютъ старики
 И ухмыляются; у нихъ
 Въ губахъ дыматся чубуки,—
 Имъ сладокъ мягкій ихъ дымокъ;
 Любовь не тѣшитъ ихъ давно,
 Милѣй имъ старое вино...
 Такъ безмятежно островокъ
 Проводить ночь...

Одинъ Стефанъ

Деспо, угрюмъ, быть можетъ, пьянъ,
 Быть можетъ, горемъ обуянъ,
 Далеко бродить.

Лишь одинъ

Монахъ Кирилль, какъ сирота,
 Въ тѣни развѣсистыхъ вершинъ,
 У розмариннаго куста,
 Стоитъ поодаль;—явно онъ
 Видѣнъемъ ночи пораженъ.
 Ужели, мыслить келіотъ,
 Ихъ Богъ за это проклянеть!
 Когда же женскій голосокъ
 Запѣлъ «приди, приди!» Кирилль

Невольно руки опустил,
 Чуть не заплакалъ: онъ не могъ
 Не вспомнить голоса своей
 Сестры Олимпіи, и змѣи
 Завистливый въ груди его
 Зашевелился отъ того,
 Что не забылъ онъ ничего
 Изъ тѣхъ первоначальныхъ дней...
 И тяжело вздыхаетъ онъ:
 Да... это... это... не Аеонъ!..

VIII.

Проходятъ мѣсяцы и дни,
 И вотъ, какъ бы изъ колени
 Обычной выбитъ келіотъ;
 Поздоровѣлъ онъ, сталъ смуглѣй,
 И не чуждается людей,
 И даже дружество ведетъ
 Съ Стефаномъ Деспо; взгляды его
 Ужъ не пугаетъ никого;
 Но онъ ужасенъ всякій разъ,
 Когда, не опуская глазъ,
 Въ горахъ встрѣчаетъ онъ одну
 Высокогрудую жену;

У ней въ глазахъ огонь и мгла,
 У ней въ лицѣ горитъ заря,—
 И, нечего не говоря,
 Она какъ будто поняла,
 Какую страсть таитъ монахъ:
 Недаромъ на ея губахъ
 Улыбка тонкая дрожить,
 Когда, спокойная на видъ,
 Она съ младенцемъ на груди
 Проходитъ мимо.

Никому

Кирилль не скажетъ, что ему
 Еще все слышится: «приди,
 «Приди! Мاستику я зажгла!..»
 Но дума темная съ чела
 Его не сходить, и въ глазахъ
 Порой мелькаетъ тотъ же страхъ,
 И снова, тяжело дыша,
 Уходитъ онъ, какъ бы спѣша,
 Куда-то въ горы, можетъ быть,
 Чтобъ кровь свою угомонить,
 Чтобъ рѣзкій воздухъ высоты
 Угостили его мечты.

IX.

И недоуірчивый народъ
 Сталъ наблюдать, сталъ толковать,
 Зачѣмъ аѳонскій келіотъ,
 Такой на видъ святой, ведетъ
 Такую дружбу съ тѣмъ, кто пьетъ,
 Буянить и мутить народъ,—
 Съ Стефаномъ Деспо?—Отчего
 Онъ вѣчно съ нимъ или у него?!
 И слухъ идетъ, что по ночамъ
 У Деспо въ домѣ слышенъ гамъ
 И дикій хохоть, словно тамъ
 Себѣ гнѣздо нечистый свилъ.
 Неужели отецъ Кириллъ
 Свое призванье позабылъ?

X.

Среди семейной тишины,
 Полуденныхъ жаровъ, ночей,
 Попоскъ, ссоры безъ войны,
 Съ борьбой безъ тысячи смертей,
 Не уживались клефты;—имъ

Пороховой былъ нуженъ дымъ,
 Какъ пища, какъ вино, какъ сонъ,
 Какъ праздникъ; иначе они
 Страдали скукой:—сплетни жень
 Ихъ развлекали; были дни,
 Когда они изобрѣтать
 Готовы были всякій вздоръ,
 Чтобъ осуждать, подозрѣвать,
 Хитрить, судить и долгій споръ
 Вести о томъ, кто правъ, кто нѣтъ...
 (Таковъ и нашъ хваленый свѣтъ!..)

.
 Но вдругъ все встрепенулось, вдругъ
 По островку пронесся слухъ,
 Какъ нѣкій благодатный громъ,
 Въ засуху брызнувшій дождемъ...
 Откуда слухъ, и кто занесъ
 Его на островъ? Сей вопросъ
 Забытъ, не нуженъ, потому
 Что всѣ повѣрили ему,
 И, восторгаясь, говорятъ:
 — Вы слышали?.. Ты слышалъ, братъ?..
 Уже Адрианополь взятъ,
 Балканы пройдены, Стамбуль
 Дрожить и русскихъ въ гости ждеть..

Такъ иногда событій гуль
 Изъ одного въ другой народъ,
 Какъ электричество, течеть
 И шевелить сердца.

— Чамбуль!

Опять военный кличь,—опять
 Спѣшать корабликъ снаряжать.
 Пестрить народомъ Чумный валь:—
 Чугунъ, и пушки, и кули
 Везуть и тащатъ, и металлъ
 Блестить на солнцѣ, и съ земли
 На палубу проведены
 Подмости, и засмолены
 Бока фелукъ и корабля.
 Такъ съ моремъ сходитя земля,
 Съ войною—миръ, и такъ порой
 Душа расходится съ душой:
 Женихъ съ невѣстой молодой,
 Съ дѣтьми—родитель, мужъ—съ женой.

XI.

То былъ воинственный порывъ,
 И клефты выбрали вождя;
 И, всѣхъ на сходку пригласивъ,

Вождь сталъ имъ говорить:—Судя
 По всѣмъ событіямъ, должны
 Мы всё теперь желать войны,
 Но мы покуда подождемъ.
 — Не нужно ждать... чего тутъ ждать!
 Вскричалъ Деспо и сталъ ворчать.
 — Молчи, Деспо, коли не пьянъ!
 Но улыбнулся капитанъ
 И продолжалъ:—мы подождемъ,
 Переговоры заведемъ
 И будемъ дѣйствовать не врозь...
 Авось, зашевелится Критъ,
 Авось, аѳинскій сибарить,
 Чтобъ послѣ плакать не пришлось,
 Пришлетъ намъ золота,—авось,
 Могучій, православный царь
 Въ Софін древній нашъ алтарь
 Велитъ къ веснѣ возстановить
 И тамъ молебень отслужить
 За то, что Богъ благословилъ
 Не распроклятую луну,
 А крестоносную войну,—
 И въ насъ надежды поселилъ.
 Такъ, если свалится Султанъ,
 Для православныхъ христіанъ,

Для эллиновъ и для славянъ,
 Начнется мудрость только тамъ,
 Гдѣ мудрости священный храмъ
 Принадлежить и имъ, и намъ.
 Такъ говорилъ онъ, и въ глазахъ,
 На всемъ лицѣ его въ рубцахъ,
 Сквозь синеву пороховыхъ
 Обжоговъ и бровей сѣдыхъ,
 Сквозила хитрость: онъ, какъ грекъ,
 Былъ прозорливый человекъ,
 Зналъ Каподистрія, Райко *),
 Подъ знаменами ихъ стяжалъ
 Извѣстность, видѣлъ далеко...
 (Не видѣлъ то, что близко)—зналъ,
 Что рискъ опасенъ, и мечталъ
 Архипелагъ и всѣ суда
 Пиратовъ (имъ же нѣтъ числа)
 Сперва сплотить и ужъ тогда
 Идти грозой,—но не въ Босфоръ,—
 Къ ущельямъ Македонскихъ горъ,
 На Оссу, Салоники...—Да,
 Да, говорилъ онъ, вотъ куда

*) Русскій, сражавшійся за Грецію. — О немъ упоминается въ романѣ «Дешевый городъ».

Делжны мы двинуться! Сто разъ
Промѣримъ, чтобъ отрѣзать. Вотъ
Что я хотѣлъ сказать.

Народъ
Поспорилъ съ нимъ и, разойдясъ,
Сталъ выжидать.

XII.

Стефанъ Деспо, ты, какъ на грѣхъ,
Остался съ носомъ: больше всѣхъ
Ты жаждалъ битвы, каждый день
Одолѣвалъ свою ты лѣнь,
Ходилъ на пристань, не рычалъ,
Не спорилъ, только обнажалъ
Свой плотный торсъ, чтобъ какъ-нибудь
Изъ мѣди вылитую грудь
Дыханьемъ моря освѣжить;
Ты на спинѣ кули таскалъ,
Какъ Геркулесъ, ты помогалъ
Родной корабликъ снарядить;
Ты думалъ, ты мечталъ, въ бою
Не вынче, завтра, можетъ-быть,
Не подвигъ, чудо совершить
И тѣмъ покончить жизнь свою.

И вдругъ—отсрочка! Для чего?
И ты хотѣлъ поднять народъ;
Но ты не взбунтовалъ его,
Напротивъ, твой бранчливый ротъ
Замазали насмѣшкой; ты,
Палимый местию и стыдомъ,
Ушелъ домой залить виномъ
Отважныя свои мечты,
Свое презрѣнье, злость на всѣхъ,
Тоску и—тотъ ужасный грѣхъ,
Который Богомъ не прощенъ
И смертными не отомщенъ.
И мыслишь ты, что на Аевъ
Тебѣ дорогу заградилъ
Самъ Богъ, что бѣдный келіотъ,
На-что былъ чистъ и святъ, и тотъ
Своимъ разговоромъ остудилъ
Твои стремленья. Ты узналъ,
Что и подвижники грѣшатъ,
И что вездѣ грозитъ намъ адъ;
Что, тѣло брѣнное сваливъ,
Ты не уйдешь, братъ, отъ него,
Какъ и отъ тѣла своего
Ты не уйдешь, пока ты живъ.
Что-жь остается? Все забыть,

Все истребить и пить, пить, пить.
 Спасибо, бѣдный келіотъ,
 Какъ братъ, какъ другъ, не отстаетъ,
 И самъ твердить, что онъ съ тобой
 Навѣки связанъ той рукой,
 Которая толкаетъ въ адъ.

XIII.

Стефанъ Деспо подь утро спить.
 Кирилль проснулся. Тусклый видъ
 Стеклянныхъ чашъ и видъ стола
 Въ монахѣ совѣсть шевелить:
 Вчера забыться онъ хотѣлъ
 И слушалъ брань, и мясо ѣлъ,
 И много пилъ.

Но ужь давно
 Въ душѣ имъ было рѣшено,
 Что онъ погибъ; что не волна,
 Не вѣтеръ грозный,—сатана
 Воздвигъ гоненье на него
 И моремъ перенесъ его
 Туда, гдѣ торжествуетъ плоть,
 Гдѣ не найдетъ его Господь
 И не услышитъ.

И влекло

Его отчаянье на зло.
 Но страшно страсти разнуздать
 Тому, кто ихъ привыкъ держать
 Всю жизньъ въ тяжелыхъ кандалахъ;
 Ужасно, своротивъ съ пути,
 Одолѣвать то стыдъ, то страхъ,
 И въ сѣти къ женщинамъ идти
 И биться въ ихъ сѣтяхъ.

Теперь.

Ожесточенный, онъ глядѣлъ
 На занавѣшенную дверь
 И молча думалъ:

Буду смѣль,

Достану ключъ и поутру,
 Когда уйдетъ онъ, отопру
 Сію пещеру, сей подвалъ,
 Съ какой-то щелью между скаль.
 Чтò за бѣда, что мой Степанъ —
 Заклятый врагъ магометанъ,
 Покинулъ тамъ и заморилъ
 Ту плоть, которую любилъ,
 Ту плоть, чтò въ образѣ жены
 Была орудьемъ сатаны.
 Воображаю, какъ она,

Лицомъ бѣла, душой черна,
 Всѣмъ тѣломъ ластилась къ нему,
 До боли цѣловалась съ нимъ;
 И такъ онъ страстно былъ любимъ,
 Такъ счастливъ былъ, что эту тьму
 Грѣховную за рай небесъ
 Не уступилъ бы никому...
 И каково попуталъ бѣсъ!
 Теперь за дверью слышнить онъ
 То женскіе шаги, то стонъ,
 То вѣжннй плачь.

Безумецъ онъ!

И слушалъ, ждалъ и — ничего!
 Когда-то не боялся онъ
 Проклятой красоты, — и вотъ,
 Боятся, что къ нему войдетъ
 Мертвецъ проклятый! а чего
 Его бояться!!

Можетъ быть,
 Смердящій духъ его спасетъ
 Меня отъ сладострастныхъ сновъ,
 Отъ сладкозвучныхъ голосовъ,
 Чтò, напѣвая про любовь,
 Мнѣ день и ночь волнуютъ кровь...
 — Спасетъ, спасетъ!.. Кого спасать?..

Ужь поздно!.. Стоило начать,
 Чтобъ въ адъ, на все махнувъ рукой,
 Идти дорогою прямой...
 Уже корабликъ снаряжень,
 И уплывуть мужья безъ женъ,
 И другъ мой Десно уплыветъ...
 Онъ мнѣ оставитъ этотъ гротъ...

XIV.

Свѣтъ утра проникалъ едва
 Въ ту горницу, гдѣ голова
 Кирилла въ стѣну уперлась,
 И, безъ скуфы, на этотъ разъ
 Косматилась, какъ грива льва;
 Чернѣясь, до полу висѣлъ
 Конецъ накидки; въ полумгѣ
 Мелькали четки на столѣ;
 На грязной лавкѣ чуть желтѣлъ
 Босою ноги его носокъ;
 Еще Стефанъ Десно храпѣлъ;
 Но келіотъ уже не могъ
 Забыться сномъ; онъ цѣлый часъ
 Не могъ отвести тяжелыхъ глазъ
 Отъ этой двери, что ведетъ

Въ заповѣдной, проклятый гротъ.
 При тусклыхъ сумеркахъ утра
 Глядѣль онъ на узоръ ковра,
 На щель, на петли, на замѣкъ,
 Какъ будто тамъ, за дверью той,
 Былъ кто-то близкій и родной,
 И хоть грѣшна была мечта,
 Похолодѣвшія уста
 Порой шептали: Спасе мой!..
 Порой неясной головой
 Дерзалъ онъ мыслить,—задавалъ
 Вопросы,—Бога пскушалъ
 И инстинктивно прозрѣвалъ
 Въ мытарствахъ жизни путь иной.
 И весь онъ вздрагивалъ порой,
 Какъ будто палецъ ледяной
 Вдоль по спинѣ его блуждалъ.
 Вдругъ...

Что это?

Кирилль привсталъ
 Отъ ужаса... и сердце въ немъ
 Вдругъ замерло, и волоса,—
 Какъ будто вѣщимъ вѣтеркомъ
 На нихъ повѣяла гроза,—
 Зашевелплвсь.

Въ томъ углу,
Гдѣ щели двери запертой
Ковромъ прикрыты, на полу
Стоять турчанка:

Красотой
Недвижной, томной и нѣмой,
Мерцаетъ ликъ ея; рука
У золотого пояса,
Въ крови и пятнахъ (искусаль
Ее не голодь ли, въ тотъ часъ,
Когда ея разсудокъ гасъ,
И пламень жизни догоралъ
Въ разбитомъ сердцѣ, какъ елей
Въ забытой лампѣ), и темна
Ея коса; еще темнѣй
Ея рѣсницы; мракъ очей —
Невыразимый; взоръ открытъ;
Въ немъ точкой огненной сквозить
Безсмертье...

Въ ужасѣ глядить
Кирилль, и видитъ: рядомъ съ ней.
Еще стройнѣй, еще блѣднѣй,
Другая шевелится тѣнь,
И томной полунаготой
Мелькаетъ, какъ передъ зарей

На горизонтѣ смутный день,
Или, вѣрнѣй, какъ лунный свѣтъ —
На блѣломъ мраморѣ.

Глядитъ

Кирилль и думаетъ, что спать
И видитъ страшный сонъ; но нѣтъ,
Не спать онъ и не страшный сонъ
Онъ видитъ.

Та, которой онъ
Не могъ помочь, не смѣлъ помочь,
Въ ту сокрушительную ночь,
Когда царилъ надъ нимъ Аэонтъ, —
Та дѣвочка, которой онъ
Въ залогъ спасенья далъ цвѣтокъ,
Изъ-за которой проклятъ онъ,
Которой онъ забыть не могъ, --
Опять стоитъ, какъ бы въ-очью,
И такъ же наготу свою
Прикрыла рванымъ рукавомъ
Рубашки, такъ же босикомъ,
Съ царяпиною на одномъ
Колѣнѣ...

Но зачѣмъ она
Ему предстала не одна?
Зачѣмъ съ турчанкою вдвоемъ?!

И мысли путаются въ немъ...
 И хочетъ онъ спросить: зачѣмъ?
 По блѣдень, недвижимъ и нѣмъ,
 Онъ на турчанку смотреть, ждетъ
 И чудится ему, вотъ-вотъ,
 Она сейчасъ произнесетъ
 Имъ ожидаемый упрекъ.
 Грознѣе стала темнота
 Ея очей, ея зрачокъ
 Сталь ярче, алыя уста
 Полураскрытыя хотять
 Заговорить,—они дрожать,
 Какъ будто вѣчную печать
 Молчанья сиятся сломать...
 Какъ вдругъ, все спуталось: черты
 Ея восточной красоты,
 Рука и поясъ золотой
 Потускли, и мохнатый край
 Ковра (каймы его узоръ)
 Сталь виденъ за ея снпной,
 Какъ за туманомъ...

И свой взоръ

Кирилль невольно перенесъ
 На образъ дѣвушки... Видалъ
 Вѣсовъ онъ... но подобныхъ грѣзъ

Ему еще не снилось.

Въ немъ

Проснулась жажда заклинать
Видѣнье Господомъ Христомъ,
Хоть что-нибудь ему сказать...
И слышится ему: «прости,
Жди примпренья на пути
Къ Аѳону».

Тщетно напрягалъ

Онъ слухъ свой: голосъ прозвучалъ,
Какъ бы въ пустынѣ, и заглохъ,
Какъ вѣтра мимолетный вздохъ.
Таинственныя звѣзды глазъ
Потухли, тихо поднялась
Она, и руку подняла
И, какъ прозрачный дымъ, ушла.
Куда? въ какія страны?! Но
Кто будетъ спрашивать?..

XV.

Въ окно

Уже сиялъ горячій день,
Окоюннй занавѣски тѣнь
Ужъ колыхалась на полу,

А онъ—онъ все еще въ углу
Сидѣлъ и думалъ.

Вѣрилъ онъ,
Что это былъ не бредъ, не сонъ,
И даже не игра бѣсовъ,
Не дьявольское навожденье; да,
Онъ вѣрилъ, ибо никогда
Ни отъ кого не слышалъ онъ
Обычныхъ намъ ученыхъ словъ:
«Галлюцинація», «законъ
Оптическій», «рефлексы»... Онъ
И не повѣрилъ бы уму,
Такъ этотъ умъ былъ въ немъ забытъ,
Запутанъ, сдавленъ, не развитъ,
Направленъ съ дѣтства на одну
И ту же мысль—спасать свою
Трудолюбивую семью,
Спасать свой домъ, свою страну,
Сей вѣчно подневольный край;
И если неоткуда ждать
Спасенья,—все забыть, бѣжать,
Снастись отъ духа злобы,—въ рай
Уйти изъ ада жизни; да,
Уйти безъ слезъ и безъ слѣда,
Какъ узникъ подъ эгидой тьмы

Уходить изъ своей тюрьмы
 Въ непроходимые лѣса,
 Куда одни лишь небеса,
 Заглядывая, кажутъ путь;
 Въ тотъ край, гдѣ можно отдохнуть
 Отъ рабства, грабежа, цѣпей
 И отъ неправедныхъ судей...
 Его знобило... выступалъ
 Холодный потъ; онъ не страдалъ,
 Онъ только силлся понять
 Все то, что силлись сказать
 Ему два духа, эти два
 Живыхъ когда-то существа, —
 Двухъ вѣръ, двухъ націй, двухъ племень,
 Отъ *фанатизма* христіанъ
 (Такихъ, какъ Десно и какъ онъ)
 Погибшихъ, и, увы, для нихъ
 Прекрасныхъ, близкихъ, дорогихъ...

 Жужжали осы, жукъ гудѣлъ,
 А Десно все еще храпѣлъ;
 Былъ и во снѣ свирѣпъ лицомъ,—
 Весь потный, съ сжатымъ кулакомъ,
 И снящій, онъ глядѣлъ бойцомъ.
 Но, чу! шаги... идутъ, кричатъ,

Колотятъ въ дверь:

— Вставай, Стефанъ!

Тебя зоветь нашъ капитанъ.

Да не съ тобой ли келіють?

Онъ и его къ себѣ зоветь.

— Кто тамъ? кричитъ Деспо.—Сейчасъ!

И туша съ лавки поднялась.

XVI.

Идетъ и думаетъ Стефанъ:

А! понимаю, капитанъ

Сердить и дать мнѣ нагоняй

Памѣрень,—дескать, негодяй,

Какъ смѣешь ты шумѣть, орать,

Мою полптику ругать,

И какъ дерзаешь ты, свинья,

Прохожимъ кукиши казать?

На это что отвѣчу я?

На это что ему скажу?

Да ничего. Пойду, ваньюсь,

И набуяню, докажу,

Что никого я не боюсь,

Что мнѣ и онъ не страшень. Иѣтъ!..

Постой!.. Я дамъ ему совѣтъ,

Скажу ему: положимъ, я
 Такой-сякой, буянъ, свинья,
 Но терпѣливъ ты, такъ сказать,
 Благоразуменъ, любишь ждать—
 И подожди теперь... Когда
 Объявленъ будетъ намъ походъ,
 Тогда ты можешь безъ суда,
 Безъ всякихъ, такъ сказать, хлопотъ,
 Меня повѣснить... а теперь
 Ты подожди!.. я вольный звѣрь,
 Я птица вольная,—скорѣй
 Себя позволю изрубить,
 Чѣмъ покориться и не пить...
 И тяжело ступаль Стефанъ
 Межъ сѣрыхъ камней, по травѣ,
 И у Стефана въ головѣ
 Съ похмеля былъ еще туманъ.
 А солнце ярко и тепло
 Сіяло; моря длинный валъ,
 Крутясь, дробился, какъ кристалль,
 Иль какъ зеленое стекло;
 Кой-гдѣ лиловыя отъ скалъ
 Ложились тѣни по пути,
 Гдѣ въ рывинахъ могли расти
 Алоэ, кинамонъ, шалфей,

Кусты колючихъ дикихъ розъ,
 И даже бусы для дѣтей
 Изъ Богородицыныхъ слезъ.
 За Десно слѣдомъ шель Кирилъ;
 Онъ былъ задумчиво уныль,
 Зачѣмъ зовуть его—не зналъ,
 Не спрашивалъ, не унывалъ,
 Не волновался... весь онъ былъ
 Своимъ видѣньемъ поглощенъ:
 Боялся смыслъ его понять,
 Боялся Бога вопрошать...
 Да придетъ царствіе Его!
 Да будетъ въ міръ власть Его!..

XVII.

Вождь клефтовъ грузно отдыхалъ,
 Полусидѣль, полулежалъ
 На шкурѣ барса, на полу;
 То въ мѣдный тазикъ выбивалъ
 Изъ трубки сѣрую золу,
 То усъ поглаживалъ сѣдой
 Лѣнливой, жесткою рукой
 Съ отбитымъ пальцемъ; тишина
 Была кругомъ; но не темна

Была пещера, виденъ былъ
Въ углу старинный образокъ
(Съ мечомъ Архангелъ Михайлъ),
Въ другомъ углу мучной мѣшокъ,
Пила, походный котелокъ,
А вдоль стѣны, какъ серебро,
Стволы мелькали, для вина
Стояли кубки, для ишена
Посуда, словомъ, все добро,—
Добыча жизни боевой,
Была видна ему, дѣльцу,
Политику и храбрецу.
И хвалится онъ простотой,
И не усатый часовой
Съ ружьемъ и саблею кривой
Сидитъ у входа въ гротъ—одна
Старуха; можетъ быть, она
Была подругой и рабой
Вождю, въ дни славы молодой,
И бережетъ его покой
Въ дни устарѣвшей славы; но,
Что-бъ ни было, она давно
Сидитъ у входа. Кто идетъ,
Всѣхъ окликаетъ,—и прядетъ,
Съдой кивая головой.

Но вотъ, она съ своей скамьи
 Привстала,—какъ щитомъ, рукойъ
 Прикрыла слабыя свои
 Глаза и—струсила:

Стефанъ

Десно, какъ нѣкій великанъ,
 Шелъ съ пистолетами, съ лицомъ
 Свирѣлымъ, а за нимъ Кирилль
 Зловѣщей тѣнью подходилъ,
 Чернобородый, съ блѣднымъ ртомъ,
 Въ измятой рясѣ, босикомъ...
 — Чтò за фигура? Эка страсть!—
 Старуха перестала пряться,
 Отбросила веретено
 И побѣжала доложить.
 — «Ага! разбойники! Давно
 Я поджидаю ихъ—впустить!»
 И усмѣхнулся капитанъ.

XVIII.

Пыхтя, вошелъ къ нему Стефанъ,
 И келіотъ ему поклонъ
 Отвѣсилъ низкій, полевой,
 Смиранный, но не подлый; онъ

Такъ безкорыстенъ былъ душой,
 Что вслѣдъ за гибкою спиной
 Не преклонялъ души своей.
 И вотъ, привѣтствуя гостей,
 Хозяинъ приказалъ имъ сѣсть,
 Велѣлъ старухѣ имъ поднести
 По чаркѣ стараго вина
 И подогрѣтаго пшена,
 И даже меду съ имбиремъ,—
 Поговорилъ о томъ, о семъ,
 И наконецъ сказалъ:—Друзья!
 Затѣялъ дѣло я одно;
 Но тайны требуетъ оно,
 Ума, терпѣнья. Долго я
 Соображалъ, кого-бъ избрать
 На подвигъ сей, кого-бъ послать
 Кто не обманетъ ни меня,
 Ни Бога, ни честной народъ;
 Кто не боится ничего,
 Ни бурь, ни ядеръ, и поидетъ
 Одинъ на чорта самого,
 И порѣшилъ, что ты таковъ,
 Стефанъ Десно.

Десно расцвѣлъ.

Кириллъ очнулся.

— Наливай,
 Стефанъ; не церемонься, братъ...
 И ты, отецъ Кирилль, вкушай,
 Чтò Бсгъ послалъ.

Я очень радъ,
 Что ты въ горахъ покинулъ скитъ,
 Тамъ по ночамъ зѣло знобитъ,
 И если къ Богу ближе, то
 Не очень... можетъ-быть, верста—
 Другая—чтò за высота!..

Но я хотѣлъ сказать не то,
 А вотъ что... Ты, отецъ Кирилль,
 Должно быть, Богу угодилъ,
 И если браннымъ тѣломъ хилъ,
 То духомъ бодръ: недаромъ мнѣ
 Приснился сонъ, и мнѣ во снѣ
 Какой-то царь (хозяйинъ вралъ,
 Онъ сна такого не видалъ),
 Какой-то царь повелѣвалъ,
 Чтобъ я послалъ тебя, Кирилль,
 Въ святыя горы, на Аеонъ,
 И чтобъ ты Деспо проводилъ.

И поднялъ голову Кирилль,—
 Всѣмъ тѣломъ встрепенулъ онъ.

— Меня! онъ вскрикнулъ—на Аѳонѣ!
 Въ святѣя горы! для чего!?
 И онъ едва не досказалъ
 Въ порывѣ сердца своего,
 Какъ изъ Аѳона онъ бѣжалъ
 И, вѣроятно, проклять, но
 Подумалъ:—то, что рѣшено
 На небесахъ, перерѣшать
 Не мнѣ...

И началъ развивать
 Хозяинъ мысль свою, сказалъ,
 Что русскій духъ и русскій штыкъ
 Такъ далеко на югъ проникъ,
 Что всюду, гдѣ поруганъ Крестъ,
 Гдѣ Оттоманскою ордой
 На церковь наложенъ арестъ,
 Гдѣ христіанскою слезой
 И кровью каждый уголокъ
 Земли пропитанъ,—весь Востокъ,
 Все христіанство поднялось,
 Что вѣра подавила страхъ,
 И страхъ исчезъ,—что даже тамъ,
 Въ Аѳонѣ, на святыхъ горахъ,
 По скитамъ и монастырямъ,
 Опять броженъе началось,—

Какъ бы отъ Бога пронеслось
Дыханье бурное,—что вѣсть
Къ нему дошла, что тысячь шесть
Монаховъ (больше, если счесть)
Готовы на врага возстать,
Что если порохъ имъ послать
Да ружья, то такая рать
Могла бы смѣло помогать
И Грекамъ и Славянамъ,—и
Отважныхъ клефтовъ корабли,
Въ одинъ соединившись флотъ,
Къ веснѣ на помощь къ нимъ пойдутъ,
Кавалу приступомъ возьмутъ,
Солунь... Морею... но должны
Монахи знать, что до весны
Имъ это слѣдуетъ скрывать,
И что расчетъ вѣрнѣй меча.
«Нѣтъ, мечъ вѣрнѣе», сгоряча
Подумалъ Деспо, но смолчалъ.
Неукротимый сей нахаль
И пьяница уже внималъ
Почтительно и, положивъ
Одну ладонь себѣ на грудь,
Былъ, какъ послушникъ, молчаливъ,
И, какъ ребенокъ, радъ былъ въ путь

Опасный ринуться; ужь онъ
 Узналъ, что моремъ на Аѳонъ
 Доставить порохъ долженъ онъ,
 Остаться тамъ недѣли три
 И обойти монастыря..
 Но ни храбрець Деспо Стефанъ,
 Ни велемудрый капитанъ,
 Мечтая о такой войнѣ,
 Ни разу не были въ странѣ,
 Гдѣ аскетизма духъ царить.
 Кирилль объ этомъ лучше зналъ,
 Но вѣрилъ въ чудо и молчалъ.

XIX.

И вотъ, Деспо почти не пьетъ,
 Забылъ свой домъ, чуть не живеть
 На пристани; то, подбочась,
 Серdito смотреть, какъ смолять,
 Чернять, скрѣпляють и снастятъ
 Готовый для него баркасъ,
 Двухъ-парусный, почти гребной,
 Турецкой кровью политой.
 То онъ съ матросами сидитъ
 На палубѣ, какъ удалой

Пирать, и хрипло говорить:
 — Какой-то вѣтеръ Богъ намъ дать?
 Не слишкомъ ли тяжелъ балластъ?
 Какъ лучше обойти пмъ рифъ,
 И какъ высокъ морской приливъ?
 Онъ явно въ духѣ: всякій разъ
 Трунить, когда Кириллъ, трудись
 До поту, тощій и босой,
 Своею сгорбленной спиной
 Таскаетъ тяжести.

Едва-ль

Кто понимаетъ, какъ ему,
 Кириллу, жаль, что никому
 Не нуженъ онъ, какъ страшно жаль
 Ему разстаться съ островкомъ.
 Печаль его была не та-ль
 Когда-то юная печаль,
 Когда впервые отчій домъ
 Онъ покидалъ?

Иль онъ не тотъ

Отшельникъ, юный келіотъ?
 Неужели ему стать миль
 Архипелага уголокъ,
 Гдѣ онъ никакъ найти не могъ
 Чего искалъ: утраты силъ—

Уединенья.

Да, Кирилль

Уже не тотъ; онъ полюбилъ
 Скалистый островъ, этихъ горъ
 Зубчатыхъ каменный узоръ,
 Пещеры, дворики, сады,
 Тропинки отъ дверей къ дверямъ,
 И даже—даже тѣ слѣды,
 Которые ведутъ къ ключамъ
 Каскадистымъ, куда порой
 Островитянки за водой
 Идутъ съ кувшинами. Великъ
 Былъ первый искусь; но привыкъ
 Онъ каждый день встрѣчать черты
 Здоровой женской красоты
 И даже думать, что она
 На радость Богомъ создана.

XX.

Готовъ баркасъ, и настаетъ
 Канунъ отплытья. Келіотъ
 Голодный, чтобъ тоску унять,
 Идетъ по острову блуждать,
 И странно: каждому цвѣтку,

Пугливой птичкѣ, мотыльку,
 Извилистому ручейку,
 Травѣ и камешкамъ,—всему,
 Всему онъ, какъ ребенокъ, радъ!
 Какъ жаденъ слухъ, какъ жаденъ взглядъ, —
 Какъ дивно все! Цвѣтокъ ему
 Киваетъ,—шепчется ручей,
 И птичка издали въ кустахъ
 Ему поетъ: сюда, скорѣй
 Сюда, сюда бѣги, монахъ!
 И мотылекъ,—какъ будто ждетъ,
 Чтобъ онъ поймалъ его,—раскрылъ
 Два лепестка двухъ чудныхъ крылъ
 Пурпурныхъ, съ крупной бирюзой,
 Съ жемчужнами и каймой,
 Прилипъ къ цвѣтку, самъ сталъ цвѣткомъ,
 И убаюканъ вѣтеркомъ.
 Въдъ это все уже не разъ
 Видалъ Кирилль, затѣмъ же онъ
 Ни разу не былъ такъ влюбленъ
 Въ природу?

Но, всему дивясь,
 Всѣмъ наслаждаясь, келіотъ
 Какъ будто смутно сознаетъ,
 Что для него недостасть

Чего-то... но чего же ждать?—
 Чего?! и хочется рыдать...
 Какъ мальчикъ—трогательнъ онъ,
 Какъ взрослый—жалокъ и смѣшонъ.
 Но кто идетъ? Ужель она,
 Та чародѣйка, та жена,
 Которой онъ встрѣчать не могъ
 Безъ трепета, чей темный взоръ
 И яркій, огненный зрачокъ,
 Изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, въ упоръ
 Глядитъ въ глаза ему, и въ немъ
 Читаетъ все, что онъ таитъ,
 Томимый страхомъ и стыдомъ,
 И съ нимъ улыбкой говорить,
 Какъ будто дразнить.

Боже мой!

Куда она въ тѣни сырой,
 Между оврагомъ и скалой,
 Несетъ ребенка въ пеленахъ,
 И, не сводя съ него очей,
 Его колышетъ на своей
 Грудн, какъ любящая мать?
 Пошелъ навстрѣчу ей Кирилль
 И тихо съ ней заговорилъ:
 — Дай мнѣ ребенка поддержать.

Красавица не поняла,
 Зачѣмъ ему ребенокъ! Страхъ,
 Что онъ вампирь, а не монахъ,
 Вдругъ промелькнулъ у ней въ очахъ;
 Вся поблѣднѣвъ, она плотнѣй
 Къ груди разстегнутой своей
 Прижала сонное дитя,
 Его прикрыла рукавомъ,
 И стала въ полуоборотъ,
 И смотреть исподлобья, ждать,
 Что будетъ...

— Ъду я, прощай,
 Сказалъ Кирилль.— Дай испытать,
 Что значить на рукахъ держать
 Дитя... Чего боишься? Знай,
 Тебя любить не смѣлъ я, но
 Ребенка твоего давно
 Люблю...

— Его ты любишь? да?!.
 Перекрести его.

И вотъ,
 Согбенный, блѣдный келіотъ
 Перекрестилъ его.

— Куда
 Ты уѣзжаешь?

— На Аeonъ.

Ей стало стыдно, что монахъ
 Вампиромъ показался ей
 (Злымъ мертвецомъ, что у дѣтей
 Высасываетъ кровь), и страхъ
 Уже смѣшонъ ей сталъ,—и вотъ,
 Она, смѣясь, передаетъ
 Ему съ рукъ на руки дитя.
 И, умиленный, смотритъ онъ,
 Свои рѣсницы опуствя,
 На безмятежный дѣтскій сонъ,
 На нѣжную округлость щекъ,
 На пальчики, что въ кулачокъ
 Сгибались...

И его глаза

Увлажились, и, осѣни
 Рѣсницу, крупная слеза
 Повисла.

— Такъ-то и меня

Когда-то, бѣдный, бѣдный мой
 Отецъ держалъ, и,—можетъ быть,
 Мечталъ о внукахъ!..

И косясь

На близость женщины,—стыдась
 Волненья страстнаго, боясь

Дитя лобзаньемъ разбудить,
 Или обжечь слезой своей,
 Его назадъ онъ отдалъ ей.
 Подкашивались у него
 Колѣна, и въ ушахъ былъ звонъ,
 И голова кружилась,—онъ
 Упасть боялся.

Ничего

Красавица не поняла,
 И, равнодушная, взяла
 Назадъ дитя свое, и съ нимъ
 Простилась.

Скоро за крутымъ

Оврагомъ, въ рошницѣ, она
 Исчезла, какъ видѣнье сна,
 Какъ чудный призракъ.

Цѣлый часъ

На томъ же мѣстѣ онъ стоялъ,
 Быть-можетъ, сердцемъ догоралъ,
 Какъ мученикъ,—и тихо гасъ.

XXI.

Деспо, безъ лоцмана рѣшась
 Неповоротливый барказъ

Сберечь отъ вѣроломныхъ скалъ,
 Благополучно миноваль
 Подводный рифъ и распустиль
 Два паруса, какъ два крыла,
 И въ часъ, когда заря и мгла
 Уже сливались, уходиль
 Съ попутнымъ вѣтромъ на просторъ,
 На сѣверъ отъ родимыхъ горъ,
 Которыхъ высь надъ бездной водъ
 Туманиль неба темный сводъ.
 Съ нимъ были—вѣрный келіотъ,
 Два юнги, человекъ пять-шесть
 Матросовъ, чтобъ въ затишье грестъ,
 Чтобъ въ шквалъ иль бурю закрѣпль
 Канаты, воду отливать,
 И наконецъ, на случай, боть
 Стояль на палубѣ.

Стефанъ,
 Какъ самовластный капитанъ,
 Ведеть себя; онъ сознаеть,
 Что тѣсенъ трюмъ, не высока
 Каюта, что съ собой везеть
 Онъ нуль ружейныхъ два мѣшка,
 Два ящика пороховыхъ,
 И, чтобъ сберечь отъ искры ихъ,

Онъ въ вѣтеръ пересталъ курить.
 Онъ даже запретилъ варить
 Похлебку,—сухари жуеть;
 Но что за дѣло до того,
 Тощъ или сытъ мамонъ его,
 Когда и такъ не мало думъ
 Наводить волнъ знакомый шумъ,
 Скрипъ мачты, мутныхъ облаковъ
 Густыя пятна, моряковъ
 Воинственныя пѣсни.

— Нѣтъ,

Въ отвѣтъ Кириллу онъ хрипить,—
 Вотъ, мнѣ ужъ скоро сорокъ лѣтъ,
 А все еще душа болитъ,
 А все еще не унялась
 Въ душѣ возня; вотъ почему
 Я такъ изнѣжился, такой
 Сталъ непотребною овцой,
 Что даже у себя въ дому,
 Вернувшись къ ночи, не избилъ,
 Не изругалъ тебя, Кириллъ,
 За то, что ты послѣдній мой,
 Послѣдній мой кувшинъ разбилъ
 И разлилъ все мое вино...
 Усталъ я, мнѣ хотѣлось пить,—

А ты?!

— И мнѣ хотѣлось, но
Твою Зюлейку видѣлъ я...
Такъ ясно видѣлъ, какъ тебя
Сію минуту вижу.

— О!..

Ты видѣлъ!..

— Бога призову
Въ свидѣтели, что наяву
Она явилась мнѣ. Ты спалъ,
Во снѣ метался и стоналъ,
А я завидовалъ тебѣ,—
Твоей погибельной судьбѣ
Завидовалъ и проклиналъ...
Ты жилъ, любилъ, ты счастье зналъ,—
Я не жилъ, не любилъ, спасалъ
Себя отъ жизни, и не могъ
Спастись отъ жизни! Видить Богъ,
Какъ я боролся!... Помню, дрогъ
Я въ это утро: плоть моя
Была въ огнѣ... тоска-змѣя
Сосала сердце мнѣ—и вотъ,
Я сталъ мечтать: когда въ походъ
Уйдешь ты, и съ тобой уйдетъ
Женатый молодой народъ,

Я заберусь въ твой тайный гротъ,
И тамъ, въ угоду сатанѣ
И грѣшной плоти, можетъ-быть,
Лукавый бѣсъ поможетъ мнѣ
Разставить сѣти, соблазнить
Кого-нибудь, и такъ же скрыть
Свой блудъ, какъ ты его скрывалъ
За темной дверью между скалъ,—
Какъ вдругъ, у двери встала *та*,
Которую сгубилъ ты. О!
Какъ я наказанъ! Красота
Явилась мнѣ не для того,
Чтобъ соблазнить меня, она
Была строга и холодна,
И выражали мнѣ укоръ
Ея уста, и жгучій взоръ
Меня какъ бы насквозь пронзалъ,
Какъ бы язвилъ и упрекалъ.
Я млѣлъ отъ ужаса. Куда
Дѣвались грѣшныя мечты
При видѣ этой красоты!
И стало стыдно мнѣ, когда
Очнулся я... и, брате мой!
Съ тѣхъ поръ, мнѣ думалось порой,
Что дружество мое съ тобой

Грѣшнѣе, чѣмъ ея любовь.
 При ней ты не пилъ, а со мной
 Сталъ винной бочкою, и вновь
 Твоей душою овладѣлъ
 Духъ злобы...

Молча поглядѣлъ
 Десно въ глаза ему, но взглядъ
 Былъ страшень (совы такъ глядятъ,
 Не ночью, днемъ, когда хотятъ
 Понять, кто потревожить смѣлъ
 Покой ихъ); онъ не захотѣлъ
 Разспрашивать, онъ отвернулъ
 Лицо свое и сталъ глядѣть
 Туда, гдѣ смутно проглянулъ
 Край неба, и мельнула сътъ
 Созвѣздій; но не о звѣздахъ
 Онъ думалъ, онъ не видѣлъ ихъ,
 Былъ вѣщій страхъ въ его глазахъ,
 Слегка прищуренныхъ и злыхъ.
 Ему казалось, пронеслась
 Душа ея среди ночныхъ
 Тѣней, и на его баркасѣ
 Шла вмѣстѣ съ темною волной,
 И вѣтеръ мокрою косою
 Трепалъ, и бѣлою фатой

То обвивалъ ее кругомъ,
 То рвалъ на клочья, и въ ночномъ
 Дыханьи, точно огонекъ
 Фосфорный, звѣздочки серегъ
 И кольца на ея рукахъ
 Дрожали и сверкали—ахъ!
 Десно и разглядѣть не могъ
 Того, что видѣлъ, то была
 Фантазія, то былъ хаосъ
 Воспоминаній, страсти, зла,
 Тоски, отчаянья и слезъ.

XXII.

Нѣтъ бури, но валы встаютъ
 И морщатся *), и бьютъ въ бока
 Баркаса; низко облака,
 Сплываясь, по вѣтру плывутъ,
 И дождь несутъ они, и нѣтъ
 Дождя ни капли, солнца свѣтъ
 Вдали серебрянымъ пятномъ
 Блуждаетъ, тускнеть, и опять

*) Въ сильную бурю морскіе валы сглаживаются, а не морщатся какъ это бываетъ въ сильный вѣтеръ.

Вездѣ, гдѣ пѣны не видать,
 Даль моря кажется свинцомъ,
 Такимъ же какъ и небеса.
 Идѣтъ бури, только паруса
 Надулись: кажется, вотъ-вотъ
 Сейчасъ ихъ вѣтеръ оборветъ,
 Иль судно бортомъ зачерпнетъ...
 Десно спѣшить забыться сномъ,
 Уходить; но не мало рукъ
 Цѣпляется за снасти; люкъ
 Закрѣтъ, и топотня кругомъ.
 У якоря стоитъ Кирилль,
 Простоволосый, босикомъ,
 Перепоясанный ремнемъ,
 И вдаль стремить свой взоръ: забылъ
 Недавнее, возобновилъ
 Забытое—и, скорби полнъ,
 Онъ видитъ, какъ изъ темныхъ волнъ
 Раскинутымъ шатромъ встаетъ
 Одна гора, и узнаетъ
 Опъ эту гору: то—Аоонъ.
 Недаромъ онъ челомъ поникъ:
 Чтѣ ждетъ его на той горѣ?
 Чѣмъ онъ отвѣтитъ за канкъ?
 И бѣглеца въ монастырѣ

Простать ли? Избѣжить ли онъ
 Анаемы или суда?
 Онъ самъ останется ли тамъ,
 Или удалится навсегда
 Въ несчастный край, къ роднымъ горамъ,
 Въ свои Балканы, чтобъ учить
 Дѣтей Болгарію любить
 И за нее средь бурь и битвъ
 Не забывать святыхъ молитвъ,
 Учить, какъ ихъ учили старикъ
 Отецъ его?..

И келіотъ,

Увы! невольно сознаеть,
 Что въ міръ къ міру онъ привыкъ,
 Грустить и свѣтлую таить
 Надежду, что Господь проститъ
 Его, какъ нѣкогда простилъ
 Онъ сына блуднаго, какъ Онъ
 Простилъ разбойника. Но вотъ,
 Тотъ мысъ, тотъ каменный Аеонъ,
 Ключкомъ тумана заслоненъ,
 Какъ бы исчезъ.

И келіотъ,

Очнувшись, слышитъ за собой
 Тревогу, слышитъ: рулевой

Какъ будто выбился изъ силъ;
 Стефана кто-то разбудилъ,
 И вновь командуеть Стефанъ.
 А тамъ, гдѣ золотымъ пятномъ
 Лучъ солнца свѣтитъ сквозь туманъ,
 Онъ видитъ—по морю идетъ
 Фрегатъ, дымясь, какъ пароходъ,
 Фрегатъ турецкій паровой,
 Военный, съ золотой луной
 На флагъ...

— Надо отступать,
 Чтобъ этой встрѣчи избѣжать,
 Ворчатъ Стефанъ, съ-просонья злой.
 — Враги не страшны намъ. Впередъ!
 — Что-бъ ни было, не пропадемъ,
 Сказалъ Кирилль,—недаромъ вы,
 Избравъ меня проводникомъ,
 Пашили крестъ *); а подъ крестомъ
 Аэона, всюду мы пройдемъ,
 И волосъ съ нашей головы
 Безъ воли Божьей не спадеть...
 Что-бъ ни было, впередъ, впередъ!

*) Суда, принадлежащія Аэону, посятъ черныя кресты на парусахъ или на флагъ.

XXIII.

Баркасъ замѣченъ былъ; фрегатъ
 Пошелъ ему наперерѣзь.
 Паша былъ храбръ, но простоватъ.
 Сѣръ-Вальтеръ Брукъ промолвилъ:

— Yes!..

Чтобъ осторожно поступать,
 Необходимо наблюдать.
 Я вижу въ трубку—флагъ съ крестомъ.
 Добавилъ онъ,—но это вздоръ...
 Обманъ...

— Разбойники кругомъ,

Рѣшилъ паша, потупя взоръ.
 Затѣмъ онъ приказалъ догнать
 Баркасъ и строго обыскать.
 И сталъ сѣръ-Вальтеръ разговоръ
 Съ пашой спокойно продолжать:
 — Yes! Я скажу вамъ напередъ,
 Что Русь Стамбула не возьметъ,
 Мы не допустимъ.

— Было-бъ грѣхъ

Вамъ допустить, сказалъ паша,
 Вдохнуль и допилъ, не спѣша,

Свой кофе.—Русскаго успѣхъ
 Хлопотъ не мало причинить:
 Возстанеть Греція, и Критъ
 И даже Сербія..

О! намъ,
 Вздохнулъ сэръ-Вальтеръ,—долгъ велить
 Спасать торговлю. Никогда
 Россія васъ не покорить
 И никогда, благодаря
 Британіи, капризъ Царя
 Отъ ига не освободить
 Ему сочувственныхъ славянъ,—
 Сихъ допотопныхъ христіанъ
 И неучей. Но вашъ расчетъ
 Единственный, и напередъ
 Вы знайте, что по временамъ
 Должны вы мазать по губамъ
 Народъ, что помогаетъ вамъ
 Платить долги и, какъ господь,
 Васъ кормить.

— Да, народъ
 Для насъ полезный... отвѣчалъ
 Паша и закурилъ кальянъ.

XXIV.

Баркасъ напрасно поднималъ,
 Всѣ паруса, лавировалъ
 (И тѣмъ себя изобличалъ).
 Напрасно самъ Деспо Стефанъ
 Рулемъ ворочалъ и рычалъ;
 Напрасно клефты налегли
 На весла, чтобъ идти назадъ,
 Ихъ вѣтеръ и валы несли
 Впередъ, на вражескій фрегатъ.
 II, бросивъ руль, Стефанъ сказалъ:
 — Ну, нѣтъ,—я обыскать не дамъ
 Баркаса, чортъ возьми! я самъ...
 Попробуй взять меня! начну
 Стрѣлять, или пойду ко дну,
 Или взорвусь.

II, подбочась,
 Шагаетъ онъ,—прищурилъ глазъ,
 II смотритъ, какъ идетъ фрегатъ.
 Какъ, отъ фрегата отдѣлясь,
 За ними гичка погналась;
 Вотъ откачнулося назадъ
 Двѣнадцать фесокъ, поднялось

Двѣнадцать весель, — гички носъ
 Приподнялся и, опустясь,
 Прорѣзалъ пѣну; вотъ стволы
 Ружейные, перекосясь,
 Мелькають ближе всякій разъ,
 Когда на сизые валы
 Взлетаетъ гичка.

— Надо васъ

Немного осадить, сказалъ
 Стефанъ, и рѣзко закричалъ:—
 Пали! пали! и первый самъ
 Спустилъ куроку, и по волнамъ
 Ружейный закрутился дымъ,
 Но, прежде чѣмъ другой патронъ
 Былъ скусанъ, дымъ былъ унесенъ
 Порывомъ вѣтра.

Недвижимъ

Подъ мачтою стоялъ Кирилль
 И улыбался.

XXV.

Не видать,

Чтось выстрѣлы кого-нибудь
 Задѣли въ голову и грудь,

Но гичка стала отставать
 И, потерявши два весла,
 Казалось, никуда не шла.
 Должно быть, струсили гребцы.
 И по-турецки сталъ кричать
 Стефанъ Деспо:—Гей! молодцы!
 Ловите весла; я мѣшать
 Не стану вамъ, да не стрѣлять!
 Не подступать!

И кулакомъ

Грозиться началъ онъ, суля
 Имъ новый залпъ.

Вдругъ дыму комъ

Взвился надъ бортомъ корабля,—
 Раздался выстрѣлъ, и картечь
 Рванула воздухъ.—О, чтобъ васъ,
 Треклятыхъ дьяволовъ!.. но рѣчь
 Деспо неволью порвалась.
 Онъ гордо оглянулся,—цѣль
 Былъ экипажъ, и келіотъ
 Еще стоялъ съ минутой; но
 Вдругъ поблѣднѣлъ, какъ полотно,
 И покачнулся, точно спать
 Вдругъ захотѣлъ онъ, и прилегъ
 У мачты: судорожный вздохъ

Сталь тяжело приподнимать
 Животъ и грудь его, но страхъ
 Лица его не искажилъ;
 Съ улыбкой странной на губахъ
 Лежалъ онъ на сырыхъ доскахъ.
 И за руку его схватилъ
 Стефанъ, въ лицо ему глядитъ,
 Зоветь его: очнись, Кирилль!
 И видитъ,—бѣдный келіотъ
 Не наповаль еще убить;
 Но смерть на ликъ его кладеть
 Свою печать,—не умеръ онъ,
 Но черезъ пять минутъ умереть;
 И мнится, сквозь предсмертный сонъ,
 Съ причастьемъ чашу видитъ онъ,
 И имя Дѣвы и Христа
 Лепечуть блѣдныя уста.

XXVI.

Деспо себя ударилъ въ грудь,
 И молвилъ: въ тотъ же *долій путь*
 И я отправлюсь за тобой,
 Единственный пріятель мой!
 И, прослезившись, созвалъ онъ

Матросовъ:

— Видите фрегатъ,
 Сказаль онъ,—этотъ супостатъ
 Сильнѣ насъ вооруженъ,
 Онъ захватить насъ будетъ радъ.
 И насъ задуматъ, какъ щенятъ.
 Но слушайте... и знайте, я—
 (Тутъ Десно сдѣлалъ знакъ рукой,
 Отлично понятый толпой)
 Но слушайте и—знайте, я
 Одинъ хочу сцѣпиться съ нимъ...
 Итакъ, спасайтесь, друзья,
 Садитесь въ лодку,—и засимъ
 Прощайте!.. Вотъ мощна моя,
 Мое оружье, сухари,—
 Все, все берите. До зари
 Вы проберетесь на Афонъ;
 Скажите тамъ, что нашъ отецъ
 Кирилль страдальческій вѣнецъ
 Пріяль отъ мусульманъ...

Что я...

Что жизнь окончена моя,
 Что эта жизнь была грѣшна;
 Но тотъ, кто душу отдаетъ
 За братьевъ. тотъ ее спасетъ.

Авось, Аэонъ произнесетъ
 Съ молитвой наши имена,
 И панихиду отпоетъ.....
 И молча клефты обнялись
 Съ Стефаномъ Деспо—(не нашлись,
 Что отвѣчать); не безъ труда
 Спустили ботикъ, и когда
 Они за весла принялись
 И стали удаляться, онъ,
 Поставивъ парусъ свой ребромъ
 И круто повернувъ рулемъ,
 Сталъ плыть къ фрегату.

Съ двухъ сторонъ

Къ нему сплывались гички и
 Готовили багры свои,
 Чтобъ захватить его въ полонъ.

XXVII.

На ютъ фрегата собрался
 Весь экипажъ, и самъ паша
 Былъ радъ, что дерзкій отдался
 И самъ плыветъ къ нему, слѣша
 На собственную казнь; и вотъ,
 Баркасъ къ фрегату пристаеъ,

Какъ вдругъ Деспо исчезъ...

И вдругъ

Все опрокинуто... сэръ Брукъ,
 Паша, кожухъ, скамьи,—трепца
 Сломилась мачта,—трепеща
 Взвились на воздухъ паруса,—
 И грянулъ взрывъ, ужасный взрывъ,
 Двухъ ящиковъ пороховыхъ,
 И дымъ, какъ туча, поднялся,
 И потемнѣли небеса,
 И—волны щепками покрывъ,
 Исчезъ баркасъ. Гдѣ келіотъ?
 Гдѣ Деспо? Нѣтъ ихъ. Бездна водъ
 Ихъ незамѣтно приняла,
 И уже за версту несетъ
 Ихъ искаженные тѣла.

XXVIII.

Зари вечерней изъ-за тучъ
 Не видно; но румяный лучъ
 Ея сталь по небу блуждать,
 И море начало стихать,
 И стала зыбь ровнѣй дышать,
 Круглясь, какъ грудь океанидъ,

И какъ стальной сверкая щить.
Матросы Деспо спасены,
Гребутъ и, медленно съ волны
На новую переходя,
Плывутъ и крестятся; имъ жаль .
Ихъ безшабашнаго вождя,
Жаль келіота, и печаль
Туманить лица ихъ; но взглядъ,
Невольно брошенный назадъ,
Когда гулъ взрыва ихъ потрясъ,
Утѣшилъ ихъ—погибъ баркасъ:
Погибъ ихъ вождь, зато фрегатъ
Стоялъ накренысь; явно, онъ
Обезображенъ былъ, лишенъ
Возможности сейчасъ же плыть,
Ихъ догонять и въ нихъ палить
Картечью... Не было межъ нихъ
Рѣчей (на умъ не шли слова);
И сердце клефтовъ молодыхъ,
Конечно, не безъ торжества
Когда-нибудь заговорить
И далеко распространить
Молву о томъ, какъ угостилъ
Стефанъ Деспо враговъ своихъ,
Какъ надорвалъ онъ судно ихъ,

А, можетъ быть, и потопилъ.
 Какъ онъ пожертвовалъ собой,
 И какъ безстрашенъ былъ Кирилль...
 «Но... кто же... кто же не герой!»
 Мечтають клефты, «да и врагъ
 Не позабудетъ никогда,
 Что значить въ греческихъ водахъ
 Архипелагскія суда
 Ловить и грабить».

Ночь сошла

На нихъ, какъ Божья благодать,
 И звѣзды стали имъ мигать,
 И стали моряки гадать,
 Куда грести имъ; можетъ быть,
 Инымъ изъ нихъ не въ первый разъ
 Случалось въ морѣ находить
 Свой путь при свѣтѣ этихъ глазъ
 Безчисленныхъ, которыхъ взглядъ
 Неугасимъ, глубоко съять,
 Безстрастенъ и невозмутимъ.
 При этихъ трепетныхъ звѣздахъ,
 Подобно пчеламъ золотымъ,
 Разсыпавшимся въ небесахъ,
 Недаромъ чудилось имъ,
 Что къ нимъ навстрѣчу шлетъ Аeonъ

Своихъ святыхъ, и тихій звонъ,
 Пустынной вѣя тишиной,
 Какъ бы проносится порою
 Надъ святогорскою волной...

Э П И Л О Г Ъ.

I.

Почти полвѣка минуло съ тѣхъ поръ,
 И что же?—Давняя, кровавая борьба
 Креста Спасителя съ луною Магомета
 Опять волнуется мѣръ, становится вчерашней,
 Сегодняшней и завтрашней борьбой!
 Опять идетъ рѣзня забитыхъ христіанъ;
 И Македонья, и Фессалья стонутъ,
 И не хотятъ рабами быть славяне,
 И съ осени до осени стоятъ
 Надъ ихъ землею зарево пожаровъ
 И дымъ погрома. Снова по слѣдамъ
 Своихъ отцовъ и дѣдовъ мы несемъ
 Свою хоругвь къ ущелистымъ Балканамъ,
 И за Дунаемъ слышенъ грохотъ пушекъ

И стоны раненыхъ.—Побѣда или смерть!
 Исхода нѣтъ.—Крестовые походы
 Еще не кончены, и рыцари Креста,
 Средь торгашей, льстеповъ и лицемѣровъ,
 Еще не вымерли. Мы Средніе Вѣка
 Переживаемъ, льется наша кровь...
 На сценѣ міра братья наши, дѣти...
 Знакомые... на нихъ глядитъ Европа
 Холодная, расчетливая, злая...
 Одна Россія рукоплещеть имъ
 И прославляетъ ихъ презрѣнье къ смерти,
 Ихъ юное геройство. Мы одни
 Оплакиваемъ трупы ихъ, когда
 Башни-бузукъ надъ ними жадно тѣшить
 Свой звѣрскій нравъ иль мщенье. Боже!
 Когда же наконецъ враждѣ и фанатизму,
 Невѣжеству и варварству народовъ
 Положишь ты предѣлы!.. Когда исчезнетъ рознь
 Религій, расъ, племенъ, идей и націй,
 И всепревозмогающею станетъ
 Одна святая сила: истина!..

II.

Что́ будетъ,
Не намъ рѣшать,—
 Но музыка войны
Сильнѣе, громче музыки стиховъ,
Послѣдній слухъ изъ-за Дуная сталъ
Дороже ренъ. Мечту превозмогла
Дѣйствительность. Фантазія, молчи!

.....

М и м и.

Разсказъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Разъ, въ Москвѣ, въ семьѣ простой,
Доброй, но не развитой,
Не богатой, не бонтонной,
Нехотя обремененной
Разныхъ возрастовъ дѣтьми,
Вдругъ не стало гувернантки,
Всѣми прозванной «Мими».
Говорили на Таганкѣ,
Что на праздникахъ, въ морозъ,
Ночью бѣсъ се унесъ:
Подскакали чьи-то санки,
Кто-то свистнулъ и—исчезъ...

Ловкій былъ, должно быть. бѣсъ!
 Няньки дѣтямъ толковали,
 Какъ опасно безъ креста
 Выходить за ворота;
 Дѣти плакали, скучали
 И (таковъ былъ духъ семьи)
 Ночью крестики свои
 Потихоньку цѣловали.
 Старшій сынъ въ семьѣ, кадетъ,
 Отрокъ рослый и цвѣтущій,
 Ужъ экзамены сдающій
 Наканунѣ эполей,
 До того сраженъ былъ, бѣдный,
 Что въ родительскомъ дому
 Не повѣрилъ никому:—
 Цѣлый день, угрюмый, блѣдный,
 Ничего не пилъ, не ѣлъ,
 Думалъ: вѣрно, отказали!
 Вслухъ роптать еще не смѣлъ —
 И подъ утро заболѣлъ.

Долго думали, искали,
 Всѣхъ знакомыхъ обошли,
 Гувернантки не нашли.

Вдругъ, въ какой-то перебранкѣ
Съ горничной, кухарка вслухъ
Вспомнила о гувернанткѣ,
И—пошла писать... И вдругъ,
Къ довершенію скандала,
Разгласилось, что Мими
Не всегда спала съ дѣтьми;
Что Мими не разъ вставала
Въ полночь, шубку надѣвала,
Шалью кутала лицо,
И украдкой убѣгала
Черезъ заднее крыльцо;
Что Мими, не разъ случалось,
Пропадала до утра,
Запыхавшись, возвращалась,
И прозябнувъ, со двора
Робко пальчикомъ стучалась
Къ сонной горничной въ окно.
И куда потомъ дѣвалась
Маска, шаль и домино —
Этого никто не вѣдалъ.
Отъ такихъ вѣстей пришелъ
Въ ужасъ, даже не обѣдалъ,
Старый, добрый хлѣбосоль,
Милыхъ дѣтушекъ родитель.

— Господи! не покарай!
 Наказаль меня святитель,
 Чудотворецъ Николай!..
 — Я-ль тебѣ не говорила,
 Что ты выжилъ изъ ума,
 Мужу старому твердила
 Милыхъ дѣтушекъ мамá.
 Я-ль тебѣ не намекала,
 Что Мими—кокетка, дрянъ...
 Я ли...

— Матушка! отстань!..

— Я ли не подозрѣвала,
 Что она давно хитритъ:
 Дѣвочекъ избаловала,
 Сыну голову кружить.
 Оттого, что у мамзели
 Глазки ласково глядѣли,
 Оттого, что-де мила,
 Да что личикомъ бѣла,
 Да что ножки въ два мизинца,
 Ты ни разу безъ гостинца
 Не вернулся изъ гостей,
 Все вертѣлся передъ ней.
 А?! не стыдно, грѣховодникъ!
 — Господи! Святой угодникъ!

Пошади...

— Намедни въ елку

Кто ей платье подарилъ?

Ты, голубчикъ. Что же толку!

Развѣ ты сѣ угодилъ?

Развѣ твой подарокъ милъ?

Вѣдь она, дружокъ, съ собою

Даже тряпки не взяла,

Въ чемъ была, такъ и ушла.

— Съ такой-то красотою

Да коли понуталъ грѣхъ...

Что ты будешь дѣлать! Эхъ!

Охалъ старецъ на кровати.—

А скажу тебѣ я кстати,

(Или я тебѣ сказалъ?)

Что онъ статскій генераль.

— Кто?

— Отецъ ея несчастный.

Вѣришь ли, въ какой ужасной

Нящеть они живутъ,

Пятеро дѣтей—не мрутъ:

Пятеро дѣтей—все дочки.

— Ты ихъ въ домъ къ себѣ возьми!—

Чай, такіе-жъ все цвѣточки,

Какъ и глухая Мими...

II.

Говорили на Таганкѣ,
 Что исчезнувшей бѣглянки
 Отыскался вольный слѣдъ;
 Слухъ прошелъ по всѣмъ бульварамъ,
 Что баронъ Кульгофъ недаромъ
 Кинулъ все, жену и свѣтъ,
 Сталъ и въ клубѣ незамѣтенъ,
 И дуракъ!—боится сплетенъ.
 Говорили, что баронъ,
 Будто бы, совсѣмъ потерявъ
 И прокучивать намѣренъ
 Свой послѣдній милліонъ;
 Что онъ слишкомъ легковѣренъ,
 Маскарадныхъ бросилъ дамъ
 И влюбленъ не по лѣтамъ;
 Что онъ въ Питерѣ, на пасхѣ,
 Въ щегольской своей коляскѣ
 Магазины объѣзжалъ,
 Бриллианты покупалъ,
 И что съ нимъ ужъ не цыганка,
 Не изъ цирка иностранка,
 А какая-то Мими,
 Та, что въ траурѣ глубоко

Все ходила по урокамъ
 Или няньчилась съ дѣтми,
 Та красавица Мимп,
 У которой есть примѣта,
 Свѣтло-пепельнаго цвѣта
 Вьющіеся волоса —
 Самородная коса!
 Очень длинныя рѣсницы,
 Въ синихъ глазкахъ огонекъ,
 Какъ у сказочной царицы,
 И, при этомъ,—голосокъ
 То звучить, то замираетъ,
 Такъ, что за сердце хватаетъ
 (Какъ тутъ сердце уберечь!),
 И, при этомъ, узкихъ плечъ
 Полнота бѣлѣ пѣны,
 Словомъ—предести сирены!
 Такъ что, будь я Одиссеи,
 Не затѣнулъ бы я ушей,
 Или будь я хоть барономъ,
 Да еще и съ миллиономъ,
 Точно такъ же, съ ней самъ-другъ,
 Улетѣлъ бы я на югъ,
 Въ тотъ предѣлъ, *гдѣ море плещетъ,*
Гдѣ луна теплѣе блещетъ.

III.

Подъ горой, у Вшивой горки,
 Отдается для жилья
 Ветхій домикъ, три каморки,
 Грязный дворикъ и—подпорки
 Для веревокъ и бѣлы.
 Тутъ и лѣшій жить не станеть!
 И, однакожь, домикъ занять.
 Вотъ уже девятый годъ
 Въ этой улицѣ кабацкой,
 Въ этомъ домикѣ живетъ
 Генераль—конечно статскій,
 Онъ въ отставкѣ, подъ судомъ,
 И кругомъ его—содомъ.
 Не легко ему на свѣтѣ,
 Съ нимъ живутъ жена и дѣти,
 Только нѣтъ одной Мими—
 Ужъ давно и глазъ не кажетъ.
 Гдѣ Мими? отецъ не скажетъ,
 Или скажетъ, что Мими
 У одной своей подруги,
 Или говорить: на югѣ
 Занимается съ дѣтьми,

Или брякнетъ: Чортъ возьми!
 Гдѣ, да гдѣ? почему я знаю;
 Пишемъ я не получаю!
 Или думаетъ: она
 Ищетъ доли немнучей,
 Не поможетъ глупый случай—
 Такъ поможетъ сатана.

IV.

А Мими уже пары
 По желѣзу унесли
 На рубежъ чужой земли,
 Съ тѣмъ, чтобъ въ лѣтніе жары
 Не видать ей никого
 Кромѣ моря, да его.

Солнце камни разожгло,
 Солнце высушило садъ,
 И, пылая, отошло
 На безоблачный закатъ.
 Вилла окнами блеститъ,
 На горѣ она стоитъ;
 Угловой ся балконъ
 Сѣрымъ мраморомъ мощень,

А узоръ ея периль
 Плющъ гирляндами повиль.

Камень начать простывать,
 И фасадъ полосовать
 Стали тѣни отъ колоннъ;
 Снизу, издали, балконъ
 Темнымъ кажется пятномъ.
 За раствореннымъ окномъ,
 Въ клеткѣ, дремлетъ какаду;
 Соловей загѣлъ въ саду.
 Наконецъ, спадаетъ жарь,
 Въ темныхъ листьяхъ тишина,—
 Слышно, какъ поетъ комарь,
 Какъ вдали поетъ волна.

На балконѣ самоваръ
 Вышпობаетъ бѣлый парь,
 На балконѣ ли не рай!
 Отчего-жъ налитый чай
 Стынетъ даромъ? отчего
 На балконѣ—никого?
 Вижу, комната одна
 Въ драпировки убрана;
 Дверь открыта на балконѣ—

И заря въ окно глядитъ,
 И румяный полусонъ
 Въ этой комнатѣ царитъ.
 Вотъ они—она и онъ,—
 И Мими и сей баронъ,
 Что, по мнѣнію Москвы,
 Сталь совсѣмъ безъ головы,
 И Богъ знаетъ съ кѣмъ самъ-другъ
 Полетѣль на жаркій югъ, —
 Вылу тамъ одну купилъ,
 Триста тысячъ заплатилъ.

Но Мими, какъ будто, ждетъ,
 Скоро ли баронъ уйдетъ,
 Такъ какъ, нервами больной,
 Онъ глотаетъ только ледъ,
 Да шампанское съ водой.
 Что-жъ онъ, молодъ или старъ?
 Коли старъ, то—моложавъ,
 Коли молодъ, то—поджаръ,
 Темнолицъ и сухоцавъ.
 Кой-гдѣ даже сѣдина
 Въ бородѣ его видна;
 Но зато глаза--точь-въ-точь
 Лихорадочная ночь:

Иногда они глядятъ,
Точно видѣть не хотятъ,
Иногда, въ борьбѣ съ враждой,
Загораются грозой,
Иногда, съ Мими вдвоемъ,
Кроткимъ свѣтятся огнемъ;
Знать, недаромъ нашъ баронъ
Былъ когда-то убѣжденъ,
Что глаза его — магнитъ.
Жаль, преданіе молчить
На вопросъ: откуда онъ?
Русскій, иль издалека:
Брови, впадины виска,
Длинный носъ и борода
Придаютъ его чертамъ
Тонкость, рѣзкость иногда,
И напомнить могутъ вамъ
Нѣмца, грека и жида.
И живетъ онъ круглый годъ
То въ Парижѣ, то въ Москвѣ,
То въ палатахъ на Невѣ,
То въ Карлсбадѣ воды пьетъ,
Любитъ роскошь и почетъ,
Любитъ волю и покой,

И, Богъ вѣдаетъ, къ какой
 Нація принадлежать.

Вотъ, какъ истый сибарить,
 На качающійся стулъ
 Легъ онъ -- голову загнулъ,
 Дорогой сигары дымъ
 Вьется змѣйкою надъ нимъ.
 Онъ презрительно глядитъ,
 Съ разстановкой говорить.

А Мими блѣдна и мнеть,
 То растянетъ, то советъ
 Шелковистый локонь свой,
 Южнымъ зноемъ развитой.
 Вотъ, по коврику прошла,
 Вотъ, садится у стола,
 На узорный уголокъ
 Положила локотокъ,
 Такъ, что смяла кружева
 Распашного рукава.
 Вотъ, въ глазахъ у ней тоска
 Отразилась; но рука
 Надъ глазами держитъ щитъ, --
 Пестрый вѣерь шевелить.

V.

Баронъ.

.
 Я обманываемъ былъ
 Няньками, опекуномъ,
 Близкимъ дружескимъ кружкомъ,
 Спекулянтами, слугой,
 Наконецъ, моей родней,
 Такъ что съ дѣтства я привыкъ
 Плутводство считать за шикъ,
 За особенность людей
 Поумнѣй, да половчѣй.
 Самъ я ложью жилъ, пока
 Жажда счастья и тоска
 Вдругъ не овладѣли мной.
 Заперся я, сталъ читать,
 Съ новымъ старое мѣшать;
 Байронъ для меня вдругъ сталъ
 Свѣточемъ, такъ онъ совпалъ
 Съ тѣмъ, что вынесъ я больной
 Развращенною душой;
 Но я жизни не узналъ:
 Честнаго я принималъ

За безчестнаго, дѣльца
 За бездѣльника, глупца
 За свѣтило по уму,
 Подлеца за идеаль
 Честности, и потому
 Спуталъ всѣ дѣла, игралъ
 Роль ребенка, и когда
 Что-нибѣдь предпринималъ —
 Изъ полезнаго труда
 Выходилъ бесплодный бредъ
 И не разъ другимъ во вредъ...
 Видите ли, я вполне
 Раскрываюсь вамъ, не лъщу
 Я себѣ...

Мили.

Вы только мнѣ
 Часто льстите...

Баронъ.

Я ищу
 Въ васъ того, чего ни въ комъ
 Не нашель: души съ огнемъ,
 Правоты... Я все прощу,
 Кромѣ лжи. И то сказать,

Я мѣняю жизнь мою
 Съ тѣмъ ли, чтобъ отогрѣвать
 На груди моей змѣю, —
 Такъ же бредить и страдать!
 Нѣтъ, предъ вами не таю
 Я завѣта своего:
 Вы для сердца моего —
 Для меня—должны быть всѣмъ,
 Или всѣмъ или ничѣмъ:
 Неподкупною душой
 Или купленной работой.

Ли.ли.

Не женою ли?

Баронъ.

Ей-ей!

Ничего еще смѣшнѣй
 Не сказали вы! Божусь,
 Что въ мужья я не гожусь.
 Я уже давно женатъ
 На богатой, потому
 Что и самъ-таки богатъ.
 Знаете ли, почему
 Я вдвойнѣ, тройнѣ рогать?

Потому, что говорят,
Праздность—роскоши сестра;
И у нихъ родной есть братъ,
Усладитель ихъ—развратъ;
Какъ могу я со двора
Гнать подобную родню?
Нѣтъ! по правдѣ, не виню
Я жены моей; она
Такъ на то и рождена...
Думаютъ: я ревновалъ;
Полагаютъ: былъ скандалъ —
Глупости! Къ чему, зачѣмъ
Намъ тревожить свѣтскій судъ?
И безъ насъ довольно темъ
Для романовъ и поэмъ...
Мы разъѣхались: я тутъ,
А она — въ столицѣ модъ
Дорогимъ цвѣткомъ цвѣтеть.
И — что можетъ быть милѣй —
Говорять, въ нее влюбленъ,
То-есть, куры строить ей
Самъ Луи-Наполеонъ.
Для искусственныхъ цвѣтовъ
Особливый нуженъ вкусъ,
Я судить ихъ не берусь.

Мими.

А со мной наединѣ
Вы... вы счастливы вполне?
Или...

Баронъ.

Сталь подозрѣвать,
Что вамъ скучно; и какъ знать,
До чего васъ доведеть
Жизнь безъ горя и заботъ?

Мими.

О, я счастлива, баронъ,
И боюсь, что это — сонъ.
Ну, какъ я опять проснусь
Въ душевной дѣтской! Признаюсь:
Я-бъ съ ума сошла. Однимъ
Недовольна я...

Баронъ.

А чѣмъ
Недовольны вы?

Мими.

Увы!

«Ты» вчера, сегодня «вы» —
 Что за странность?

Баронъ.

А, смотря

По расположенью... да,
 Это у меня всегда
 Такъ выходить. Иногда,
 Можетъ быть, благодаря
 Сочетанью звѣздъ, я самъ
 Сознаю, что мнѣ и вамъ
 Многого недостаетъ
 У подошвы этихъ горъ,
 И тогда мнѣ всякій вздоръ
 Демонъ на ухо поетъ.

Миши.

Что же, напримѣръ?

Баронъ.

А вотъ,

Что любовникъ я плохой,
 И что вашей красотой
 Черезчуръ ужъ ослѣпленъ.
 Что я, дѣтскою мечтой

Убаюкавши себя,
 Радуюсь, что не любя
 Вы ласкаете меня,
 Точно вьючного коня,
 Что вывозить изъ нужды,
 Выручаетъ изъ бѣды,
 Благо сила есть.

Ми.ми.

Нѣтъ, нѣтъ,
 Это — бредъ, обидный бредъ,
 Вы больны...

Баронъ.

Темного, да;
 Но, прощайте...

Ми.ми.

Вы куда?
 Погодите.

Баронъ.

Въ кабинетъ:
 Къ вашему отцу пакетъ
 Приготовить, чтобъ послать
 Завтра же...

Мими.

Къ чему спѣшить,
Не простившись уходить,
Даже не поцѣловать...

Баронъ.

Буду ждать васъ, буду ждать! (*Уходитъ*).

Мими.

Онъ не золь, но, признаюсь,
Тяжело мнѣ... И боюсь,
И скучаю...

Черезъ часъ,
Выходя къ ночнымъ звѣздамъ
На балконъ, Мими изъ глазъ
Слезку выронила; но
Увидала, что давно
Самоваръ ея погасъ.
Улетѣлъ послѣдній паръ:
«Подогрѣйте самоваръ!»

VI.

За теплицею въ саду
 Есть пристройка, что къ пруду
 Повернулась задней стѣнкой;
 Въ прудъ, прозраченъ и кипучъ,
 Изъ-подъ камня льется ключъ;
 Онъ серебряною пѣнкой
 Весь подернуть и журчить,
 И, журча, черезъ плотину,
 Къ морю, въ синюю пучину
 Внизъ по камешкамъ бѣжитъ.

Передъ окнами, нерѣдко,
 Ходить аистъ, пѣтухи,
 Или роется насѣдка
 Въ кучахъ сора и трухи.
 Въ десяти шагахъ отъ моря,
 На скамейкѣ, съ сыномъ спора,
 Старичокъ одинъ сидитъ
 Длинноносый, рябоватый,
 Плотный и сутуловатый;
 И хоть носъ его поникъ,
 И въ глазахъ недоумѣнье,
 Несомнѣнно, что старикъ
 Въ наилучшемъ настроеньи.

Сынъ пріѣхалъ изъ Москвы,
 Парень не безъ головы,
 Техникъ, кончившій ученье;
 Статень, хоть и невысокъ
 Этотъ юноша, съ румянцемъ
 По всему лицу (намекъ
 На загаръ съ здоровымъ глянцемъ
 Отъ жары и отъ воды).
 Первой юности слѣды
 Провели пушокъ надъ губой;
 Голосъ звучный, но не грубый,
 И усмѣшка на губахъ:
 Дескать, такъ я остроумень,
 Безпардонно вольнодумень
 И разумень такъ, что страхи!
 У него въ рукѣ дубина,
 Въ набалдашникѣ свинець.—
 Имъ любитъся отецъ:
 Дескать, экой молодчина!

Море хлопаетъ волной,
 Солнце празднуетъ побѣду
 Надъ засохшею травой:
 Тѣнь у нихъ надъ головой—

• Оба заняты бесѣдой.

Отецъ.

А ужъ точно, что зимой
 Съ января не такъ уютно.
 Бури дуютъ поминутно;
 Продуваетъ флигелекъ,
 Плохо грѣеть камелекъ,
 И, повѣришь ли, съ дивана,
 Лежа, слышишь по ночамъ —
 Громъ, подобный голосамъ,
 Ходить по морю, а рано
 Утромъ слышишь—изъ тумана
 Раздается чаекъ крикъ.
 Ну, а все же я привыкъ,
 Такъ привыкъ, мой другъ Алеха,
 Что, ей-Богу, мнѣ не плохо.

Сынъ.

Ты никакъ ужъ десять лѣтъ
 Садоводомъ здѣсь.

Отецъ.

Ну, вѣтъ;
 Гдѣ же десять—девять. Впрочемъ,
 Мы о многомъ не хлопочемъ:
 Наше дѣло—парники

Съ ананасами, аллен
 Крытыя, да цвѣтники.
 Да зимой оранжерей.
 У меня, къ тому-жь, на шеѣ
 Двѣ дѣвчонки—какъ тутъ быть!
 Надо какъ-нибудь кормить.

Сынъ.

Это—правда.

Отецъ.

Да, къ тому же,
 Лучше съ моремъ воевать,
 Чѣмъ захлебываться въ лужь—
 Мѣсто въ Питерѣ искать.
 Здѣсь и прахъ жены моей
 Недалеко, съвѣдимъ къ ней.

Сынъ (*помолчавъ*).

Ну, а изъ числа звѣрей
 Нашъ баронъ какой породы?
 Левъ, который ради моды
 Козерогомъ ходить, коть
 Человѣческаго роста
 Въ панталонахъ, или просто
 Образованный осель?

Отецъ.

Экъ сравненіе нашель!.. (помолчавъ).

Онъ упрашиваль остаться—
 Я сказалъ, что радъ стараться.
 Говорять, баронъ не глупъ,
 Только страненъ, нравъ неровенъ,
 Нынче щедръ, а завтра скупъ,
 То горячъ, то хладнокровенъ.

Сынъ.

Съ жиру бѣсится.

Отецъ.

Молчишь—

Для чего не возражаешь,—
 Толковать начнешь—иѣшаешь!
 Правду скажешь—огорчишь!
 Лести—также не выносить;
 Впрочемъ, вѣжливъ, точно садъ
 Не его. Сначала спросить:
 Нѣтъ ли къ завтраку гранатъ?
 Нѣтъ ли вишенъ? Разъ упали
 Рододендроны,—свалилъ
 Ночью вихорь,—попросилъ,
 Чтобъ ихъ крѣпче подвязали.

Только пожелалъ узнать,
 Чье назначено дежурство.

Сынъ.

Знаетъ какъ повелѣвать,
 Несмотря на самодурство.

Отецъ.

Экой, братъ, ты пустозвонъ!
 Или у тебя въ карманѣ
 Та же сила—милліонъ?

Сынъ.

Милліонъ пока въ туманѣ.

Отецъ.

То-то! Будь же, другъ, умень:
 Повстрѣчаешься въ саду съ нимъ —
 Поклонись ему.

Сынъ.

Сойдусь съ нимъ —
 Обнимусь, пожалуй.

Отецъ.

Эхъ,
 Милый! какъ тебѣ не грѣхъ!

Будто самъ не понимаешь?.. (помолчаъ).
 Ну, а если повстрѣчаешь,
 Какъ-нибудь, въ саду, одну
Мирикризу—ну, жену—
 Ну, пожалуй, содержанку—
 Знай, голубчикъ, что баронъ
 Безъ ума въ нее влюбленъ.

Сынъ.

Вотъ какъ! Значить, спозаранку,
 Нынче, какъ я къ морю шель,
 Я на милую набрелъ.
 Думалъ—гордая царица;
 Подхожу, гляжу—дѣвица
 Въ распашонкѣ, въ башлыкѣ,
 Съ бѣлымъ зонтикомъ въ рукѣ.
 Молча я посторонился,
 Даже чуть не поклонился.
 Но она прошла, ей-ей!
 Точно королева фей,
 Безъ улыбки и безъ гнѣва,
 Бросила холодный взглядъ, —
 Впрочемъ, взглядъ довольно сонный
 И немного удивленный:

Дескать, что за демократъ
Плохо чесаный?

Отецъ.

Ну, братъ,

И не думай! эта птица
Не про насъ...

Сынъ.

Коли приснится —

Чѣмъ я буду виноватъ!..

VII.

Какъ ни скрывать баронъ, гдѣ онъ,
Амурами пришитый къ юбкѣ,
Близъ Ниццы или близъ Алупки
Проводить дни,— со всѣхъ сторонъ
По почтѣ шла къ нему посланья,
Отчеты, просьбы, пожеланья
Всѣхъ благъ, и даже восклицанья:
«Увы! баронъ! грозить взысканье!
«Вы не спасете—я пропасть!..»

Въ отвѣтъ ни строчки; но обидѣтъ
Онъ не боялся никого.

Къ тому-жъ, изволите ли видѣть,
 Онъ былъ тогда безъ своего
 Секретаря, который нанять
 Былъ имъ нарочно для того,
 Чтобъ перепиской былъ онъ занятъ.
 Баронъ мой думалъ отдохнуть
 На *лонгъ отвственной природы*.
 Вдали отъ скучныхъ дѣлъ и моды
 Хотѣлъ вступить на свѣтлый путь
 Любви, усѣянный цвѣтами;
 Не взвѣсилъ: выдержать ли грудь
 Его, разбитая страстями,
 Такую страсть, какую въ немъ
 «Дѣвчонка» эта поселила.
 И мой баронъ *попикъ челома*:
 Любовь его не веселила,
 Не общала ничего,
 Но наполняла дни его
 Борьбой невѣрія и страсти.
 Разочарованный сатрапъ
 И гордый духомъ, онъ, какъ рабъ,
 Какъ мальчикъ, тайно былъ во власти
 Ея чарующихъ красотъ,
 Не могъ онъ дать себѣ отчета,
 Какая жалобная нота

Въ душѣ его звучить, поетъ,
Ему покоя не дастъ.
Онъ зналъ, какъ слѣдуетъ съ гризеткой
Ему вести себя, съ кокеткой
Великосвѣтской и пустой,
И даже съ собственной женой;
Невольныя воспоминанья
Ему являли цѣлый рой
Красавицъ, полныхъ обаянья,
Которыхъ ласки покупать
Привыкъ онъ и привыкъ бросать,
Какъ франтъ, мѣняющій перчатки;
Онъ, какъ богачъ, былъ убѣжденъ,
Что граціи всѣхъ націй падки
Къ мѣшку, въ которомъ миллионъ;
Но страсть къ Мими дошла до боли:
Онъ трусилъ—опытный баронъ—
Не зналъ, какой держаться роли?
Не зналъ, любя, любимъ ли онъ,
Иль одураченъ и смѣшонъ?
То, что ребенокъ сердцемъ чуетъ,
На что вамъ нищій дастъ отвѣтъ,
Увы! мучительно волнуется,
Загадкой кажется тому,
Кто присмотрѣлся ко всему.

VIII.

Баронъ былъ убѣжденъ глубоко,
 Что онъ нисколько не ревнивъ;
 И все же ревности приливъ
 Ему грозилъ: такъ, издалика
 Гонимый ураганомъ валь,
 Скатыся на грудь горючихъ скаль,
 Струится въ каменные щели;
 Такъ, пыль морозная мятели,
 Обсыпавъ двери чердака,
 Проходить въ скважину замка.
 У всѣхъ людскихъ страстей начала
 Стихійныя и—я нимало
 Не удивляюсь, что баронъ,
 Когда въ аллеѣ встрѣтилъ онъ
 Алешу, сына садовода
 (Скорѣй красавца, чѣмъ урода),
 Былъ неприятно пораженъ.
 Пріѣзжаго тяжелымъ взглядомъ
 Окинулъ онъ, спросилъ: кого
 Вы ищете и для чего
 Чужимъ проходите вы садомъ?
 Алеша вспыхнулъ, картуза

Изношеннаго козырекъ
 Потрогаль, опустилъ глаза,
 И отвѣчалъ насколько могъ
 И вѣжливо, и сокращенно.
 «Ба! Гайдунов!» сказалъ баронъ,
 «Такъ, значить, вы»...

И постепенно

Весьма любезный принялъ тонъ.
 Сказаль, что если онъ захочетъ
 Рекомендаци, то онъ
 Ему о мѣстѣ похлопочетъ,
 Ибо со многими знакомъ...
 Сказаль, что жарко, но что жаромъ
 Не тяготится онъ; потомъ
 Нагнулся и своимъ хлыстомъ
 Стегнулъ себя по шароварамъ
 И сапогамъ, какъ будто сбиль
 Съ нихъ пыль; потомъ, проворно
 Два пальца къ шляпѣ приложилъ
 И головой качнулъ—

Неспорно

Вообразивъ, что одолжилъ
 Онъ юношу своимъ вниманьемъ,
 Баронъ съ какимъ-то состраданьемъ,
 Подумаль: бѣденъ, не рѣчь,

Быть-можетъ, даже нигилистъ.
 Жаль, если такъ... а молодчина,
 Не дурень; только для чего
 Въ одной рукѣ его дубина,
 Въ другой тетрадь? Пораскопать
 Чтò въ немъ такое—не мѣшаетъ...
 Иное племя... кто ихъ знаетъ!..
 Родятся ни въ отца, ни въ мать,
 Растутъ безъ корня...

Углубился

Онъ въ эту мысль; когда-жъ домой
 Къ себѣ вернулся на покой—
 Глаза раскрылъ, такъ удивился,
 Когда узналъ, что и Мими
 Его встрѣчала... Чортъ возьми!..

IX.

Въ верхней комнатѣ, съ балкономъ,
 Съ растворенными дверьми,
 На окошкѣ растворенномъ
 Сидя, въ садъ глядитъ Мими
 И бесѣдуетъ съ барономъ.

Миши.

Будь богата я, ей! ей!
На Руси и за границей
Я была бы вольной птицей.

Баронъ.

Будь богата ты—скорѣй
Я бы въ птицу обратился,
Чѣмъ была бы ты моей!

Миши.

И поймалъ бы—и женился...

Баронъ.

Такъ какъ я не соловей,
И не дроздъ, и не синица—
Для чего мнѣ въ жены птица?

Миши.

Для того, чтобъ запирать
Въ клѣточку...

Баронъ.

Избави Боже!

Мими.

Не мѣшаетъ быть построже
И немножко ревновать.

Баронъ.

Видно, я плохой Отелло;
Женщины мнѣ то и дѣло
Измѣняли.

Мими.

Не расчетъ
Ихъ мѣнять... Держи построже;
Будь ревнивъ, а то, на что же
Ты похожъ?

Баронъ.

Я—Донъ-Кихоть.

Мими.

Ну, а гдѣ же Дульцинея?

Баронъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ меня.

Мими.

Въ Москвѣ,

Кажется, ихъ цѣлыхъ двѣ;
Третья, возлѣ Колизея
Въ Римѣ. Помнишь, говорилъ,
Изъ нея ты сдѣлалъ фею
Мраморную... и купилъ,
Чтобъ украсить галерею.

Баронъ.

«*Правда въ чувствѣ*»—такъ мою
Называютъ Дульцинею.

Мими.

О, такъ я ее убью,
Эту правду! Если съ нею
Встрѣчусь—приревную къ ней...

Баронъ.

Это ново...

И немножко

Перегнувшись за окошко,
Ножкой маленькой своей
На вѣсу Мими играла,

Точно съ умысломъ желала
 Подразнить барона. Но
 И баронъ, сухую шею
 Вытянувъ, глядѣлъ за нею
 Въ растворенное окно,
 Думалъ: вѣрно, тамъ проходить
 Юноша красавчикъ—и
 Духъ веселости наводитъ
 На унылую Мими.
 Вотъ, ужъ три дня не скучаетъ;
 Значить—дѣло есть. Добра,
 Легкомысленна, хитра,
 И дитя и—Афродита!

И на Афродиту онъ
 Тяжело, какъ бы сквозь сонъ,
 Сталъ глядѣть сперва сердито—
 Съ изумленіемъ потомъ.
 Какъ могла въ Москвѣ развиться
 И расцвѣсть такимъ цвѣткомъ
 Эта дѣвушка? и въ немъ
 Стала гордость шевелиться,
 Что владѣть онъ такой
 Совершенной красотой.

X.

Вотъ, баронъ сигару вынулъ;
 На качающійся стулъ
 Съль и голову загнулъ,
 Ногу на ногу закинулъ,
 Помолчавъ, дымокъ пустилъ
 И опять заговорилъ.

Баронъ.

У меня, вонъ, есть пріятель,
 Тотъ вообразилъ, что онъ
 Даромъ пѣсенъ одаренъ—
 И по-свѣдому мечтатель.
 Помнишь, Фо—инъ, господинъ
 Полный, пожилой блондинъ,
 Этотъ—вѣчный состязатель
 На бѣгахъ, что прошлый годъ
 Двухъ кобылъ привелъ на скачку,
 И потомъ схватилъ горячку
 Оттого, что не везеть.
 Помнишь, прошлую зимою
 Волочился за тобою—
 Лысый, глупое лицо,
 И притомъ, острить охота.

Мими.

Помню, помню!..

Баронъ.

Отъ него-то

Получилъ я письмецо,
И въ письмѣ стихотворенье
Собственнаго сочиненья!
Прочитай...

Мими взяла,
Улыбнулась простодушно
И, какъ дѣвочка, послушно
Наклонилась, и прочла:
«Вѣкъ нашъ—вѣкъ дорогъ желѣзныхъ,
«Придорожныхъ кабаковъ,
«Изобрѣтеній полезныхъ,
«Ружей, пушекъ и оковъ;
«Вѣкъ нашъ—вѣкъ военной службы,
«Вѣкъ, запачканный въ крови,
«Создаетъ друзей безъ дружбы
«И любовницъ безъ любви».

Баронъ.

Хорошо ли?

Миши.

Очень мило!

Только жаль, одинъ куплетъ—
Я-бъ еще распространила...

Баронъ.

Ты согласна съ нимъ?

Миши.

Я?—Нѣтъ!

Нѣтъ, я не согласна... то-есть,
Я хочу сказать, что... все есть—
Есть и дружба, и любовь.

Баронъ.

Вотъ оно, что значить кровь
Молодая! Покраснѣла...
Отъ чего бы тутъ краснѣть!

Миши.

Отъ чего! Прошу покорно!
Развѣ можно такъ укорно
Прямо мнѣ въ глаза глядѣть?

XI.

Какъ жарко! и какъ сухъ шумъ листьевъ сонныхъ!
 Чугунныя рѣшетки горячи:
 Вонь, на горѣ,—развалинь обнаженныхъ,
 Отъ зелени, краснѣютъ кирпичи.
 Внизу гранитъ—въ немъ гротъ и двѣ скамейки:
 Надъ входомъ спутались и свѣсились плющи,
 И ящерицы бѣгаютъ, какъ змѣйки.
 Мими вошла отъ зноя въ этотъ гротъ.
 Тамъ сумракъ; не пестрятъ лучи и тѣни,
 Прохладой на нее тамъ дышитъ сѣрый сводъ,
 Располагая къ отдыху и къ лѣни.
 И на скамейку, къ выходу лицомъ,
 Она легла, сложа крестъ-накрестъ ножки;
 И хоть у ней въ душѣ, быть можетъ, кошки
 Еще скреблись, но это-ль помѣшать
 Ей можетъ повѣсти Крестовскаго читать.
 (Есть очень, очень милыя страницы!)
 Уже давно часы пробили пять.
 Кругомъ тяжелъ былъ зной, и вотъ, сомкнувъ рѣсницы.
 Мими задумалась и стала забывать,
 Что безъ нея баронъ хоть и не будетъ кушать,
 А все-таки, чтобъ долго не держать

Лакеевъ, въ шесть часовъ обѣдъ велить подать.
 Ей было лѣнь глядѣть и лѣнь ей было слушать.
 Вотъ, къ бѣлому плечу склонилась голова,
 Коса повисла, изъ-подъ рукава
 Рука откинулась и сгибъ свой обнажила;
 Вотъ, вытянулась ножка... жаркимъ сномъ
 Она забылась...

Вдругъ, ударилъ громъ—
 Все съ гуломъ потряслось. Мими вскочила—
 Глядитъ—крутится плющъ и пыль стоитъ столбомъ,
 И точно желто-сѣрымъ полотномъ
 Закрыла выходъ. О! какъ сердце въ ней забилося!
 Хотѣла выбѣжать и—вдругъ остановилась.
 Вихрь, налетѣвъ, пригнулъ деревья, какъ ковыль,
 И снова молніи струя прошла сквозь пыль,
 И ослѣпленная ея внезапнымъ блескомъ,
 И оглушенная ея могучимъ трескомъ,
 Мими спѣшить назадъ. Темно у ней въ глазахъ:
 Гдѣ, что и какъ? она не понимаетъ!
 Ей кажется: земля дрожить и наступаетъ
 Послѣдній часъ.

Вдругъ, кто-то впопыхахъ
 Влетѣлъ, мелькнулъ, какъ тѣнь, и не успѣлъ съ ней рядомъ
 Сѣсть на скамью, какъ крупный ливень съ градомъ
 Посыпался. Пузырясь, потекли

У выхода потоки, и съ земли
 Сдирая дернъ, вода урчить, сверлитъ дорогу,
 И слышится ей возгласъ: «Слава Богу!
 «Давно пора! великолѣпный день!»
 Глянуть—и рядомъ съ ней сидитъ уже не тѣнь,
 А человѣкъ, тотъ юноша, который
 Певзраченъ издали, когда походкой скорой
 Шагаетъ, обходя излучистый заливъ,
 Зато вблизи такъ юнъ и такъ красивъ!!
 Мими ужъ знала все, чей сынъ онъ, какъ зовется,
 И вотъ, теперь ей съ нимъ неловко такъ одной!
 Она такъ рада, что—

Но, Боже мой!

Неужели знакомиться придется!
 И что ему сказать?

Алексѣй.

Ужъ извините,
 Сударыня, мнѣ дождикъ ни по чемъ,
 И я могу уйти.

Мими.

Не уходите:
 Я такъ боюсь, что громъ меня убьетъ!

Алексѣй.

Да развѣ я громоотводъ?
Мое присутствіе едва ли васъ спасетъ.
А умереть вы не хотите?

Миши.

А вы?

Алексѣй.

Я не хочу... Еще надѣюсь быть
Полезнымъ, послужить...

Миши.

Кому?

Алексѣй.

Россіи—

Народу, разумѣется.

Миши.

Какіе

Смѣшные вы...

И несмотря на страхъ
Грозы, потопа и землетрясенья,

Мими подмѣтила въ его глазахъ
 Веселости какой-то отраженье,
 Спокойствіе впчѣмъ не возмущенныхъ силъ,
 И поняла, что нечего бояться.
 Гроза внезапно стала удаляться.
 Все освѣтлѣло. Вѣтеръ уносилъ
 Сырую тучу. Весело сбѣгали
 Въ пучину, унося песокъ съ земли,
 Ручьи, которые недавно бушевали.
 И громъ гудѣлъ уже вдали
 Надъ сизымъ моремъ.

Стало такъ пріятно,
 Такъ сладостно свѣжо, такъ ароматно
 Повѣяло отъ вспрыснутыхъ дождемъ
 И солнечнымъ обласканныхъ лучомъ
 Пахучихъ листьевъ грецкаго орѣха,
 Что выбѣжать бы въ садъ... но лужа—вотъ помѣха,—
 Какъ тутъ пройти съ такимъ хвостомъ?
 Поднять его Мими стыдилась;
 Къ тому же ей вообразилось,
 Что этотъ юноша, любуясь наготой
 Ея лилейныхъ плечъ, любитъся очами
 Ея лазурными, и этою косою,
 Что спину ей щекочетъ завитками.

Цельзя же въ созерцаньи отказать!
И говорить она, чтобъ что-нибудь сказать:

Ми.ми.

Я также жить хочу... и я полезна...

Алексеѣи.

Какъ статуя, которая ушла
Изъ храма, гдѣ она богинею слыла.

Ми.ми.

Ну, это черезчуръ уже любезно!
Я комплимента не ждала.

Алексеѣи.

Съ хорошенькими я всегда любезенъ;
По чѣмъ же вы полезны? и кому?

Ми.ми.

Кому! — Себѣ, семейству своему.

Алексеѣи.

Да этакъ каждый взяточникъ полезенъ!
А впрочемъ, я хоть и смѣшной,
Позвольте мнѣ до васъ дотронуться немножко:
У васъ на платьѣ...

Ми.ми.

Что?

Алексеѣй.

Сороконожка;

Ея укусь опасень!

Ми.ми.

Боже мой!

Возьмите... Гдѣ платокъ!.. Не трогайте руками!

Не трогайте!

Алексеѣй.

Ушла и слѣдъ пропалъ!

Баронъ.

(При влодь оъ гротъ).

Я васъ искалъ, искалъ, искалъ!

И вотъ, нашелъ — люблюсь вами...

XII.

Баронъ кой-что вообразилъ,
И такъ въ умѣ своемъ рѣшилъ:
«Она спала, громъ испугалъ,
Она проснулась, онъ вбѣжалъ,
И очутилась вдругъ на ней

Сороконожка; и злодѣй
 Ее чуть не отъ смерти спасъ!
 Каковъ пассажъ, каковъ рассказъ!
 Ничто не можетъ быть простѣй!..
 Ужъ такъ назначено самою
 Предупредительной судьбой,
 Чтобъ *милая* забылась сномъ,
 Чтобъ въ-время ударилъ громъ,
 Чтобъ дождь пошелъ, чтобъ потекли
 Потоки, чтобъ они могли
 Остаться слишкомъ часъ вдвоемъ,
 Полуприкрытые плющомъ
 Подъ темнымъ сводомъ... Бѣдняки,
 Слыхалъ я, скромны... Пустяки!
 Безсильный сильнаго всегда
 Перехитритъ: сама нужда
 Его учила лгать, вилать,
 Подкрадываться, поражать
 Внезапностью и, стало быть,
 Съ успѣхомъ женъ чужихъ любить...

 Такъ что-жь! Ужели ревновать,
 Шпіонить, женщину держать
 Чуть не на привязи... Ну, вѣтъ!
 Нейдетъ къ политикѣ моей

Такой неискренній совѣтъ,
 Хоть онъ и былъ подсказанъ ей
 Боязнью злоупотребить
 Своей свободой. Отъ цѣпей
 Она не будетъ мнѣ вѣрять...
 Да я и не хочу ея
 Цѣпной любви! Она — моя,
 Пока любимъ я, да пока
 Еще не дуетъ вѣтерга
 Противнаго.

Свѣтъ чудакомъ
 Провозгласилъ меня; итакъ,
 Какъ патентованный чудакъ,
 Сойдусь я съ этимъ молодцомъ.
 Я буду угощать его
 Обѣдомъ, фруктами, виномъ
 И сыромъ, наче же всего
 Довѣрчивостью; отъ нея
 Всего скорѣй начнетъ бродить
 Все глупое! И вотъ, мое
 Уединенное жительство
 Нарушено. Похоронить
 Отъ остального міра вѣтъ
 Возможности. Коли не сплнѣтъ
 Топить и мучить, такъ сосѣдъ». —

Онъ позвонилъ.

Вошелъ вальеръ
 Въ ливрейномъ фракѣ.
 — Валентинъ!

Къ садовнику пріѣхалъ сынъ,
 Его фамилья — Гайдунъ.
 Скажи, что я его сына,
 На завтра, ровно въ шесть часовъ
 Зову обѣдать. Понялъ, а?

Но Валентинъ раскрылъ глаза
 И былъ, казалось, изумленъ.
 «Ступай!» сказалъ ему баронъ —
 И камердинеръ вышелъ вонъ.

XIII.

И Алеша Гайдунъ
 Приглашенье получилъ
 Отобѣдать въ шесть часовъ.
 И съ утра себя бранилъ,
 Для чего онъ не сказалъ,
 Чтобъ баронъ его не ждалъ.
 — Чтò за дьяволь! думалъ онъ,
 Для чего меня баронъ

Жаждетъ видѣть? Наконецъ,
 Для чего меня отецъ
 Шлетъ, какъ будто на поклонъ.
 Или... эта... чортъ возьми!
 Эта... какъ ее назвать?
 Кажется, Мимп... Мимп!
 Имя! Нечего сказать!
 Для того, чтобъ не скучать,
 Хочетъ блузника позвать!
 Право, эту роскошь кось,
 Эту снвь звѣздистыхъ глазъ
 Я-бъ на выставку повезъ;
 Выставилъ бы напоказъ,
 Какъ рѣдчайшій образецъ
 Женскихъ прелестей; ей-ей,
 Красота!

II Алексѣй

Думалъ, думалъ... наконецъ,
 Въ нерѣшимости своей,
 Предпочелъ, къ шести часамъ,
 Повернуть налѣво и
 Черезъ гору перейти,
 И спуститься къ тѣмъ скаламъ,
 Къ тѣмъ уютнымъ берегамъ,
 Гдѣ купаться онъ привыкъ.

Море блещетъ синевою,
И раскатистой волной
Шевелитъ береговой
Кой-гдѣ скученный тростникъ;
Въдой пѣны языки
Лижутъ желтые пески...

Тамъ въ водѣ и на водѣ,
Въ глубинѣ и въ нестрогѣ
Переливчатыхъ цвѣтовъ
Серебристо-голубыхъ,
Изумрудно-золотыхъ,
То подъ сѣтью тростниковъ,
То въ тѣни отвѣсныхъ скалъ,
Алексѣи мой наблюдалъ
Все, что моря уголокъ
Можетъ дать ему на срокъ,
Чтобъ изъ книги живота,
Гдѣ не знаешь, что мечта,
Что дѣйствительность, одну
Строчку могъ онъ прочитатъ,
Въ океанѣ, такъ сказать,
Разглядѣть одну волну,
И по ней въ умѣ своемъ
Заключатъ объ остальномъ.

Вотъ, съ разбѣгу, въ пѣну водъ
 Погружаясь, онъ плыветъ;
 И широкая волна,
 Солона и холодна,
 Начала его качать,
 Поднимать и опускать,
 Уносить и, міровымъ
 Электричествомъ своимъ,
 Чуть замѣтно шекотать.
 Красоту-ль Мими сравнять
 Съ этой нѣгою морской?
 Вотъ, плыветъ онъ, вотъ прошибъ
 Головою синій валь,
 И нырнулъ, и, посреди
 Пѣны, въ глубинѣ пропалъ;
 Видно, легкія въ груди
 Не на шутку развиты;
 Видно, мускулы въ ногахъ,
 Какъ изъ бронзы отлиты;
 Видно, силенъ и розмахъ
 Молодой его руки.

Вотъ, онъ снова на волнахъ;
 Вотъ, раздвинувъ тростники,
 Вышелъ на берегъ; песокъ

Жжетъ ему подошвы ногъ,
 Но по тѣлу холодокъ
 Пробѣгаетъ... Чортъ возьми!
 Лѣзетъ въ голову Мими!

Вотъ, надвинувъ козырекъ
 На глаза, онъ, голый, сълъ
 Между камней, посвистѣлъ,
 Сталь натягивать сапогъ
 На ногу, другой ногой
 Въ дикій камень оперся;
 Вотъ обулся, поднялся,
 Оглянулся: Боже мой!
 Что это?

Въ двухстахъ шагахъ
 Отъ него, одна волна
 Расплеснулась, и спина
 Чья-то выдвинулась.—Ахъ!
 Чуть не вскрикнулъ Алексѣй,
 И присѣвъ, изъ-за камней,
 Смотритъ; видитъ, какъ одинъ
 Черный впрозелень дельфинъ
 (Что зовутъ въ пныхъ моряхъ
 Просто «свинкою») приплылъ
 Къ берегу и въ камышахъ

Легъ въ тѣни на мягкій илъ,
 Хвостъ свой въ волны опустилъ:
 Вотъ. накренилъ свой плавникъ,
 И къ груди его принякъ
 Тупорылый сосунокъ.

Юноша едва дышалъ,
 Взгляда оторвать не могъ:
 Онъ впервые наблюдалъ
 Сценъ подводныхъ эпизодъ.
 Тайну безднъ морскихъ. И вотъ,
 Исцарапавъ ноги въ кровь,
 Ближе юноша ползеть
 По осколкамъ; вотъ, онъ вновь
 Изъ-за камня поднялъ бровь,
 По едва мигнулъ—дельфинъ,
 Изогнувшись, вдругъ исчезъ
 Въ тайникахъ родныхъ пучинъ.
 «Боже мой! зачѣмъ полѣзь
 И нестати такъ!» ропталъ
 Алексѣй и увидалъ,
 Далеко изъ-подъ руки,
 На поверхности морской
 Свинокъ рѣзвые прыжки;
 Какъ онѣ изъ волнъ дугой

Вылетали, какъ скакаль
 Вслѣдъ за ними снѣій валь
 Съ бѣлогривой головой...
 И всѣмъ сердцемъ, всей душо
 Алексѣй мой ликовалъ.
 Долго онъ потомъ блуждалъ
 Возлѣ моря и домой
 Поздно вечеромъ пришелъ,
 И, облокотясь на столъ
 Съ самоваромъ, красенъ былъ,
 Точно цѣлый день кутилъ.

XIV.

— Отчего же вы, скажите,
 Церемонный господинъ,
 Просто знать насъ не хотите:
 Или, думаете, сплннъ
 Мы на васъ нагонимъ, или
 Такъ себѣ, вообразили —
 Тѣсно будетъ намъ втроемъ
 За обѣденнымъ столомъ? —
 Такъ, вытягивая шею,
 Началъ пѣть баронъ въ саду
 Молодому Алексѣю,

Съ нимъ столкнувшись на бѣду
 Передъ гротомъ на дорожкѣ.
 Алексѣй фуражку снялъ.
 — Но, быть-можетъ, продолжалъ
 Злой баронъ, сороконожки
 Вы пришли сюда искать?
 Не желаю вамъ мѣшать. —
 И хотѣлъ онъ удалиться.
 Алексѣй смутился, но
 Понялъ, что не извиниться
 Значить ссориться: (Смѣшно
 Ссориться за приглашенье).
 Побѣдивъ свое смущенье
 И отдавъ ему поклонъ,
 Алексѣй сказалъ:

— Баронъ,
 Я не могъ придти.

Баронъ.

Вотъ мило!
 Отчего вы не могли?

Алексѣй.

Мнѣ, баронъ, неловко было.

Баронъ.

Или вы не привезли
 Фрака?—или позабыли
 Бѣлый галстукъ?—не нашли
 Цвѣту моднаго перчатокъ?
 Но довольно; буду кратокъ,
 И скажу вамъ: я не лордъ,
 Чтобъ обѣдъ мой хлѣбосольный
 Превратить въ парадъ застольный;
 Я не гордъ; а если гордъ,
 То съ тузами, съ дураками,
 Чтò повыше. Я бы съ вами
 Даже разсуждать не сталъ,
 Если-бъ церемоній ждалъ.
 Вотъ, вы въ блузѣ, и—чудесно!
 Въ блузѣ, сдѣлайте мнѣ честь—
 Приходите.—Домъ мой есть
 Продолженье сада. —

Алексѣй.

Лестно

Ваше приглашенье, но
 Не могу, баронъ!

Баронъ.

Смѣшно!

Отчего? Или влюбиться
Вы боитесь?

Алексѣй.

Я, баронъ!? —

Баронъ.

Не ревнивъ я, волочиться
Всякій волея, и законъ,
Да и нравы никому
Не мѣшаютъ,—почему
Вы такое исключенье?

Алексѣй.

Если это ваше мнѣнье —
Я не спорю и молчу.

Баронъ.

Впрочемъ, это я шучу,
Иначе и невозможно
Васъ заставить говорить.
Почему не пошутить!
Вы со мной такъ осторожно

Выражаетесь, что я
И не знаю... Отчего вы
Отрекаетесь?... семья
Не пускаетъ васъ?..

Алексѣй.

О! что вы!

Нѣтъ, отецъ меня бранилъ,
Посылалъ меня. На это
Я сказалъ ему: все лѣто
Ты барономъ приглашенъ
Не былъ, и коли баронъ
Почему-то не желаетъ
Пригласить тебя,—къ нему
Мнѣ, какъ сыну твоему,
Заходить не подобаетъ.

Баронъ.

Почему же?

Алексѣй.

Потому,
Что мое такое мнѣнье.

Баронъ.

Это ваша точка зрѣнья —

Уважаю; но и я
 Буду правъ, и у меня
 Есть свои соображенья
 Относительно людей.
 Говорю вамъ безъ затѣй,
 Всякій можетъ заблуждаться;
 Но мнѣ тяжело сближаться
 Съ лицами, которыхъ я
 Нанимаю. Знаю я,
 Что невольная забота—
 Не услуга, такъ работа,
 За которую плачу,
 Не приноситъ наслажденья;
 Вѣдь наемъ есть принужденье.
 Принуждая, не хочу
 Лицемернаго сближенья.
 Если бы замѣтилъ я,
 Что красавица моя
 Мнѣ за деньги отдается,
 Копчено! все оборвется,
 Ибо лжи не выношу.
 Впрочемъ, вашимъ объясненьемъ
 Я доволенъ. Съ извиненьемъ
 Обращаюсь къ вамъ: прошу
 Васъ съ отцомъ ко мнѣ обѣдать.

Такъ сказать, хлѣбъ-соль отвѣдать,—
 И—когда угодно. Звать,
 Безпокоить, вынуждать
 Я не стану; но приборы
 За столомъ васъ будутъ ждать.
 Дайте руку вамъ пожать,
 И—adieu!

Потупивъ взоры
 На мгновенье и потомъ
 Подстегнувъ себя хлыстомъ,
 Онъ ушелъ. Одинъ остался
 На дорожкѣ молодой
 Человѣкъ, и головой
 Покачавъ слегка, признался
 Самому себѣ, что онъ
 Былъ, какъ будто, пристыженъ.
 Неужели же баронъ
 Искренень? его замашка
 Такъ странна, онъ свысока
 Говорить, его рука
 Такъ суха, какъ деревяшка.
 Но, какъ будто, нервный токъ
 Заключенъ въ ея пожатъи.
 Вонъ, мелькнулъ онъ въ сѣромъ платьѣ
 За кустами,—вонъ, цвѣтокъ

Сбилъ хлыстомъ, перекачнулся,
 И не то чтобъ оглянулся—
 Свѣсилъ голову и взглядъ
 Бросилъ искоса назадъ.

XV.

Алеша передалъ отцу
 Полушутливымъ тономъ,
 Какъ онъ бесѣдовалъ въ саду
 Съ двусмысленнымъ барономъ.
 Отецъ, накупившись, сказалъ:
 — Вотъ глупая бесѣда!
 Баронъ подумаетъ, что я
 Ищу его обѣда;
 Я этого, братъ, не ищу,
 А коли онъ желаетъ
 Узнать способности твои,
 Такъ это не мѣшаетъ.
 Дешевле сдѣлались пути,
 Зато дороже стали
 Квартиры, свѣчи и дрова,
 Припасы вздорожали,
 И что ни годъ, труднѣе жить;
 Ему-жь одно словечко

Замолвить стоитъ, и тебѣ

Господь пошлетъ мѣстечко.

— Ну, нѣтъ, отецъ, я не хочу

Ни ползать, ни сгибаться;

Скорѣй пойду я босикомъ

Да въ рубищѣ скитаться.

Но я гляжу совсѣмъ не такъ

На это приглашенье:

Отъ скуки тошно имъ вдвоемъ—

Имъ нужно развлеченье.

— Ну, и прекрасно! все же ты

Здѣсь будешь на примѣтъ;

Отъ скуки, можетъ быть, поймутъ,

Каковъ ты есть на свѣтѣ.

Будь ты семи пядей во лбу,

И головой будь свѣтель,

Въ столицѣ ни одинъ богачъ

Тебя бы не замѣтилъ.

— А ну, какъ я, отецъ, влюблюсь,

(На это нѣтъ закона)

И пожелаю овладѣть

Возлюбленной барона?

Что будетъ, а!?

— Галлиматя!

Красавицъ много въ свѣтѣ,—

Неужто каждую любить
 Или имѣть въ предметѣ?
 — Ну, нѣтъ, не каждую, отецъ;
 Такихъ не много. Съ дѣтства,
 Клянусь тебѣ, я не встрѣчалъ
 Подобнаго кокетства.
 Пройдетъ, потупится, вздохнетъ—
 Посмотритъ—точно спроситъ,
 Встряхнетъ волнистою косою—
 Или назадъ отброситъ...
 Все зорко видитъ, не глядя,
 Отворотясь, все слышитъ,
 И складка каждая на ней
 Очарованьемъ дышитъ.
 — Ты, кажется, меня смѣшишь,
 Нарочно баламутишь;
 Но если правду говоришь,
 И если ты не шутишь—
 И не ходи! и не ходи!—
 Исхити изъ сердца сѣмя
 Преступное—и уѣзжай
 Куда-нибудь на время.
 Я, такъ и быть, ему совру,
 Хоть врать и не легко мнѣ,
 Что ты занятіе нашель

Въ одной каменоломнѣ.
 — Ну, вѣтъ, отецъ, не нужно врать,
 Къ барону я отправлюсь,
 И за меня не бойся, я
 Съ самимъ собою справлюсь,
 Себя я знаю, эта ложь
 Меня не обморочить,
 Мнѣ стоять головой тряхнуть—
 И эта дурь соскочить.

XVI.

Чтобъ при печальныхъ свиданьяхъ
 Не упражняться въ оправданьяхъ,
 Нашъ юноша къ шести часамъ
 Пошелъ наверхъ къ террасамъ виллы,
 Подъ тѣнь колоннъ, и встрѣтилъ тамъ
 Всѣ двери настежь, тишь могилы,
 И цѣлый лѣсъ цвѣтовъ кругомъ,
 Взлелѣянныхъ его отцомъ.

Онъ былъ разсѣянъ, день былъ душень,
 И хоть онъ былъ равнодушенъ
 Къ растительному царству, но
 Своею роскошью оно

Не привлекло его вниманья;
Какъ призракъ, какъ душистый дымъ,
Оно мелькало передъ нимъ;
И если сладость есть въ страданьи —
Онъ эту сладость ощущалъ,
Когда при входѣ въ бѣлый залъ,
Дыша цвѣтами, онъ стоялъ
Въ тоскѣ, въ раздумьи, въ ожиданьи.
«Ну, что же думать! я войду...»
Подумалъ онъ; но на бѣду
Его сконфузилъ какаду:
«Дурракъ!» вскричалъ нахалъ ученый,
Еще кой-что пробормоталъ,
И крѣпкимъ носомъ застучалъ
Въ рѣшетку клѣтки золоченой.
Но вотъ, шаги... паркетъ скрипитъ,
Идетъ лакей, — на немъ ливрея
(Съ гербами фракъ); на Алексѣя
Онъ вопросительно глядитъ:
«Кого вамъ надо?» говорить.
«Нельзя-съ! баронъ за столъ садится,
«Поздненько вздумали явиться».
— «Ну, и прекрасно, я уйду»;
«Дурракъ!» горланить какаду.
Но Алексѣя догоняетъ

Другой лакей и провожаетъ
Его въ столовую.

Вошелъ.

Баронъ, замѣтно утомленный,
Хлысть бросилъ на окно, на столъ
Букетъ, для вазы припасенный.
Увидѣвъ гостя, поспѣшилъ
Разгладить лобъ свой, распрямилъ
Насупленные брови, губы
Сложилъ въ улыбку и, сквозь зубы:
«Что-жь вы не въ блузѣ?» процѣдилъ.

Вся въ бѣломъ, по слѣдамъ барона
Вошла Мими. Ея поклона
И не замѣтилъ Алексѣй.
Она руки не протянула,
И мимоходомъ такъ взглянула,
Что было-бъ легче уловить
Лучъ молніи, чѣмъ ощутить,
Какъ этотъ взглядъ скользнулъ украдкой
Поверхъ бровей его. — Герой
Былъ парень слишкомъ молодой,
Чтобъ обладать большой догадкой...
— «Какая гордая! Пускай, —
Мы такъ и будемъ знать да вѣдать, —

Хоть королеву представляй!»
 Подумалъ гость, садясь обѣдать.
 Она же думала: «каковъ!
 Должно быть, не изъ дураковъ...
 Въ гостяхъ у насъ!..» Что за причина?
 И молча съла за приборъ.

Вотъ подавъ супъ, вотъ льются вина...
 О чемъ же будетъ разговоръ?
 Переливанье изъ пустого
 Въ порожнее, обычный вздоръ;
 То «да-съ», то «нѣтъ-съ». Чего-жь другого
 И ждать! По юный Алексѣй
 (Ну, не смѣшной ли онъ? Ей-Богу!)
 Уже заводитъ, понемногу,
 Рѣчь о пропорціи солей
 Въ морскихъ водахъ, о свойствахъ пара,
 О неисчезновенъи силъ,
 И, наконецъ, заговорилъ
 (Наивный парень!) не безъ жара
 О томъ, что слѣдуетъ забыть
 Вѣковъ протекшихъ идеалы,
 Чтобъ дряхлый міръ преобразить.
 Научные матеріалы,
 Дескать, готовы для того,

Чтобъ возводить иное зданье.
 Баронъ все слушалъ, ничего
 На откровенныя мечтанья
 Не возражалъ онъ, у него
 Болѣла печень. Онъ былъ боленъ,
 И точно также, можетъ быть,
 Былъ грѣшнымъ міромъ недоволенъ,
 Но подъ конецъ стола (какъ бытъ!
 Должно быть, лопнуло терпѣнье)
 Все молодое поколѣнье
 Онъ сталъ отчаянно бранить,
 Высказывать свое презрѣнье
 Къ тѣмъ отрицателямъ, какихъ
 Встрѣчалъ онъ.

— Отрицать умѣють, —

Сказалъ онъ, — а благоговѣють
 Передъ богатствомъ, и для нихъ
 Нажива — цѣль ихъ жизни бренной,
 Не глупой, но обыкновенной
 И переполненной заботъ,
 Такихъ же точно круглый годъ,
 Какъ и у прежнихъ поколѣній.
 Будь иначе, — сказалъ баронъ, —
 И въ наши дни могучій геній —
 Пророкъ явился бы. Гдѣ-жъ онъ?!

Нѣтъ, я не вѣрю въ дни безъ славы,
 Хоть вы кой въ чемъ, конечно, правы,
 Какъ и Луи-Наполеонъ,
 Въ тѣ дни, какъ онъ, боясь цензуры,
 Внѣ Франція писалъ брошюры.
 Сначала дайте вѣру мнѣ
 Хоть въ личность, чтобъ я могъ вполне
 Ея повѣрить совершенству.
 Потомъ и самъ, быть можетъ, я
 Повѣрю, что людей семья
 Усовершенствуется. Блаженству
 Грядущаго не вѣрю я,
 Коли его за милліоны
 Нельзя купить. —

Но разговоръ,
 Смягчася, другіе принялъ тоны.
 Поддерживая легкій споръ,
 Казалось, юношѣ хотѣлось
 Блеснуть своею головой,
 И не пилось ему, не ѣлось...

XVII.

Алеша получилъ въ наслѣдство
 Отъ матери черты лица

И мягкость сердца; отъ отца
 Здоровье и терпѣнье. Дѣтство
 Ему окрѣпить помогло—
 Оно на воздухѣ прошло.

Лѣса съ тропинками въ село,
 Село съ господскими садами,
 Да гумна съ сѣрыми скирдами,
 Вотъ все, что въ дѣтствѣ золотомъ
 Ему, въ его гвѣздѣ родномъ,
 Служило первой обстановкой.
 Неизбалованный судьбой,
 Онъ даже варешки зимой
 Считалъ пріятною обновкой.
 По лужамъ, иногда, весной
 Ходилъ онъ грязь мѣсить ногами,
 И съ загорѣлыми щеками,
 Съ великимъ наслажденьемъ, въ зной
 Барахтался и прыгалъ въ пѣнѣ,
 Среди прохлады озерной;
 Подъ осень спать любилъ на снѣгъ;
 Любилъ, какъ вечеръ настаеть,
 Склоняться къ матери въ колѣни
 И слушать, какъ она поеть...
 Съ крестьянскими дѣтьми братался,

И съ ними на кулачкахъ дрался.
 Дни отрочества онъ провелъ
 Въ столицѣ, съ дядей букинистомъ.
 Въ два лѣта съ пьянымъ бурсакомъ,
 Давно отпѣтымъ латинистомъ,
 Прошелъ грамматику; потомъ,
 Занявшись головою ломкой,
 Онъ утро каждое съ котомкой
 Уже въ гимназію спѣшилъ
 И, разумѣется, долбилъ.

Прошло семь лѣтъ—

И жаръ лпризма,
 Который сталъ его томить,
 Изъ принципа, чтобъ не прослыть
 Стихослагателемъ, душилъ
 Онъ сталъ во имя реализма;
 Занялся химіей; тетрадь,
 Гдѣ муза пробовала перья,
 Забросилъ; иначе сказать,
 На даръ свой наложилъ печать
 Презрительнаго недовѣрья.
 И букинисть, его патронъ,
 Насколько былъ онъ грамотеемъ,
 Сочувствовалъ его идеямъ.

Но съ нимъ недолго прожилъ онъ:
Хандрить сталъ дядя-старикашка;
Одна фальшивая бумажка
Къ нему попалась: сто рублей
Онъ кровныхъ потерялъ на ней.
Его, конечно, оправдали;
Но мiръ душевный потрясенъ
Быль этимъ случаемъ. Едва ли
Одной потерей огорченъ
Быль старшй труженикъ, навѣрно,
И прочія дѣлишки скверно
Шли у бѣдняги. Какъ-то онъ
Въ уѣздъ поѣхалъ, простудился;
Чайку не во-время напился;
Въ трактирѣ вздумалъ разсуждать
О томъ, что времена настануть,
Когда не стануть разбирать—
И всѣхъ, всѣхъ въ рекруты потянутъ,
Что каждый на войну пойдетъ.
Лѣнтяямъ пригрозилъ, и вотъ,
За нимъ слѣдить въ уѣздѣ стали,
И съ азбуками отобрали
Его невинные мѣшки.
Вернувшись, умеръ онъ съ тоски,
А, можетъ-быть, и отъ одышки.

Племянникъ съ полгода грустиль;
 Пятикопеечныя книжки,
 Ему покинутыя, сбыль.
 Однажды, къ ночи свѣчку заняль,
 А утромъ шубу снесъ въ залогъ,
 И гдѣ-то на Плющихѣ наняль
 За рубль въ недѣлю уголокъ.

Пора студенчества тяжелой
 Для юноши была порой.
 Жизнь, заклеименная нуждой,
 Была для мысли страшной школой.
 Карманъ родителя щадя,
 И всё мытарства проходя,
 Какъ бы съ ступеньки на ступеньку,
 Онъ могъ бы такъ же помаленьку
 Какъ и другіе одичать—
 Кромѣшную извѣдать крайность;
 Но, сталь уроки онъ давать
 И помогла ему случайность:
 Въ зажиточный попалъ онъ домъ,
 Гдѣ, не полтинникомъ—рублемъ
 Ему платя, не торговались;
 Гдѣ онъ товарищей нашель,
 И много книгъ, и сытный столъ;

Гдѣ молодежи не чуждались;
 Гдѣ часто раздавался споръ
 О томъ, «что дѣлать?»—споръ, конечно,
 Такого сорта, что, пока
 Не разрѣшится, съ языка
 Онъ не сойдетъ и будетъ вѣчно
 Къ анализу насъ приучать
 И постепенно развивать.
 Такихъ домовъ въ Москвѣ не много,
 Но все же есть, и къ нимъ дорога
 Открыта всякому, въ комъ есть
 Замѣтный умъ, игривость слога
 И незапятнанная честь.
 Тамъ съ Алексѣемъ подружилась
 Сама хозяйка,—дочь влюбилась.
 Тамъ очень скоро понялъ онъ,
 Что онъ недурень и уменъ;
 Что онъ подчасъ острить умѣетъ
 (Хотя при этомъ и краснѣетъ),
 И даже честь имѣетъ слыть
 Отмѣнно злымъ, умѣетъ злить;
 Что онъ и мудреца отбрѣетъ,
 Коли мудрецъ сей ретроградъ—
 Прогрессу русскому не радъ.
 Самоотверженность, геройство

Ему казались ни по чемъ.
 Такъ, молодость кипить ключомъ—
 Ужь у нея такое свойство!..
 Владѣють ею сотни фразъ—
 Фразъ, сказанныхъ устами вѣка,
 О назначеніи человѣка,—
 Пока въ одинъ прекрасный часъ
 Переворота не свершится,
 И юноша, чтобъ не краснѣть,
 Самъ станетъ фразами владѣть.
 Птенецъ нашъ, по своей природѣ
 И по лѣтамъ, въ избыткѣ силъ,
 Еще былъ въ первомъ періодѣ,
 На первомъ либеральномъ взводѣ,
 Когда отца онъ посѣтилъ:
 Идеи вѣка имъ владѣли—
 Не онъ идеями владѣлъ;
 Еще обжиться не успѣлъ,
 Не осмотрѣлся, ясной цѣли
 Еще не видѣлъ, въ даль глядѣлъ
 Лишь для того, чтобъ порываться ..

Такъ, видя облако, вдали
 Несущееся по лазури,
 Орленокъ ждетъ дождя и бури,

Чтобъ крылья выкупать въ дождѣ,
 Чтобъ силы испытать въ бѣдѣ.
 Крылами воздухъ разсѣкаетъ,
 Какъ будто бурю догоняетъ,
 А облако спокойно таетъ
 И расплывается въ лучахъ
 Надъ поднимающими прахъ
 Дорогами и городами,
 Иль ищетъ тѣни за скалами
 И на ночь прячется въ горахъ.

XVIII.

Между барономъ и итенцомъ,
 Едва окончившимъ ученье,
 Что было общаго? Рѣшенье
 Задачи этой ни въ какомъ
 Людскомъ сближеньи не мѣшается.
 Что было общаго?

Хотя

Баронъ былъ въ критикѣ дитя,
 Хотя Алешѣ подобаетъ
 Еще учиться лѣтъ пять-шесть,
 Чтобъ въ этомъ дѣлѣ приобрѣсть
 И глубину и тотъ анализъ,

Которымъ въ мѣрѣ отличались
 Мыслители; но, какъ баронъ,
 Такъ и герой мой недозрѣлый,
 Былъ каждый втайнѣ зараженъ
 Желаньемъ подвергать все смѣлой
 Проверкѣ. Оба шли на брань,
 Когда знакомилсъ; обонмъ
 Хотѣлось (эти мы не скроемъ)
 Сказать въ душѣ другъ другу «дрянь!»

Другое сходство—въ жаждѣ тайной
 Земного счастья; хотя
 Опять-таки, баронъ—дитя,
 Искаль его въ любви случайной,
 А юноша свой идеаль
 Въ народѣ, въ будущемъ искалъ,
 И безотчетной полнѣ былъ вѣры,
 Всѣхъ больше вѣруя въ себя;
 Но въ жизни (знаю это я),
 Бываютъ странные примѣры.

Баронъ не вѣрилъ ничему,
 А тотъ, повѣрившій всему,
 Твердилъ, что и не нужно вѣрить;
 Баронъ не вѣрилъ и ему,

Но сталь хитрить и лицемѣрить,
 Такимъ суровымъ мудрецомъ
 Прикинулся, такъ сталь широко
 Смотрѣть на вещи, такъ глубоко
 Вникать въ причины, что и въ немъ
 Не могъ не поселить довѣрья.
 Къ тому же, въ нашемъ молодцѣ
 Настолько-жь было легковѣрья,
 Насколько было на лицѣ
 Румяныхъ вспышекъ.

Но не скоро

Баронъ освоился и съ нимъ;
 Вначалѣ онъ не безъ задора
 Болталъ съ сосѣдомъ молодымъ.

XIX.

Какъ изъ стѣны дубовой крѣпко
 Въ нее засѣвшій гвоздь порой
 Пазадъ не лѣзетъ, такъ иной
 Крѣпкоголовый слишкомъ цѣпко
 Захватываетъ все, что разъ
 Вошло въ мозги его.

Терпѣнье

Особенное нужно въ васъ

Предположить, чтобъ подозрѣнье,
 Которымъ другъ вашъ помраченъ,
 Могли вы съ корнемъ вырвать вонъ.
 Такія головы съ гвоздями
 Встрѣчалъ я' у наивныхъ дамъ,
 У бюрократовъ со звѣздами,
 Неравнодушныхъ къ мелочамъ,
 Но чаще между богачами,
 Которые, родясь, нашли
 Почетъ и золото (не сами
 Трудями ихъ приобрѣли).
 Баронъ хотя и сознавалъ,
 Что онъ людей не понималъ,
 Но все же собственное мнѣнье
 И опытность развратныхъ лѣтъ
 Высоко ставилъ; все же бредъ
 Досузаго воображенья
 Цѣнилъ не дешево. «Она»,
 Ему диктуетъ подозрѣнье,
 «Изъ выгоды осуждена
 Со мной хитрить. И, можетъ быть,
 Алеша вовсе не случайно
 Отца пріѣхалъ навѣстить...
 Она счастливица любить тайно,
 Хоть и готова пошутить

Надъ бѣднымъ юношей; но это—
 Уловки, хитрости!.. Была
 Скучна, грустна въ началѣ лѣта,
 Теперь—напротивъ, весела,
 И вся какъ будто расцвѣтаетъ,
 Когда нечаянно встрѣчаетъ
Смѣшиного юношу!.. И съ ней
 Обходится онъ безъ затѣй,
 Какъ будто давнее знакомство
 Ихъ сблизило...

О, вѣроломство!..»

О, подозрительность! ты—дочь
 Безпутнаго воображенья,
 Предпочитающаго ночь;
 Ты—черные очки для зрѣнья...
 Ты—бредъ ума; и—зависть, ревность,
 И притязательность тобой
 Питаются; и ежедневность
 Отравлена твоей гнилой,
 Тяжелой лицей...

На балконѣ
 За чайнымъ столикомъ, въ саду,
 Съ Мими встрѣчаясь, на бѣду

Алеша думалъ о баронѣ,
 Что онъ не глупъ, хоть и лѣнивъ,
 Порой угрюмъ, порой брюзгливъ,
 Но ужъ нисколько не ревнивъ.
 Привыкъ къ фигурѣ онъ барона,
 Къ небрежности его рѣчей,
 Во вкусѣ прежняго бонтона,
 Къ его гримасѣ и къ хлысту,
 Съ которымъ онъ блуждалъ по саду.
 По ежедневно красоту
 Встрѣчать или привыкнуть къ яду —
 Одно и то же. Хоть она
 Была далеко не умна,
 По—звѣзды чудныхъ глазъ, улыбка,
 Увы! влекли его; и шибко
 Въ немъ сердце билося, какъ рыбка,
 Коварно пойманная въ сѣть.
 Онъ, краснощекий, сталъ блѣднѣть.
 Онъ, реалистъ,—сталъ полонъ бредней.
 Мими кокетничала съ нимъ;
 (Онъ былъ не первый, не послѣдній).
 Но справедливость отдадимъ
 Мечтателю: онъ видѣлъ ясно,
 Что красота ея опасна,
 Что съ нимъ зангрываетъ страсть,

Что такова природы власть
 Над нимъ, *не старымъ человекомъ*;
 Но что Мимп одна изъ тѣхъ
 Ничтожностей, рожденныхъ вѣкомъ
 И обществомъ, что ставить въ грѣхъ
 Серьезный трудъ, и вѣтъ утѣхъ,
 Вѣтъ роскоши и наслажденій
 Не видить въ жизни ничего,
 И что серьезныхъ отношеній
 Къ ней быть не можетъ для него.

Баронъ нерѣдко ихъ находить
 Вдвоемъ, на мраморной, крутой
 Той лѣстницѣ, что къ морю сходить,
 Но, или молча онъ проходить,
 Или, кивнувъ имъ головой,
 Поговорить немного, скажетъ:
 «Не засидитесь, какъ вчера,
 Чуть не до самаго утра...»
 И удалится, или—ляжетъ
 Неподалеку, на скамью,
 Закинетъ голову свою,
 И сладко дремлетъ,—чуть мелькаетъ
 Его сигары огонекъ
 Въ ночной тѣни.

Мими болтасть,
 То вдругъ смѣется, то вздыхаетъ,
 То живописно локотокъ
 Свой въ сѣрый камень упираетъ
 И такъ загадочно глядитъ,
 Что Алексѣй не замѣчаетъ,
 Какъ время за полночь летитъ,
 И о любви ей намекаетъ.
 И что за странность! Чортъ возьми!
 Какъ переменчива Мими:
 То вѣтреница, то мадонна.
 — А что, вы любите барона?
 Однажды онъ ее спросилъ.
 — Нѣтъ! голосокъ проговорилъ
 Ему въ отвѣтъ.—Какъ, вы суровы
 Къ его любви?..

— А для чего вы
 Хотите знать? Я не скажу.—
 — Какъ «не скажу»?! ужъ вы сказали...—
 — Я солгала.

— Нѣтъ, не солгали,
 И я вамъ это докажу.

XX.

Фаронъ.

Что за письмо читала ты?

Ми.ми.

Стихи читала я, мечты,
Которыхъ не было и вѣтъ.

Фаронъ.

По чьи стихи? ужели онъ
И математикъ, и поэтъ?

Ми.ми.

Онъ очень молодъ и влюбленъ,
Простителенъ любовный бредъ...
Къ тому же, кто теперь стиховъ
Не пишетъ!

Фаронъ.

Даже Гайдунувъ
Алѣшка? Интересно знать...

Ми.ми *(съ досадой)*.

Возьмите, можете читать.

Фаронъ.

По это, можетъ-быть, секретъ...

Мими.

Онъ говорить, что сочинилъ
Онъ этотъ вздоръ въ семнадцать лѣтъ.

Баронъ.

И въ памяти возобновилъ.
(Читаетъ).

— Заря погасла, ночь задула
Въ домахъ послѣдніе огни.
Все утомленное заснуло,
Но ты въ лицо мнѣ заглянула
И прошептала: «мы одни».
«Спать старики, старухи, дѣти;
Но юность зажигаетъ кровь, —
И я проснулась въ полномъ цвѣтѣ,
И кажется мнѣ, въ цѣломъ свѣтѣ
Не спитъ одна моя любовь.
Природы голосу внимая,
Я знаю, власть ея святая
Къ познанію добра и зла
Меня влечетъ—и вотъ, тебя я,
Мой другъ, любимцемъ избрала...
Любовь мертва безъ наслажденья,
Мертва, какъ вѣра безъ любви;
Не будь рабомъ предубѣжденья,

И мнимое мое паденье
 Отпразднуй и благослови.
 Не вѣрь слѣпому увлеченью,
 Не вѣрь и клятвамъ, вѣрь любви!
 Зови ее къ трудамъ, къ терпѣнью,
 Къ заботамъ, къ самоотверженью —
 Въ помощницы къ себѣ зови».

Ми.ми.

Ну, что? Хотите разорвать?

Баронъ.

Фу! чортъ возьми!

Позволь списать!

Ми.ми.

Что-жь тутъ хорошаго?

Баронъ.

— Урокъ,

Который онъ тебѣ даетъ.

Ми.ми.

Не бойтесь, можетъ сочинять

Что хочетъ...

(Уходитъ).

Баронъ.

Бѣдный мотылёкъ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Ужь августъ; лозы винограда,
Въ прозрачно матовыхъ кистяхъ,
Повисли на своихъ жердяхъ;
На яблоняхъ, въ куртинахъ сада,
Кой-гдѣ румяный плодъ повисъ,
И стала рѣже на карнизъ
Садиться ласточка; въ лѣпное
Ея гнѣздо ужъ отъ окна
Нить паука проведена,
Ужь птнчекъ племя молодое
Изъ гнѣздъ повыпорхнуло, и
Кружить, звенить, поеть вдали.

Но—такъ же зѣлено алоэ,
И такъ же тѣмень кипарисъ;
Въ саду, куда ни обернись,

Деревья мѣютъ въ томъ же зноѣ,
 Все такъ же мраморный балконъ
 И днемъ и ночью растворенъ.

Но что съ Мими? Что съ ней такое?
 Она разсѣянно-грустна,
 Она въ себя погружена,
 Краснѣетъ и неровно дышитъ,
 Ей говорить—она не слышитъ,
 Молчать—она глядитъ на васъ,
 Какъ будто вы съ ней говорите.
 Она труслива,—а смотрите,
 Какая смѣлость!

Ужь одна,
 Безъ горничной, идетъ плескаться
 Передъ купальной. Вотъ она
 По скользкой лѣсенкѣ спускаться
 Ужь начала, озарена
 Лучами утра.

Но волна
 Разбрызнулась и побѣхла,
 Какъ будто снѣгъ въ нее ушалъ,
 И только сквозь ея кристалль,
 Дрожа, просвѣчиваетъ тѣло.
 Она труслива, а небось,

Идетъ изъ сада, на авось,
 Куда глаза глядятъ,—не трусить,
 Что скорпионъ ее укуситъ,
 Или мѣдянка; на скалу
 Одна съ какимъ-то тайнымъ горемъ,
 Лицомъ къ лицу съ холоднымъ моремъ,
 Садится,—въ розовую мглу,
 Раскрывъ глаза, глядитъ, вздыхаетъ,
 Какъ будто не довольно ей
 Простора, и не замѣчаетъ,
 Какъ ящерица пробѣгаетъ
 По складкамъ платья. Чтò же съ ней?
 Ни самъ баронъ, ни Алексѣй—
 Никто ея не понимаетъ.

Она рѣсницы потупляетъ,
 Когда съ барономъ говоритъ,
 Или ласкаетъ, такъ ласкаетъ,
 Какъ никогда.—Она не спитъ,
 И если спитъ, то жарко бредитъ.

А! думаетъ баронъ, печаль
 Ея понятна мнѣ. Ей жаль,
 Что молодецъ куда-то ѣдетъ--
 Иль собирается удрать...

Она изволить пропадать
 До тёмной ночи; на свиданье
 Ходить изволить; на прощанье
 Съ нимъ нѣжится; уже въ саду
 Ей мѣста нѣтъ—уходить въ горы—
 И даже, кажется, въ бреду
 Во снѣ ведетъ съ нимъ разговоры;
 Не слышать стопа моего
 И плачетъ... Чтò же значить ласка
 И эти поцѣлуй!—Маска
 Ея измѣны... Ничего
 Иного и не могутъ значить
 Всѣ эти поцѣлуй!—О!
 Не убивать ихъ—озадачить
 Хотѣлъ бы я; но гдѣ и какъ!
 И... я люблю ее!—дуракъ!

II.

Чтò въ головѣ барона, знаетъ
 Одинъ Всевышній; цѣлый день
 Онъ дома, молчаливъ какъ тѣнь,
 И Алексѣя избѣгаетъ.
 Но Алексѣй не замѣчаетъ
 Его отсутствія. Одинъ

Лишь камердинеръ Валентинъ
 Кой-что смекаетъ; Какъ и баринъ,
 Онъ на Мими за что-то золь,
 Онъ убѣжденъ, что женскій полъ
 Непостояненъ и коваренъ...

А между тѣмъ, ея мечта
 Однимъ и тѣмъ же занята;
 Она и трусить и стыдится
 Заразе... Она боится
 Зимой родныхъ не навѣстить...
 Положимъ, добренькій папаша
 И не поморщится! давно
 Онъ знаетъ и прощаетъ; но
 Что скажетъ милая мамаша?
 Вотъ августъ, а потомъ сентябрь,
 Потомъ октябрь, ноябрь, декабрь...
 «Отецъ! да мимо идетъ чаша!»
 Такъ молится порой она,
 На небо глядя изъ окна.
 Увы! для всѣхъ одни законы,
 Для Афродиты и мадонны,
 И бѣлокурая Мими
 Такая же, не исключенье!
 Какъ ни терзайся, ни томн

Себя предчувствіемъ мученья,
 Хоть силы неба призови
 Къ себѣ на помощь. У любви
 Земной—земное назначенье,
 Какая-бъ ни была она,
 Святая или покушная
 И грѣшная; не разсуждая,
 Природа вѣчная вѣрна
 Самой себѣ. Она—слѣпая,
 Глухая, царственная и
 Не видитъ прелестей Мими,
 Ея проклятыя не внимаютъ,
 Она Мими и знать не знаетъ,
 Ей женскій чуждъ идеализмъ,
 Ей нуженъ только организмъ,
 Къ ея задачамъ подходящій,
 Не сочиненный, настоящій,
 Безъ всякой фальши.

Можетъ быть,

Другая и была бы рада,—
 Сама созналась бы, что надо,—
 Что не мѣшаетъ закрѣпить
 Союзъ съ барономъ капитальнымъ
 Хоть чѣмъ-нибудь вполне реальнымъ
 И очевиднымъ; но она

Была еще не такъ умна,
 Чтобъ выгоды однѣ предвидѣть.
 Она, безумная, была
 Готова жизнь возненавидѣть:
 Стыдливой тайной облекла
 Мучительное подозрѣнье,
 Сама не вѣрила ему;
 Какое-то къ себѣ презрѣнье
 Почувствовала.

Почему?

Она сама того не знала,
 И ужъ не думала нимало
 О томъ, что думаетъ о ней
 Баронъ. Она не понимала
 Его порывистыхъ страстей,
 Несовмѣстныхъ съ роковою
 Усталостью или хандрою—
 Осадкомъ прокипѣвшихъ дней.
 Ей думалось неоднократно,
 Что даромъ пользоваться всѣмъ,
 Еще не значить жить развратно,
 Напротивъ, значить жить пріятно,
 Свободно жить,—а между тѣмъ,
 Она сама того стыдилась,
 Чѣмъ прежде мысленно гордилась.

Иль не была еще она
 Настолько зломъ заражена,
 Чтобъ постоянно лицемѣрить?
 Или еще любить и вѣрить
 Хотѣлось? Иль она была
 Кой для чего не безъ задатка—
 Была лишь только кандидатка
 Въ камелии и не пришла
 Еще къ сознанию ремесла,
 И не искусно притворялась?!.

III.

Мими особенно блѣдна:
 — Смотрите, говорить она
 Алешѣ,—видите вдали
 Тамъ, гдѣ мелькаютъ корабли,
 На горизонтѣ, по волнамъ
 Свинцовымъ, двигается тѣнь
 И поднимается къ горамъ,—
 Вѣдь это смерть—недаромъ день
 Уныль и пасмурень!

И онъ

Былъ какъ-то смутно пораженъ
 Ея словамъ.—Этотъ тонъ

Болѣзненный не сочиненъ,
 Подумалъ онъ,—или она
 Больна, или съ ума сошла,
 И видитъ гдѣ-то смерть...

Алексѣй.

Дитя!

Вы шутите, иль не шутя
 У васъ фантазія шалить
 И всякій вздоръ вамъ говорить.

Мими.

Дитя!.. А вѣрите ли вы
 Въ пророческіе сны?

Алексѣй.

О, нѣтъ!

Да я и вамъ даю совѣтъ
 Не вѣрить.

Мими.

Экій вы какой

Ома невѣрный! Боже мой,
 И рада бы не вѣрить, но
 Невольно вѣрится.

Алексѣй.

Смѣшно!

Миши.

Мнѣ снилось, будто вы со мной;
А у меня надъ головой
Корзина съ платьемъ и бѣльемъ;
И мы спускаемся вдвоемъ
Съ горы, и вижу я сквозь мглу,
Какъ моря сѣраго прибой
Трепещется и бьетъ въ скалу;
А вы взялись за локоть мой,
Чтобъ не упала я, и вотъ,
Пришли мы на какой-то плотъ,
И стала я бѣльё стирать,
И что же! отъ воды морской
Ползеть и рвется подъ рукой
Все полотно, ни дать ни взять
Бумага мокрая. Волна
Разносить клочья, а со дна
До самой до моей руки
Бѣгутъ и липнуть пузырьки,
И вся рука моя кругомъ
Обсыпана, какъ жемчугомъ.

А небо тускло, какъ свинецъ.
 И вотъ, за платья, наконецъ,
 Я принялась, я погружать
 Ихъ стала въ воду, полоскать. —
 И что же вижу я!— По швамъ
 Все порется, то здѣсь, то тамъ
 Ключки плывутъ, все врозь ползётъ...
 И, Боже! сколько мнѣ хлопотъ
 При всемъ при этомъ! Я хочу
 Хоть блонды какъ-нибудь собрать
 Въ свою корзину... Хлопочу—
 И не могу, и вотъ,—при васъ
 Я стала ноги разувать,
 И постепенно опускать
 Ихъ въ воду. Вы на берегу
 Стоите... Нѣтъ... я не могу
 Рассказывать. Скажу одно:
 Вы мною какъ-то увлеклись,
 И я боролась... Не проснишь
 Я во-время, ушла-бъ на дно—
 И захлебнулась бы. Мой сонъ
 Пророчить горе мнѣ.

Алексѣй.

— Смѣшно!

И только, больше ничего.

Сонъ, это слѣдъ того огня,
 Которымъ въ продолженъе дня
 Вы нервы мозга своего
 Сжигали, иначе сказать,
 Ихъ израсходовали. Да
 Случалось ли вамъ, иногда,
 На уголья въ каминъ бросать
 Какой-нибудь измятый листъ
 Бумаги.—Тѣмень и землисть
 По цвѣту пепель, и дрожить
 Онъ,—этотъ пепельный комокъ,
 И красный, быстрый огонекъ
 По немъ извилисто бѣжить:
 Тамъ змѣйка, точно волосокъ—
 Тамъ звѣздочка позолотить
 Его края, пока въ трубу
 Его не вытянетъ. Вашъ сонъ—
 Огонь, который сталъ блуждать
 Тамъ, гдѣ ужъ нечему пылать...

Такъ темно выражался онъ,
 Въ Мими влюбленный Алексѣй,
 Въ надеждѣ высказать яснѣй
 И проще, что такое сонъ.
 Изъ объясненія его

Не вышло ровно ничего.
 Мими его не поняла;
 Но молча, съ грустью подвняла
 Ему въ отвѣтъ свой темный взоръ.

Алексѣй.

И этотъ сонъ, что васъ томить,
 И очертанья этихъ горъ,
 И даже этотъ разговоръ,
 И даже тотъ, кто говорить
 Въ сію минуту съ вами,—вы
 Забудете, какъ прошлый вздоръ,
 Какъ недоконченный узоръ
 Когда-то порванной канвы.
 И будете богато жить,
 И если будете тужить,
 То развѣ только оттого,
 Что вѣчно молодою быть
 Никакъ нельзя, что ничего
 Нѣтъ вѣчнаго, ни красоты,
 Ни юности, и въ первый разъ,
 Когда появится у васъ
 Морщинка... Богъ мой! какъ она
 Васъ испугаетъ.—Въ этотъ день
 Вамъ одѣваться будетъ лѣнь,

И жизнь покажется грустна,
 Пуста, безцвѣтна, какъ туманъ.—
 Затѣмъ, при помощи румянъ,
 И вы начнете привыкать
 Къ самообману—увѣрять,
 Что вамъ совсѣмъ не тридцать пять—
 А такъ лѣтъ... лѣтъ двадцать семь,
 И что вы молоды.—Затѣмъ...

Мими.

Ахъ! ради Бога самого,
 Не распѣвайте мнѣ о томъ,
 Что будетъ. Я хочу всегда
 Быть весела и молода;
 И, право, лучше умереть,
 Чѣмъ безобразно постарѣть.

Алексѣй.

Нѣтъ! вдвое лучше старой быть,
 Чѣмъ... по найму принадлежать
 Кому-нибудь и не любить.

Мими.

Молчите. Не хочу васъ знать!
 Какъ вы безжалостны! Опять

Вамъ хочется меня смутить...
Чего-жъ вы ждете?

Алексѣй.

Ничего.

Не плачьте!—Впрочемъ, можетъ-быть,
Вы...? Ну, такъ плачьте!

У него

Мелькнула мысль... Онъ угадалъ,
Чѣмъ организмъ ея страдалъ.
Мими мгновенно поняла
Его догадку.—Взгляды ихъ
Сошлись неволью.—Въ этотъ мигъ,
Какъ бы дѣйствительно межъ нихъ
Неуловимая прошла
Тѣнь смерти.—Оба разошлись;
Она, поникнувъ головой,
Пошла къ себѣ наверхъ—онъ внизъ
По взморью, блѣдный и нѣмой.

IV.

— Прощай, цвѣтокъ оранжерейный!
Роскошный твой расцвѣтъ—угарь
Распространяетъ; ты—товаръ
Особенный, галантерейный.

Тебѣ необходимъ футляръ
Атласный, бархатный! Баронъ
Не какъ лицо, какъ миллионъ
Тебя навѣкъ къ себѣ привяжетъ,
Быть даже нравственной обяжетъ,
И будешь ты ему вѣрна,
Вѣрнѣе второе, чѣмъ жена!
Такъ думалъ Алексѣй, и въ видлу
Съ тѣхъ поръ ни шагу. Черезъ силу
Признался онъ отцу, что онъ
Уѣхалъ бы, да съ рыбаками
Последними двумя рублями
Недавно подѣлился онъ,
Зато двѣ ночи въ морѣ пробылъ
И раковинъ не мало добылъ.
А между тѣмъ, на свой балконъ
Мими все такъ же выходила
По вечерамъ и по утрамъ,
И долгимъ взоромъ обводила
Пустынный садъ. Ни здѣсь, ни тамъ,
Гдѣ лѣстница внизъ къ морю сходить,
Не появлялся Алексѣй.
Исчезъ. А какъ хотѣлось ей
Хоть подразнить его!.. Проходить
Не мало самыхъ скучныхъ дней,

Совсѣмъ испортилась погода,
 Казалось, южная природа
 Одѣлась въ сѣверъ. Моря видъ
 Подъ тучами сталъ такъ сердить,
 И кипарисы такъ унылы,
 И холмикъ тотъ береговой,
 Гдѣ плачущею сиротой
 Поникла ива, видъ могилы
 Напоминаетъ ей; и страхъ
 Ей въ душу крадется, и горе
 Воображается,—и вотъ,
 Съ террасы внизъ она идетъ,
 И возлѣ пасмурнаго моря
 На камняхъ, влажныхъ поутру,
 Сама садится на вѣтру
 И смотреть,—волны на просторѣ
 Идутъ однѣ вослѣдъ другимъ,
 Ревутъ, какъ звѣри, точно имъ,
 Голоднымъ, тѣсно на запорѣ
 Въ желѣзной клѣткѣ, рвутся вонъ,
 На камни лѣзутъ, свирѣпя,
 И сѣрый берегъ орошенъ
 Ихъ бѣлой пѣной.

Алексія

Все нѣтъ, какъ нѣтъ!

Вотъ человѣкъ!

Ей кажется, что цѣлый вѣкъ
 Съ нимъ спорить, ссориться и—мало!
 Шу, просто-бѣ, жизни не достало!
 — Какъ скучно!—Гдѣ же Алексѣй?
 Куда забился? Озабоченъ
 Своимъ отъѣздомъ, или очень
 Обидчивъ, дуется и съ ней
 Не хочетъ говорить, съ продажной!
 Вѣдь я-жъ не обижаю, я
 Прощаю, что-жъ такой онъ важный,
 Не хочетъ даже на меня
 Взглянуть!

Ага! сталъ дождикъ капать.

Такъ я-жъ останусь подъ дождемъ,
 Пусть поливаетъ, какъ ведромъ,
 Пусть простужусь. О! какъ кругомъ
 Темно!—

И хочется ей плакать.

А сверху смотреть изъ окна
 Баронъ, и видитъ, какъ она,
 Платкомъ накрывшись, наклонила
 Свою головку и сидитъ
 На камняхъ; сердце въ немъ изныло,
 Но онъ ни слова, — онъ молчитъ,

Онъ самъ страдаетъ, самъ простужень,
 Онъ чувствуетъ, что ей ненужень,
 И думаетъ: ужель она
 Такъ дорога мнѣ! такъ нужна?

V.

Опять тепло, опять встаетъ
 Надъ моремъ жаркое свѣтило,
 И что-то въ воздухѣ поетъ,
 И блещетъ море, и вѣтрило
 Сквозь парь бѣлѣтся вдали.
 Опять баронъ свои покои
 Оставилъ, ходить, и хлыстомъ
 Помахиваетъ.

Вотъ, съ отцомъ
 Алеши встрѣтился; больное
 Лицо свое то повернетъ,
 То отвернетъ отъ садовода.
 И кланяется садоводъ,
 И просить хотъ за четверть года
 Ему расплату произвестъ.—
 Что онъ боится надѣсть,
 Но хочеть сына въ путь отправить...
 — А что, ужели денегъ нѣтъ?

— Нѣтъ, говорить ему въ отвѣтъ
Старикъ.

— Все это можно справить...

Такіе это пустяки!!

А что вашъ сынъ? ужели нанять?

И чѣмъ онъ былъ все лѣто занятъ?

Баклуши билъ?

— Нѣтъ, по ночамъ

Писалъ не мало, — рыбъ, омаровъ,

И разныхъ птицъ скелеты самъ,

Ей-ей, до сотни экземпляровъ,

Отпрепарировалъ ножемъ.

Что дѣлать! не было при немъ

Для всяческихъ *экспериментовъ*

Самонужнѣйшихъ инструментовъ.

Потомъ, сестерь училъ, потомъ

Искалъ руду въ горахъ.

— Какую?

Живую, можетъ быть? на видъ

Похожую на... на...

— Графитъ.

Нашелъ, и бѣлую такую...

Фарфоровую глинку...

— Ну-съ,

И деньги эти къ вамъ пришлю-сь,

Но съ уговоромъ: погодите
 Вы снаряжать сына, скажите
 Ему, что я желалъ бы съ нимъ
 Поговорить. Все это время
 Онъ прячется, сталъ нелюдимъ.
 О, вѣкъ! о вѣтреное племя!

VI.

Ужь сумерки распространять
 Сталъ жаркій вечеръ, тѣнь блуждать
 Пошла по саду. Вотъ аллея, —
 Скамья чугунная и клень
 Развѣсистый поникъ, пестрѣя
 Своими листьями. — Баронъ
 Допрашиваетъ Алексѣя.

Баронъ.

Вы прячетесь, васъ не видать,
 Въ лицѣ нѣтъ прежняго веселья,—
 Вы похудѣли.

Алексѣй.

Отъ бездѣлья;

Хочу уѣхать.

Баронъ (помолчавъ и потупившись)

Какъ же съ ней

Разстанетесь?

Алексѣй.

Съ кѣмъ это — съ ней!?

Баронъ.

Съ Мими...

Алексѣй.

Да такъ же, безъ затѣй,

Какъ и съ другими.

Баронъ.

Сожалѣю.

Алексѣй.

О чемъ, баронъ?

Баронъ.

Совсѣмъ, совсѣмъ

Дитя мое отъ рукъ отбилось.

Алексѣй.

Что-жъ тутъ мудренаго! Затѣмъ

Она и женщина. Случилось

Все это потому, баронъ,
 Что не мудрецъ вы, не Платонъ,
 Не платонически любили.

Баронъ *(удивляясь)*.

О чемъ это заговорили
 Вы такъ насмѣшливо?

Алексѣй.

О томъ

Извѣстномъ фактѣ, что отцомъ
 Вы будете, и что слезливость,
 Потребность, Богъ знаетъ, о чемъ
 Мечтать или хандрить, брезгливость
 Или капризь, все это есть
 Обыкновенное явленье
 При томъ извѣстномъ положеньи,
 Когда... Итакъ, имѣю честь
 Поздравить васъ.

— Мнѣ это ново!

Баронъ сквозь зубы процѣдилъ,
 И недовѣрчиво, сурово
 Глаза на юношу вперилъ.
 И молча думаль:

— Мнѣ ни слова!

Ему все сказано!.. Ему,
 Молокососу! моему
 Сопернику. О, добродѣтель!..
 Скажи вамъ правду, вы тогда
 Воскликнете: а кто свидѣтель?
 Хитрить учила васъ нужда,
 И эгоизмъ насквозь васъ пронялъ,
 Останусь я же виновать,
 Зачѣмъ за вами не шпионилъ—
 Не уличилъ... Я такъ богатъ,
 Что вамъ нельзя не лицемерить,
 И я, дуракъ, вамъ буду вѣрить?!

Такъ ядовито уязвленъ
 Былъ подозрительный баронъ.
 Но гордость съ малолѣтства въвлася
 Въ его натуру. Не хотѣлось
 Ему *мальчишкѣ* показать,
 Какъ онъ встревоженъ, какъ ужаленъ,
 И Алексѣй не могъ понять,
 Чѣмъ вдругъ баронъ такъ опечаленъ,
 И думалъ, лучше помолчать:
 Онъ шепетилъ, онъ боится,
 Что я болтливъ.

Какъ вдругъ баронъ

Неслышно засмѣлся, губы
 Замѣтно вытянулись, зубы
 Изъ-подъ усовъ сверкнули. Онъ
 И не взглянулъ на Алексѣя,
 Но, по землѣ стегнувъ хлыстомъ,
 Сказалъ:

Женитесь.

Алексѣй.

А на комъ?

Баронъ.

Ну, да... на *ней*.

Алексѣй.

Что за идея...

Вы шутите?

Баронъ.

Да почему-жъ,—

Чѣмъ не жена, и чѣмъ не мужъ!?

Алексѣй.

Вы ждете глупаго отвѣта,
 Чтобъ мнѣ въ лицо захохотать;
 Но я осмѣлюсь вамъ на это
 Замѣтить...

Баронъ.

Что тутъ замѣчать!

Алексѣй.

Она мнѣ въ жены не годится.

Баронъ.

Какъ не годится? Отчего?

Весьма годится—та, въ кого

До положенья ризъ влюбиться

Пришлось, сначала мнѣ, потомъ

И ваша очередь настала!

Все это Алексѣй съ трудомъ

Выслушивалъ, негодовала

Его душа, лицо пылало

И сердце начинало ныть,

И въ головѣ его мелькало:

«Онъ охладѣлъ и хочетъ сбыть!»

Баронъ.

Я знаю все.

Алексѣй.

Ну, и прекрасно!

Знать все какъ есть, не такъ опасно,

Какъ полужнать или не знать;

А вдвое лучше замолчать,
 И каждому своей дорогой
 Идти. Купили вы ее
 И—пользуйтесь, а мнѣ мое
 Оставьте.

Баронъ.

О, какой вы строгій!
 А если бѣдная Мими
 Васъ любить.

Алексѣй.

Никогда не будетъ
 Она любить. И, чортъ возьми!
 Кто-жъ это вамъ сказалъ, что любить
 Она меня?

Баронъ.

А, можетъ быть,
 Она сама проговорилась...
 Что? поблѣднѣли?! Знать, забилося
 Сердчишко! Но пора домой.

Баронъ привсталъ и, какъ больной
 Качаясь, изъ аллеи вышелъ.
 Ему казалось, изъ того,

Что онъ отъ Алексѣя слышалъ,
 Не остается ничего
 Не яснаго. Онъ презираетъ
 Ту, съ кѣмъ обманывалъ его,—
 И связываться не желаетъ.

VII.

Прислонясь щекою къ складкамъ
 Кружевныхъ подушекъ, въ сладкомъ
 Забытѣи, Мими измяла
 Дорогое покрывало,
 Сбросила его ногою,
 И, мелькая наготою,
 Спать подъ пологомъ съ кистями,
 Окруженная тѣнями
 Молчаливаго алькова.
 «Здѣсь дышать мнѣ нездорово,—
 Здѣсь съ ума схожу я... Боже!»
 Про себя баронъ бормочетъ.
 Вотъ, раскрыть окно онъ хочетъ,
 Вотъ, свѣчу гася, онъ ложе
 Взглядомъ огненнымъ окинулъ,
 Вотъ онъ пледъ свой перекинулъ
 На плечо... и не тревожа

Спящей, темными дверями
Вышелъ вонъ, дышать цвѣтами
Южной ночи, въ отомъ садѣ,
Въ этой трепетной прохладѣ,
Гдѣ богинь не мало бѣлыхъ,
Подъ рѣзцомъ окаменѣлыхъ,
Въ неподвижныхъ покрывалахъ
На высокихъ пьедесталахъ,
Гдѣ луна дробить сіянье,
Гдѣ цикады стрекотанье,
Точно музыка съ куртины,
Переходить на руины,
Гдѣ изъ-за горы лѣсистой,
Озаренное луною,
Свѣтитъ море золотистой,
Уходящей полосою,
И, любовно ластясь къ соннымъ
Берегамъ, загроможденнымъ
Сглаженными валунами,
Лѣснящимися волнами,
Ихъ зализываетъ раны,
И на отмели песчаны
Точно сыплеть жемчугами
Перекатными; и мнится,
Кто-то ходить и боится

Разрыдаться, только точить
 Слезы, въ чью-то дверь стучится,
 То шурша назадъ волочить
 По песку свой шлейфъ, то снова
 Возвращается туда же
 И затѣмъ же... и другого
 Ничего нѣтъ,—вѣчно та же
 Музыка, пульсъ жизни вѣчной
 Мировой, земной, сердечной.

Изъ-подъ листьевъ, сѣтью черной
 На песокъ дорожки сорной,
 Капли слезъ ночныхъ роняя,
 Выступаетъ тѣнь ночная.
 По песку дорожки этой,
 Въ теплыхъ туфляхъ, въ пледъ одѣтый,
 Онъ идетъ, потупивъ очи.
 Онъ не видитъ блеска ночи,
 Онъ ея не видитъ тѣни,
 Трепета ея не слышитъ.
 Вотъ какія-то ступени...
 Онъ стоитъ, и жадно дышитъ—
 Дышитъ этою прохладой,
 Какъ единственной отрадой.

Чтò въ душѣ его, какая
 Въ эту ночь въ ней зрѣеть мѹка—
 Злая месть или слѣпая
 Ненависть, или... разлука?!

VIII.

Та же ночь и тотъ же садъ;
 Дальше отъ своихъ палатъ
 Онъ идетъ, тоской томимъ,
 Только тѣнь идетъ за нимъ,
 Только туфли шелестятъ,
 Да кузнечики трещать,
 Да морской, широкій валъ
 Мѣрнымъ гуломъ изъ-за скалъ
 Говорить, что глубина
 И въ безвѣтріе слышна.

Вотъ, идетъ онъ мимо грядъ,
 Вдоль своихъ оранжерей,
 Вотъ курчавый виноградъ
 Отъ серебряныхъ лучей
 Прячетъ золотистый матъ
 Наливныхъ своихъ кистей.

Вотъ, разбитыя горшки,
Стекла въ рамахъ, парники...
Сильно пахнетъ торфяной,
Въ кучу сваленной, землей;
Вотъ и домикъ, гдѣ живетъ
Вмѣстѣ съ сыномъ садоводъ;
Аистъ на трубѣ стоитъ;
Вотъ таинственно журчить
Ключъ по скату; но баронъ
Самъ не зналъ, куда онъ шелъ,
Такъ въ себя былъ погруженъ,
Такъ на жизнь свою былъ золъ.
Вдругъ, глаза онъ поднялъ, и
Видитъ на краю скамьи,
Подъ навѣсомъ дерева
Кто-то, сгорбившись, поникъ,
Юноша или старикъ,—
Не видать его лица;
Но узналъ его баронъ—
И, скрестивъ ладони рукъ,
Какъ на муху злой паукъ,
Какъ подкравшійся бандитъ,
Онъ на юношу глядитъ.
И мечтаетъ мой баронъ:
Какъ онъ будетъ отомщенъ,

Какъ онъ желчь свою уйметъ,
 Если нищихъ онъ сведетъ,—
 Повѣнчаетъ, для того
 Чтобъ не дать имъ ничего,—
 Какъ онъ будетъ презирать—
 Молча руки потирать!...
 Вотъ подходитъ онъ къ нему,
 Прикасается къ плечу.

Баронъ.

Вы ли это? не хочу
 Вѣрить. Это почему
 Вы не спите?

Алексѣй.

Ну, ей-ей,
 Не узналъ я васъ, баронъ.
 Чортъ возьми! какой тутъ сонъ!
 Много ли такихъ ночей
 Я увижу тамъ, гдѣ нѣтъ
 Этой звонкой ширинны
 Моря и такой луны...
 Но... вы, кажется, больны?

Баронъ.

Какъ не быть больнымъ душой!
Поступаете со мной
Вы безбожно, милый мой!

Алексѣй.

Это какъ?

Баронъ.

Вы влюблены.

Алексѣй.

Ну, положимъ...

Баронъ.

И она

Въ васъ безумно влюблена.

Алексѣй.

Кто-жъ мѣшаетъ ей любить?

Баронъ.

Кто мѣшаетъ!.. Можетъ быть,
Вадоръ мѣшаетъ,—кошелекъ
Мой мѣшаетъ... и цвѣтокъ
Нѣжный долженъ погибать!..
Вы—счастливецъ! обладать

Въ правѣ тѣмъ, что, такъ сказать,
 Къ вамъ идетъ само собой,
 Теплой, любящей душой
 Женщины и красотой.
 Но вы, странный господинъ!
 Любите исподтишка,
 И такая же тоска
 Гложетъ васъ, и вы одинъ
 Ночью бродите, какъ тѣнь.
 Вотъ, уже который день,
 Какъ не видно васъ... Любить,
 Пламенно любимымъ быть—
 И скрываться! Сколько разъ
 Вы твердили, что для васъ
 Тошень нашъ идеализмъ,
 Нашъ туманный романтизмъ;
 Спрашиваю васъ, какой
 Идеальный реализмъ
 Заставляетъ васъ мечтать
 И бессонницей страдать?

Алексѣй.

Что-жь мнѣ дѣлать?

Баронъ.

Боже мой!

Что вамъ дѣлать!.. быть со мной
Откровеннымъ...

Алексѣй.

Да вѣдь вамъ
Все извѣстно,—по глазамъ
Все читаете. Къ чему
Откровенность...

Баронъ.

А къ тому
Откровенность, чтобъ я зналъ,
Какъ я долженъ поступить,
И куда мнѣ отступить,
Такъ, чтобъ я не рисковалъ
Оскорбить троихъ: Мими,
Васъ и самого себя.

Алексѣй *(про себя)*.

Деликатность—чортъ возьми!

Баронъ.

Что же дѣлать! Я, любя
Женственность и красоту,
Ненавижу слѣпоту:
Явная измѣна мнѣ

Легче и сносить той
 Лицемерной, что порой
 Люди прячутъ въ глубинѣ
 Мутной совѣсти. Одной
 Милости прошу у васъ—
 Будьте счастливы. Итакъ,
 Отвѣчайте же.

Алексѣй.

Не разъ
 Думалъ я, что вы чуждакъ
 Невозможный, оттого,
 Что въ душѣ у васъ одно
 Самолюбье,— ничего,
 Кромѣ самолюбья.

Баронъ.

Но
 Гдѣ вы видите его?

Алексѣй.

Развѣ не самолюбивъ
 Тотъ, кто смѣетъ говорить:
 «Ты, любезный, долженъ быть
 Откровененъ и счастливъ,
 Такъ какъ я того хочу!»

Я-съ на это не ропщу,
 Да и не могу роптать,
 Такъ какъ мнѣ отъ васъ скрывать
 Печего, а счастье дать
 Вы не можете. Оно
 Такъ же не дается вамъ,
 Баловнямъ и богачамъ,
 Какъ и намъ. Ей-ей, смѣшно
 Видѣть васъ страдальцемъ. Но
 Я не осуждаю васъ:
 Не пришелъ еще тотъ часъ,
 Не насталъ еще тотъ вѣкъ,
 Чтобы каждый человѣкъ
 Былъ настолько оцѣненъ
 И блаженъ, насколько онъ
 Соплеменниковъ своихъ
 Цѣнить, трудится для нихъ.

Такъ бесѣдуя, они
 Шли уже въ саду—въ тѣни
 Старыхъ кленовъ, и баронъ
 Былъ, казалось, удивленъ:
 «Неужели онъ влюбленъ!»
 Думалъ онъ. «Ужели онъ
 Пеновиненъ, какъ дитя?

Или—полюбилъ шутя,
 И расчетливъ, какъ старикъ?
 Или я людей отвыкъ
 Понимать?!..»

И моря шумъ
 Сталь вторгаться въ область думъ,
 Отравляющихъ его.
 Подозрѣнья своего
 Онъ уже не выражалъ;
 Молча сомнѣваться сталъ
 Въ ихъ коварствѣ, въ ихъ вниѣ,
 И лицо его не такъ
 Было блѣдно при лунѣ,
 Но—въ глазахъ былъ тотъ же мракъ.

IX.

А Мими давно проснулась,
 Простонала, потянулась,
 Догадалась, что одна.
 Жарко... Ночь была душна;
 Парусинныя маркизы
 Были спущены; луна
 Изъ-за нихъ была видна
 Въ видѣ мутнаго пятна;

Золоченые карнизы
 У камина небольшой
 Выемкой едва мелькали;
 Чуть блестяль графинь съ водой;
 Часики впотьмахъ стучали.

«Лучше встану! Боже мой!
 Гдѣ мой сонъ, гдѣ мой покой!
 Духота одолѣваетъ.
 А онъ окна запираетъ,
 Точно я могу въ окно
 Выскочить, а самъ гуляеть!
 Какъ, ей-Богу, не грѣшно
 Такъ *тиранить!*

И съ постели,

Тихо тканями шурша,
 Поднялась она. Забыла,
 Гдѣ что къ ночи положила,
 Гдѣ что сбросила спѣша.
 Вотъ, на кресло пересѣла,
 Башмаки нашла, надѣла
 На босыя ножки, вотъ,
 Утоляя жажду, пьеть
 Изъ графина; устаеть
 Отъ такого напряженья;

Свѣжей ночи дуновенья
Молодая просить грудь;
Зарождастся желанье
Двери настежь распахнуть,
Видѣть звѣздъ ночныхъ сіянье —
Хоть минутку постоять
На террасѣ, подышать
Вѣтеркомъ и—воротиться.
Значить, незачѣмъ трудиться
Одѣваться, лучше ей
(Легче, проще и скорѣй)
Просто-напросто покрыться
Этой длинной простыней,
Какъ грузинскою чадрой.
И, недолго разсуждая,
Прихотница молодая,
Вся въ прохладномъ полотнѣ,
Заль прошла, и при лунѣ
На террасѣ очутилась.
Боже мой! какая ночь!
Тѣнь ночная серебрилась;
Въ цѣломъ мірѣ шевелилось
Только море, и не въ мочь
Было вѣтру листикъ клена
Покачнуть...

— А я точь-въ-точь

На подмосткахъ примадонна,
 Думаетъ Мими. — На мнѣ
 Точно саванъ. — Я барона
 Испугаю. При лунѣ,
 Издали, я привидѣньемъ
 Покажусь ему, и онъ —
 Струситъ, мой больной баронъ.
 Это будетъ лучшимъ мщеньемъ
 За... за многое...

И вотъ,

Забавляясь, театральной
 Поступью она идетъ
 По саду. Костюмъ не бальный,
 И не бальный, и не спальный,
 Фантастическій; но кто-жъ
 Можетъ видѣть! Отчего-жъ
 И не пошалитъ немного! —
 Вѣдь на шалости баронъ
 Не всегда же смотреть строго.
 И ужъ, если струситъ онъ,
 Непремѣнно захохочетъ,
 Такъ какъ трусомъ не захочетъ
 Показать себя.

И вотъ,

Внизъ извилистой дорожкой,
 Легкою ступая ножкой,
 По песку она идетъ,
 Точно злое привидѣнье.
 Вдругъ! «Создатель помоги!»
 Чьи-то слышатся шаги...
 На Мими нашло сомнѣнье.
 — Ну, какъ это не баронъ!..
 Чу! Неужели не онъ!?!.. —
 Чей-то говоръ за кустами..
 Значить, кто-нибудь самъ-другъ!
 И вообразите сами
 Бѣдной женщины испугъ:
 Судорожными руками
 Уцѣпившись за края
 Простыни, Мими прижала
 Ихъ крестъ-на-крестъ, всю себя,
 Такъ сказать, запеленала,
 И застыла. —

Но когда

Смѣло эти господа
 Безъ малѣйшаго смущенья
 Приближаться стали — о!
 Согласитесь, что одно
 Оставалось ей спасенье —

Убѣжать.

И *привидѣнье*

Бросилось, прямявъ цвѣты,
 Въ невысокіе кусты
 Прилегающей куртины
 (Въ пыльные кусты малины),
 Потеряла башмачокъ,
 Зацѣпилась за сучокъ;
 Ногу обожгла крапивою;
 Но, собравши всѣ свои
 Силы, до одной скамьи
 Добѣжала, что подъ ивой
 Пряталась въ ночной тѣни;
 Тамъ она, дрожа, приткнулась
 Въ уголокъ и завернулась
 Въ складки бѣлой простыни.
 А баронъ остановился:
 Онъ узналъ ее. Увы!
 Этотъ очеркъ головы
 Онъ узналъ, онъ изумился,
 Или нѣтъ, вѣрнѣе, онъ
 Былъ какъ громомъ пораженъ.
 Онъ въ лицѣ перемѣнился,
 Взялъ Алешу за рукавъ,
 И сказалъ ему:

— Я правъ.

Вотъ она, живая сила,
Сила страсти. Все забыла:
Осторожность, страхъ и стыдъ.
Бѣдная, воображаетъ,
Что баронъ ея хранитъ
Въ кабинетѣ; покладаетъ
Сонъ притворный и спѣшитъ
Къ вамъ въ объятья! Оставайтесь
Вмѣстѣ съ нею—не смущайтесь.
Вамъ чудакъ-баронъ даритъ
Это купленное тѣло..
— Вы съ ума сошли, баронъ!
Что за неприличный тонъ!
Какъ вы смѣли?..

— Итъ вамъ дѣла

До того, что смѣю я
И чего не смѣю. Или
Вы хотите продолжать
Ту-жъ комедію играть!
Вы бы лучше разсудили,
Отчего бы ей бѣжать
Отъ барона! Вы не страшны—
Это мнѣ позвольте знать
Лучше васъ. Вѣдь не вчерашній

День на свѣтъ я родился,
 Не дуракъ я вамъ дался!
 Будьте счастливы! Ступайте —
 Вонъ, она сидитъ! Прощайте!

X.

Алексѣй былъ такъ далёкъ
 Отъ того, что слышалъ онъ,
 Такъ глубоко потрясенъ,
 Такъ взволнованъ, что не могъ
 Ничего сказать въ отвѣтъ.
 А баронъ свой сѣрый пледъ
 Съ одного спустилъ плеча,
 И бахромку волоча
 За собою, молча брелъ
 По дорожкѣ, блѣдень, золь,
 Чувствуя въ колѣняхъ дрожь,
 Въ сердцѣ раскаленный ножъ.

Безсознательно баронъ
 Обошелъ кругомъ цвѣтникъ.
 Вотъ, поднявшись, онъ поникъ
 Головой въ тѣни колоннъ,
 И, какъ тѣнь, въ дверяхъ пропасть.

Тихъ и темень бѣлый залъ,
Только мѣсяць пронизалъ
Окна палевымъ лучомъ,
Кой-гдѣ полосы чертя,
Кой-гдѣ бронзу золота;
Въ тихой клѣткѣ, подъ окномъ,
Какаду неслышно спитъ;
Тѣнь, какъ призракъ, по угламъ
Неподвижная стоитъ—
Прижимается къ дверямъ;
Да у самой вышины,
Гдѣ карнизъ лѣпной виситъ,
Не смущая тишины,
Мышь летучая кружить.
Но куда баронъ Кульгофъ
Повернетъ сейчасъ? Куда,
Въ кабинетъ или въ альковъ?
Что почувствуетъ, когда
Онъ свѣчу свою зажжетъ,
Ложе смятое найдетъ,
Зиму—гдѣ была весна,
Сумракъ—гдѣ была она.
Что онъ скажетъ, если ей
Вздумается у дверей
Постучаться!.. Боже мой!

Чтò съ моею головою?!
 Онъ подумалъ: «гдѣ я?!» Вдругъ
 На него напалъ испугъ
 Или ужась,—темный полъ
 Изъ-подъ ногъ его ушелъ,
 Окна поплыли, и свѣтъ
 Лунный поплылъ имъ вослѣдъ.
 Мракъ пахнулъ
 И безчувственный, какъ сонъ,
 Грохнулся онъ на паркетъ.

XI.

Подъ нвой проблескъ лунный
 Мелькаетъ бѣлизной.
 Мими къ скамьѣ чугунной
 Приникла головой,
 Облокотилась, плачетъ,
 Испугана она,
 Боится встать, такъ свѣтитъ
 Пронзительно луна.
 Ночь точно день,—и кто же,
 Кто въ десяти шагахъ
 Стоитъ, съ тоскою въ сердцѣ
 И съ дрожью на губахъ!

Стоять Алеша, блѣдный,
 И что-то говорить.
 Мими, полунагая,
 И внемлетъ, и дрожить,
 И объ одномъ лишь просить,
 Чтобъ онъ не подходилъ,
 Чтобъ онъ какъ можно дальше
 Стоялъ и говорилъ.
 И говорить онъ: — Вѣрьте,
 Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ я жить,
 И не подозрѣвала я,
 Что можно такъ любить.
 Скажите, виновать ли
 Вотъ этотъ мѣсяцъ въ томъ,
 Что не прикрытъ ни тучей,
 Ни легкимъ облачкомъ?
 Или скажите, какъ мнѣ
 Любить васъ и молчать!
 Нѣтъ, легче мнѣ на помощь
 Безуміе призвать.
 Баронъ воображаетъ,
 Что я любимъ. Баронъ
 Мнѣ васъ дарить! Скажите,
 Ну, не подлець ли онъ?!
 Мими сильнѣе плачетъ,

Обильныхъ слезъ приливъ
 Загородивъ руками,
 Локтями грудь прикрывъ.
 И говорить: я завтра
 Васъ выслушаю, я...
 Глуха... глупа сегодня...
 Простите вы меня...
 А онъ все ближе, — тянеть
 Таинственный магнить:
 Мими поджала ноги,
 И нервно говорить:
 — Ужели васъ не тронеть
 Моя мольба, мой стонъ!
 Уйдите вонъ изъ саду —
 Какъ можно дальше вонъ!..

XII.

— Какъ! — злится юный Алексѣй,
 Такъ издѣваться надъ моею
 Довѣрчивостью! Какъ такъ слѣпо
 Повѣрить этому хлыщу!
 Какъ такъ вести себя нелѣпо!
 Нѣтъ! Никогда я не прошу
 Себѣ такого поведенья!

Проклятый самодур! презрѣнья
 Достойный шутъ!.. И — Боже мой!
 Какъ эта женщина рыдала,
 Какъ чутко женскою душой
 Она позоръ свой угадала!
 Нѣтъ! Я не долженъ простывать,—
 Сейчасъ же долженъ къ ней писать,
 И — приступить къ борьбѣ съ судьбою.

Какой-то средневѣковою
 И рыцарскою, такъ сказать,
 Отвагой грудь его дышала,
 Когда рука его писала.

«Мими! вамъ слѣдуетъ бѣжать;
 Баронъ считаетъ васъ рабою,
 Ветошкой, вещью покупною,
 И думаетъ, что уступить
 Онъ можетъ васъ кому угодно;
 Но, если только благородно
 Въ васъ сердце, если только въ васъ
 Есть женской гордости хоть малость,
 Бросайте все. Мими, за васъ
 Невольно разбираетъ жалость.
 Къ одиннадцатому утра,

Готовьте ваши чемоданы,
 У насъ и лошадь есть, вчера
 Ее пригнали къ намъ съ поляны;
 Рессорная тележка есть,
 И вамъ — вамъ только стоять съестъ,
 И я до станціи ближайшей
 Берусь дорогою кратчайшей
 Васъ черезъ горы проводить.
 Бросайте путь, избранный вами,
 И не слезами, а трудами
 Спѣшите честь возстановить.
 Не приближаются безъ лести
 Рабы къ рабамъ; но въ лести нѣтъ
 Спасенья, такъ же какъ и нѣтъ
 Безъ независимости — чести».

.

Забылъ мечтатель молодой,
 Что эта прелесть ни къ какой
 Уже работъ неспособна.
 Всего письма не привожу —
 Оно восторженно и злобно
 Закончилось. Одно скажу,
 Письмо писалось въ припадкѣ
 Плузіи жаркихъ, въ немъ былъ бредъ

Героя двадцати трехъ лѣтъ
 И утописта — въ лихорадкѣ.

И это ояъ письмо послалъ
 Къ Мини! и ждалъ, все утро ждалъ...
 Старикъ въ великомъ былъ волненъи,
 Краснѣлъ, хрипѣлъ и возражалъ.
 — А что же дѣлать? замѣчалъ
 Сынокъ отцу — одно спасенье
 Ей убѣжать...

И вотъ, пошелъ
 Запрячь конька на всякій случай,
 Хоть небо и грозило тучей,
 А по морю далеко шелъ,
 Должно быть, шквалъ; черно-лиловымъ
 Пятномъ по синимъ валунамъ
 Ояъ двигался и, къ берегамъ
 Идя, грозилъ лѣсамъ сосновымъ.

XIII.

А между тѣмъ на вилѣ
 Тревога: нашъ баронъ
 Въ свой кабинетъ на мягкій
 Диванъ перенесенъ.

И вотъ, ужъ онъ очнулся,
 Всѣхъ гонить прочь. сердить,
 Отворотился къ стѣнкѣ,
 Халатикомъ прикрыть.

И желтъ, какъ воскъ, и тѣмень,
 Какъ въ бурю цвѣтъ небесь,
 Закрывъ глаза лежитъ онъ, —
 На головѣ компрессъ.

И думаетъ онъ: «странно!
 Когда-то соверша
 Злодѣйство, я здоровъ былъ—
 Не дрогнула душа...

Теперь такого вздора
 Я вынести не могъ:
 И возмутился духомъ,
 И тѣломъ изнемогъ.

Къ возлюбленной привель я
 Возлюбленнаго... Что-жь!?
 Ужели-бъ легче было
 Вонзить ей въ сердце ножь!

Неужели я хуже
 Отца, который дочь
 Насильно замужъ выдалъ
 И шировавъ всю ночь...

Вся логика въ привычкѣ:
 Оригинальнымъ быть
 И въ пошлости труднѣе,
 Чѣмъ мучить и губить.

А что, коли напрасно
 Меня попуталъ бѣсъ!!»
 Баронъ привсталъ и на полъ
 Упалъ съ него компрессъ.

Вотъ входитъ камердинеръ
 На цыпочкахъ; больной
 Ему бормочеть:—«это
 Былъ обморокъ простой,

Я къ вечеру же встану;
 Но слушай ты, балбесъ,
 Всѣмъ говори: мнѣ хуже.—
 Подай другой компрессъ!

Придетъ Мими, скажи ей,
 Что нуженъ мнѣ покой;
 Да вѣжливъ будь, я знаю,
 Ты грубіянь большой.

Мими добра, какъ ангель...
 Ты-жъ вещи уложи
 Въ дорогу, да языкъ свой
 На привязи держи.

Я ѣду, но ты знаешь,
 Каковъ баронъ Кульгофъ,
 Не держитъ ни минуты
 Нескромныхъ халуёвъ».

И Валентинъ не знаетъ,
 Чтò думать: бредитъ онъ,
 Или не въ шутку ѣдетъ
 Куда-нибудь баронъ.

Мими ушла, бѣдняжка,
 Въ свой будуаръ, и тамъ,
 Скрестивши пальцы, ходитъ
 По лаковымъ доскамъ.

И думаетъ, что́ будетъ,
 Коли баронъ умретъ,
 Или съ ума вдругъ спятить!
 Куда она поидеть?!

И маленькое сердце
 Трепещетъ за него,
 Богатаго барона—
 Барона своего.

XIV.

Ужъ туча наплыла,
 Ужъ дождикъ моросить;
 Унылый Алексѣй
 Подъ зонтикомъ стоитъ;
 Вотъ, въ сѣни онъ вошелъ,
 Вотъ вышелъ изъ сѣней;
 То слышитъ брань отца,
 То слышитъ крикъ гусей.
 Нетерпѣливо ждетъ
 Отвѣта молодець.
 Отвѣта нѣтъ, какъ нѣтъ!—
 Но вотъ несутъ отвѣтъ,
 И говорить отецъ:
 Читай его скорѣй.

Отвѣтъ Мими.

«Мнѣ некогда писать!
Нѣтъ! мнѣ не до того!
Онъ боленъ, мой баронъ,
И боленъ отъ того,
Что мой ночной *пассажъ*
Сразилъ, убилъ его.
Я вовсе не раба—
И, право бы, могла
Уѣхать, если-бъ я
На то *предлогъ* нашла.
Куда мнѣ уѣзжать!
Ахъ! Какъ на васъ я зла!
Но я прощаю вамъ,
За дружбу,—можетъ быть,
И за любовь, хоть вамъ
И нелегко любить;
Но нелегко и мнѣ
Барону извинить...
Хоть мой житейскій путь
И въ сторону пошелъ...
Но, если, Боже мой!
Я буду вамъ нужна,—
Располагайте мной...
Вѣдь не всегда же вы

Останетесь такимъ
 Отчаянно-смѣшнымъ...
 Прощайте до Москвы».

— Отецъ! развеселись, не хмурь своихъ бровей!
 Ты правъ! съ письмомъ въ рукахъ воскликнуть Алексѣй,
 Я голодь испытать,—отъ дуры не захнычу,
 И честное тебѣ могу я слово дать,
 Что эту глупую любовь мою размышу.
 И онъ ушелъ блуждать.

Безъ грома туча уходила,
 Ее несла какъ бы невидимая сила;
 Среди безвѣтрія идущій съ моря шкваль
 Окрестные холмы и рощи миноваль,
 За тучей по небу шли бѣлые барашки,
 По взморью—зайчики. Вдали
 День вспыхиваль и гасъ, съ увлажненной земли
 Струился парь.

Одинъ, въ поношенной фуражкѣ
 И въ блузѣ уходилъ мой юный Алексѣй.
 Вотъ съелъ—заплакалъ—всталъ, по волосамъ руками
 Провель—почувствовалъ, что сталъ сильнѣй, бодрѣй,
 Не устаеть,—спѣша за облаками,
 Которыя бѣгутъ, какъ стадо, передъ нимъ

И расплываются туманомъ золотымъ.
 И вотъ уже двумя живыми голосами
 Природа съ нимъ ведетъ свой тайный разговоръ:
 То голосъ моря и пустынный голосъ горъ.
 Пускай душа, разбитая страстями,
 Сама съ собою бесѣдуетъ, въ себѣ
 Стремится обрѣсти ключъ къ собственной судьбѣ;
 Пускай ни съ моремъ, ни съ горами
 Въ одну гармонию не вяжется она,
 Не видитъ чуднаго пути, гдѣ глубина
 Идетъ за новой глубиною,
 Гдѣ высота встаетъ за новой высотой,
 Не видитъ, потому что связана одной
 Любовью къ пошлости земной,
 И пьетъ изъ родника, съ которымъ вытекаетъ
 Все, все, чѣмъ человекъ отчаянно страдаетъ:
 Ложь и безуміе, презрѣнье и тоска.
 Онъ слышитъ голосъ горъ—онъ слышитъ голосъ моря,
 Ему ли струсить вѣтерка,
 Ему ли въ шопотъ листовъ подслушать горе!

На самый верхъ горы, увѣчанной скалой,
 Взошелъ мой юноша; высоко
 Надъ нимъ шаръ солнца золотой,
 Какъ бы всевидящее око,

Окруженную дѣтьми.
Вдругъ ей стало жаль Таганки,
И той милой гувернантки,
Что любили всё... Нѣтъ, нѣтъ!
Думасть она, очнувшись
И съ тоскою оглянувшись
На прошедшее,—нѣтъ, нѣтъ!
Я въ то время получала
По двѣнадцати рублѣй
Въ мѣсяць, матери моей
Половину отдавала;
Иногда отцу совала
Потихоньку рубль въ жилетъ,
Старика щѣлюя въ шею.
Нѣтъ, просторъ мнѣ нуженъ, свѣтъ—
Прошлаго я не жалѣю.
Что за смрадъ меня встрѣчать
Въ домикъ на Вшивой горкѣ!
Гдѣ отецъ мой голодалъ,
Пиво пилъ въ своей каморкѣ,
Да отъ сырости не зналъ,
Гдѣ кровать свою поставить.
Нѣтъ, я рада, что мнѣ Богъ
Неожиданно помогъ
Стариковъ судьбу поправить...

Пусть что хочет Алексѣй
 Затѣваетъ—я, ей-ей,
 Не могу *его* оставить.

А баронъ въ ту ночь писалъ:
 То перо изъ рукъ ронялъ,
 То ронялъ платокъ свой на полъ...
 Много писемъ онъ состряпалъ,
 Много на конверты капалъ
 Запаленнымъ сургучемъ,
 И, съ усердіемъ насильнымъ
 Папирая, онъ фамильнымъ
 Вырѣзнымъ своимъ гербомъ
 Много писемъ запечаталъ.
 Вотъ, одинъ пакетикъ спряталъ
 Въ сакъ-воляжъ дорожный свой,
 Что былъ тутъ же подъ рукой.

Было въ воздухѣ спокойно,
 Ночь тепла казалась, но
 Тѣлу было холодно.
 Всемъ извѣстно: если знойно
 Слишкомъ на сердца, то жаръ
 Крови въ холодъ насъ бросаетъ;
 Человѣкъ не самоваръ

(Даже если и скотина).
Говорять, что онъ машина,—
Да, но только, на бѣду,
Странная, кой-что смекаетъ,
И, на всемъ своемъ ходу,
То сама себя ломаетъ,
То стремится къ небесамъ;
Чтобъ разглядывать и тамъ
Ту же сложную машину,—
Рада цѣлый міръ сломать,
Лишь бы только отыскать
Міра главную пружину.
Мой баронъ на эту ночь
Такъ завелъ себя, что, кромѣ
Всяческихъ заботъ о домѣ,
Было-бъ даже и не въ мочь
Размышлять. Всѣ размышленья
Уходили у него
На Мими, на оскорбленье,
На раскаянье, сомнѣнье
И—забвеніе всего.

XVI.

Утро. Солнце согрѣваетъ
 Стѣны, зелень и гранить.
 Спать Мими, или не спать?
 Вотъ ужъ стору поднимаетъ
 Дочь швейцара, и ворчить
 Что-то подь носъ.

— Что такое?

Завернувшись въ голубое
 Одѣяло, говорить
 Виллы сонная царица.
 — Онъ уѣхалъ! Чтò за вздорь!—
 Тяжело въ мозгу варится
 Эта новость, не мирится
 Съ здравымъ смысломъ.

И въ упоръ

Смотрить горничной въ затылокъ
 Удивленная Мими.
 (— Выше стору подними!—)
 И у ней до самыхъ жилокъ,
 Что порою на вискахъ
 Выступаютъ—на щекахъ
 Разлился румянецъ гнѣва.
 — Чтò за шутки!

— Шутки! эва!

И будить васъ не велѣлъ.
Только засвѣтилась зорька,
Подавать къ крыльцу велѣлъ
Экипажъ и—улетѣлъ.

Больно, тяжело и горько
На душѣ Мими; она
Даже встать совсѣмъ не можетъ,
Такъ она поражена,
Такъ мучительно тревожить
Эта новость.

— Боже мой!

Что-жъ онъ дѣлаеть со мной!
Уѣзжаетъ, и ни слова.
Хоть бы слово мнѣ!..

И вотъ,

Зарыдать она готова,—
Руки холодны, какъ ледъ.
А швейцара дочь булавки
Подпускаеть, дескать, вотъ,
Дождалась и ты отставки,
Дескать, стала не нужна.
— Ай! добавила она:
Я забыла, за дверями

Этот нѣмецъ... молодой
 Управляющій!.. Чтò съ вами?—
 — Ничего, подай мнѣ мой
 Пеньюаръ. Зачѣмъ нужна я
 Управляющему?

Злая

Дочь швейцара подала
 Ей одѣться и ушла.

XVII.

Черезъ часъ Мими читала
 Отъ барона письмоцо:
 То блѣднѣло, то пылало
 Бѣдной женщины лицо.
 Чтò за чудо! Покидаетъ,
 Compliments говорить,
 И, каковъ богачъ! дарить
 Эту виллу Алексѣю;
 По съ условіемъ, что съ нею
 Вступить онъ въ законный бракъ.
 — А въ приданое, добрякъ,
 Оставляетъ ей—*пустякъ!*
 Двадцать тысячъ! но она
 Эту сумму получаетъ

(По частямъ или сполна)
 Послѣ свадьбы ихъ—*не прежде*.
 Наконецъ, баронъ Кульгофъ
 Остается въ той надеждѣ,
 Что она и Гайдуновъ
 Будутъ счастливы. Каковъ!

XVIII.

Отъ такой баронской прозы
 То хотѣлось плакать ей
 (На глазахъ зудѣли слезы),
 То хотѣлось поскорѣй,
 Ласкъ и страсти не жалѣя,
 Осчастливить Алексѣя.
 Отчего же нѣтъ! вѣдь онъ
 Благороденъ и уменъ,
 Свѣжъ и молодъ—(слишкомъ даже).
 Такова судьба! нельзя же
 Провидѣнья отрицать;
 Развѣ можно было ждать
 Годъ тому назадъ такого
 Счастья: мужа молодого,
 Денегъ, виллы, погребовъ,
 Гардероба и цвѣтовъ?

Можно выписать карету,
 Лошадей своихъ имѣть,
 Какъ же ей, безумной, смѣть,
 Смѣть роптать на участь эту!
 О, счастливецъ Алексѣй!
 Если женится на ней,
 Онъ сестеръ своихъ пристроить,
 Въ пансіоны пѣть отдасть,
 Виллу, можетъ быть, продасть.
 Наконецъ, онъ успокоитъ
 Старость бѣднаго отца...
 И отъ брачнаго вѣнца
 Это все зависитъ! Кто же
 Отречется! Боже, Боже!
 Ниспославъ, не отними
 Этой милости великой!
 И усталая Мими
 Ощутила въ сердцѣ дикой
 Радости какъ бы недугъ,
 И оно забилося вдругъ
 Такъ, какъ никогда не билось;
 Эта радость отразилась
 Въ отуманенныхъ глазахъ --
 Огоньками въ ихъ зрачкахъ;
 Изъ души ея смущенной

Каждый вздохъ, какъ бы стѣсненный
И замедленный, мѣшалъ
Ей дышать.

Баронъ казался
Мертвецомъ, — онъ ей являлся
Тѣнью; новый день вставалъ
На *ея* роскошной виллѣ, —
Иначе цвѣты цвѣли,
Иначе плоды росли,
Птицы иначе кружились
Надъ деревьями. — Любовь,
Приходи, волнуй ой кровь!

XIX.

Что баронъ покинулъ виллу
Невзначай, какъ бы тайкомъ,
Что баронъ Мими покинулъ,
Наградивъ ее письмомъ,
Небольшимъ, *безъ соволоженя*,
Безъ подарковъ дорогихъ,
Словомъ, поступилъ, какъ скряга--
— Одолженій никакихъ!..
Эта вѣсть до Алексѣя,
Разумѣется, дошла,

Озадачила не мало
 И, какъ будто, обожгла:
 Онъ понять хотѣлъ барона,
 И не понялъ ничего.
 И толпой соображенья
 Лѣзутъ въ голову его:
 То, онъ думаетъ, прекрасно!
 И Мими *нашла предлогъ...*
 Развязаться съ самодуромъ
 Ужъ не я ли ей помочь?
 То онъ думаетъ: бѣдняжка!
 Что теперь въ дупгѣ у ней?
 Или: «мнѣ-то что за дѣло!»
 Повторяетъ Алексѣй;
 Цѣлый день читаетъ, пишетъ,
 Хочетъ что-то предпринять,
 То ее провѣдать хочетъ,
 То раздумаетъ опять.
 Вдругъ, представьте изумленье
 И его, и всей семьи,
 Отворилась дверь, и входитъ
 Въ гости къ нимъ сама Мими:
 Бѣдныхъ дѣвочекъ цѣлуетъ,
 Всѣмъ, краснѣя, руки жмётъ;
 Не глядитъ на Алексѣя,

Только ласково зоветъ
 На покинутую виллу:
 «Приходите, я одна...»
 То молчить, то говоря,
 То вдругъ вспыхнетъ, то блѣдна.
 Чтò такое совершилось —
 Неизвѣстно, только въ ней
 Нѣчто новое...

И мраченъ,
 И взволнованъ Алексѣй.

Ночь прошла.—За Алексѣемъ
 Шлетъ Мини, велить сказать,
 Что она его все утро
 Будетъ въ гротѣ ожидать.
 Онъ вошелъ и, обожженный
 Поцѣлуемъ, самъ не зная,
 Какъ въ уста ея устами
 Горячо поцѣловалъ.
 Точно новая Калипсо—
 Точно новый Телемакъ
 Очувтились въ этомъ гротѣ,
 Укрываясь въ полумракъ.
 Красота и—близость моря,
 Тишина и шумъ волны...

Какъ легко тутъ быть счастливцу

Виноватымъ безъ вины...

И мой юноша не въ силахъ

Говорить былъ...

Наконецъ,

Начала она:—садитесь,

Не смотрите, какъ мертвецъ.

Боже мой! Что это съ вами?

Какъ вы страстны!.. Дайте срокъ...

Я еще не ваша... Вѣрите,

Часъ блаженства не далекъ...

Бросьте всѣ предубѣжденья,—

Постарайтесь все забыть...

Докажите, что вы сильно,—

Сильно можете любить,—

И тогда—тогда, быть можетъ,

Вилла эта, и большой

Этотъ садъ, и я--все ваше,

И вы мой--навѣки мой!..

«Вы не вѣрите?—Такъ вотъ же,

Убѣдитесь,—вотъ письмо;

Намъ его ниспосылаетъ

Провидѣнне само.»

Но съ письмомъ рука какъ будто

Задрожала,—не рѣшенъ
 Былъ вопросъ, увы, забытый:
 Что на это скажетъ онъ?
 Что онъ скажетъ?.. Неужели...
 Онъ такой безумецъ!? Нѣтъ!..
 И Мими, склонивъ рѣсницы,
 Подала ему пакетъ
 И сказала: «Прочитайте!»
 Алексѣй письмо прочелъ,
 И съ упрекомъ, и съ досадою
 На нее глаза возвелъ...

XX.

Алексѣй.

Прощай, отецъ. Мнѣ здѣсь въ насмѣшку
 Судьба готовила сюрпризъ,
 А ты, судьбѣ на зло, въ телѣжку
 Конька запречь распорядись,
 Да и пошли въ объѣздъ проселкомъ
 На ту дорогу—гдѣ лѣсокъ,
 А я покуда, какъ ходокъ,
 Переберусь горами.

Отецъ.

Толкомъ

Прошу тебя, скажи, зачѣмъ
Спѣшишь? И почему сегодня,
Зачѣмъ не завтра?

Алексѣй.

А затѣмъ,

Что, видно, «власть на то Господня!»
Твой же повторю слова.

Отецъ.

Упряма ты голова!

Алексѣй.

Я не могу остаться ни минутки.

Отецъ.

И ты не шутишь?

Сынъ.

Что за шутки!

Если не дашь сейчасъ конька,
Дойду до станціи, и поминай какъ звали!

Отецъ.

Безъ чемодана и мѣшка?

Сынъ.

Безо всего.

Отецъ.

Съ какой такой печалп
Ты такъ разстроенъ? Я боюсь,
Ужъ не рехнулся ли?

Сынъ.

Рехнусь,
Коли останусь...

Отецъ.

Точно преступленье
Ты совершилъ... Другъ милый! будь со мной
Пооткровеннѣе, разсѣй мое сомнѣнье.

Сынъ.

Изволь... Я ухожу, чтобъ ты ко мнѣ съ мольбой
Не приступалъ, чтобъ ты своей слезой
Не размягчилъ меня, чтобъ я большой свиньей
Не сдѣлался, чтобъ я съ ума не спятилъ,
Чтобъ я своей свободы не утратилъ,
Чтобъ убѣжденіямъ своимъ не измѣнилъ,
Чтобъ я, какъ всѣ, не вышелъ въ люди,
И чтобъ никто не говорилъ,
Что я могу быть купленъ. Понялъ?

Отецъ.

Буди

Мое благословенъе надъ тобой.

Прощай!

(Со слезами обнимаетъ сына и провожаетъ его).

Ушелъ! Владыка мой

Небесный! Чтò за человекъ онъ, право!

Чтò ждетъ его? Какая слава,

Или какая гибель? Или онъ

По молодости лѣтъ такъ колобродитъ?

Воображаетъ, что иначе сотворенъ,

И—счастья въ счастьѣ не находить.

Э П И Л О Г Ъ.

Конѣцъ разсказу; но концовъ у жизни нѣтъ,
 Пока могла ихъ не спрячьтъ:
 Прелестная Мими еще во цвѣтъ лѣтъ,
 Влюбляетъ, никого не любить и не плачьтъ
 Ни о баронѣ чудака,
 Ни о досадномъ бѣднякѣ.

Баронъ состарѣлся, но все еще тревожно
 Чего-то жаждетъ—и понять
 Не хочетъ, что ему пока еще возможно
 Одной продажною любовью обладать—
 И что нигдѣ,—въ Россіи даже,
 Нѣтъ истинной любви въ продажѣ.

Алеша возмужалъ—онъ всюду съ увлеченьемъ
 Себя работѣ посвящаль;
 Но сочетать хотѣлъ работу съ убѣжденъемъ,
 И откровенностью заносчивой страдалъ:

Болталъ, что деньги разумъ губять
И что дѣльцы народъ не любить.

Судя по блѣдности, по выраженью глазъ
И по его ланитамъ впалымъ,
Онъ много бѣдствовалъ и голодалъ не разъ
Ожесточился, но—остался честнымъ малымъ.
Порой у насъ такихъ ребятъ
И понимать-то не хотять.

Итакъ, недаромъ я рассказъ мой озаглавилъ
Прелестнымъ именемъ: Мими!
Недаромъ красоту ея цѣнилъ и славилъ,—
Она одна въ ходу и даже—чортъ возьми!
Я слышалъ, генеральшей будетъ—
И кто ее тогда осудить!

Н о у ч ъ. *)

(ПРОЗА ВЪ СТИХАХЪ).

I.

Въ началѣ былъ неувидимый взглядъ,
 И взглядъ тотъ былъ любовью брошенъ,
 И взглядъ тотъ былъ — сама любовь;
 Потомъ, съ мечтой заговорила кровь,
 И страсти знойной сонъ былъ такъ роскошенъ,
 Что первый поцѣлуй ихъ не былъ святъ, —
 По крайней мѣрѣ такъ подружки говорятъ.

II.

Гвоздевъ былъ юнъ (лѣтъ тридцати), съ хохломъ
 На головѣ, глядѣлъ онъ смѣло:
 Казалось — чортъ ему не братъ.
 Былъ сухощавъ, угрюмъ, тяжеловатъ;
 Ручищами, бывало, то и дѣло
 Размахивалъ, когда на цѣлый домъ
 Горланилъ въ диспутѣ съ какимъ-нибудь дѣльцомъ.

*) Разсказъ задуманъ и написанъ въ концѣ 70-хъ годовъ.

III.

— «Э! чортъ возьми, не спорьте вы со мной, —
 Во мнѣ сидитъ такая сила,
 Что я всего могу достпчь», —
 Таковъ его былъ откровенный спичъ.
 Шушу была брюнетка, очень мило
 Картавила, и искоркой живої
 Мелькалъ у ней въ глазахъ жаръ крови молодой.

IV.

Она была тонка, невысока, блѣдна, —
 Не какъ луна, другъ всѣхъ поэтовъ, —
 А какъ надломленный цвѣтокъ.
 «Belle femme» никто-бъ назвать ее не могъ,
 Но Писаревъ и даже самъ Рахметовъ
 Пашли-бъ ее хорошенькой. Она
 Была начитана, бойка и смышлена.

V.

Ей былъ и Бремъ знакомъ, и Вудъ знакомъ,
 И Сѣченовъ; и мы за это

Готовы искренно хвалить
 Мамзель Шушу. Нельзя не полюбить
 Естествознанья тѣмъ, кто жаждетъ свѣта,
 Хоть этотъ свѣтъ и не дышалъ тепломъ,
 Едва скользя по ней блуждающимъ лучомъ.

VI.

Отецъ Шушу былъ скромный казначей,
 Мать — гувернантка изъ Либавы,
 Братъ юнкеромъ служилъ въ полку.
 Мать умерла; затѣмъ отецъ въ тоску
 Внезапно впалъ, и люди были правы,
 Что въ желтый домъ, призвавши сторожей,
 Свезли несчастнаго подальше отъ дѣтей.

VII.

Въ припадкѣ бѣшенства больной хотѣлъ
 Дѣтей зарѣзать, и не мало
 Возни съ нимъ было... Говорять,
 Онъ сталъ хандрить: зачѣмъ онъ не богатъ?..
 Но воровать — привычки не хватало...
 Онъ проклялъ честность и — не уцѣлѣлъ...
 Всѣхъ безхарактерныхъ, увы! — таковъ удѣлъ.

VIII.

Сынъ, Миша, былъ четырнадцати лѣтъ,
 Шушу — двѣнадцати, въ то время,
 Когда вдругъ поняли они,
 Что къ нимъ пришли безпомощные дни.
 И, можетъ быть, нуждъ роковое бремя
 Толкнуло бы ихъ въ омутъ, въ грязь, — но свѣтъ,
 Хоть онъ и золь, и пусть — чего-чего въ немъ нѣтъ:

IX.

Есть тетушки... (изъ нихъ жила одна
 Въ Москвѣ и домикъ свой имѣла),
 Есть крестныя мамыши... Есть
 И благодѣтели... всего не перечестъ...
 И нищета заѣсть ихъ не успѣла:
 Сынъ помѣщенъ былъ въ юнкерскомъ, она —
 Въ какой-то пансіонъ съ рукъ на руки сдана.

X.

Потомъ Шушу у двухъ подругъ жила;
 Объ академіи мечтала;

Латынь долбила, и порой
 Экзальтированной казалась головой:
 Ждала чудесъ отъ жизни, и страдала...
 Предвидѣла одни задатки зла,
 То пасмурна была, то нервно весела...

XI.

Шушу была давно ужъ не дитя,
 Когда Гвоздева повстрѣчала.
 О! въ это время страшный сплинъ
 Мutilь ея разсудокъ: — всѣхъ мужчинъ
 Она бранила, женщинъ презирала,
 Любви не вѣрила и, не шутя,
 Боялась тѣхъ цѣпей, что носимъ мы крахти.

XII.

Но встрѣтятся съ *нимъ*, и услыхавъ его
 Витѣвато-хриплый голосъ,
 Она рѣшила: это *онъ*!
 Потомъ легла и погрузилась въ сонъ, —
 Спала весь день, потомъ она боролась,
 Скрывая тайну сердца своего...
 (Въ нашъ вѣкъ борьба съ собой не стоитъ ничего...)

XIII.

«Мы бѣдны, — думала, — но это не бѣда:
 Онъ геній, я — не прихотлива;
 Онъ гордой одаренъ душой,
 И я колѣнь не гну передъ толпой;
 Онъ любить трудъ, и я трудолюбива».
 Но какъ она узнала, господа,
 Что онъ такой герой?.. Не отъ него ли?!.. Да...

XIV.

И онъ не вралъ, хоть и кричала ложь
 Въ его словахъ. Онъ былъ увѣренъ:
 Придетъ великая чреда,
 И онъ на сцену выступитъ! Тогда —
 Всю Русь предать суду онъ былъ намѣренъ.
 Шушу ему повѣрила. Такъ что-жь?
 «Не по-хорошу милъ — а по милу хорошъ!»

XV.

Мой Богъ! какъ безпощаденъ былъ Гвоздевъ!
 Ни въ комъ не признавалъ умѣнья

Писать и мыслить... Для него
 Любой поэтъ не стоилъ ничего...
 Некрасовъ былъ достоинъ снисхожденья,
 Однообразно грязенъ Салтыковъ,
 Тургеневъ—баба, и большой злодѣй Катковъ.

XVI.

И всѣ газеты наши плохи! Но,
 Пойдите!—вотъ, свою газету
 Онъ самъ начнетъ фабриковать:
 Онъ обновитъ россійскую печать,
 О немъ пройдетъ молва по бѣлу свѣту,
 Онъ скажетъ все, что слѣдуетъ давно
 Сказать, о чемъ молчать постыдно и грѣшно!..

XVII.

Но нашъ Гвоздевъ не только былъ рѣчиствъ,
 Онъ втайнѣ былъ до женщинъ лѣкомъ,
 И даже, смѣю думать, онъ
 На бѣлый свѣтъ былъ матерью рожденъ
 Въ сорочкѣ подъ счастливымъ зодіакомъ:
 Ему везло въ любви... Какъ истый реалиствъ,
 Онъ былъ нетерпѣливъ, и на́ руку нечистъ...

XVIII.

И вотъ, Шушу перебралась къ нему
 На жительство, скажу прямо—
 Вступила съ нимъ въ гражданскій бракъ.
 Гвоздь мой былъ, конечно, не дуракъ,
 Но бѣденъ, и любовная затѣя,
 Хоть и была невыгодна ему,
 Любя, онъ не давалъ отчета никому.

XIX.

Шушу его любила всей душой,
 И такъ щедра была на ласки,
 Что мелкихъ нуждъ или хлопотъ,
 Не замѣчалъ онъ, и, какъ сѣрый котъ,—
 Чуть не мурлыкалъ, щурилъ глазки,
 И внутренно доволенъ былъ собой,
 Склонясь къ ея плечу дремотной головой.

XX.

И что за женщина, въ которой нѣтъ
 Самозабвенья или экстаза!..

Но вотъ, медовые ихъ дни
 Уже прошли, и вотъ, живутъ они
 Какъ мужъ съ женой—одни, не для показа,
 Живутъ въ двухъ комнаткахъ:—есть кабинетъ,
 Есть спальня... Боже мой! что скажетъ высшій свѣтъ?!..

XXI.

Но высшій свѣтъ—извѣстный эгоистъ—
 Былъ холоденъ къ судьбѣ героя,
 И даже не слышалъ о немъ...
 Шушу, напротивъ,—женственнымъ чутьемъ
 Старалась разгадать, что онъ такое:
 Экономистъ или социалистъ?
 И если свищеть, то—какого рода свищеть?

XXII.

Есть гениальный свищеть, и тотъ звучить
 Далеко и коробить уши
 Самоувѣренныхъ ословъ,
 И есть другой—свищеть маленькихъ сурковъ,
 Иль умниковъ, привыкшихъ бить баклуши,
 Изобличителей принявшихъ видъ.
 (Мы все освищаны... Кто нынче не свищеть?!..)

XXIII.

Шушу, у друга поселясь,
 Давно всё книги перебрала,
 И въ каждую его тетрадь
 Изволила свой чуткій носъ совать...
 Ему не разъ вопросы задавала...
 И любопытство тѣшила смѣясь.
 Недаромъ на нее онъ сталъ глядѣть—косясь...

XXIV.

Какъ сладостно другъ другомъ обладать,
 Во всемъ другъ другу помогая,
 Но у природы свой расчетъ
 Былъ въ ихъ сближеньи: черезъ годъ
 У нихъ родилась дочка... О, слѣпая
 Природа!—ты для насъ щедра, какъ мать,—
 Но дѣти... тяжела намъ эта благодать!

XXV.

Не дешевы квартиры и дрова,
 Не дешево хорошее жаркое,

Не дешево сахаръ, свѣчи, и
 Не дешевы чулки и сапоги.
 А лѣкаря, а няньки, а ночное
 Бѣлье и прочее?!.. Кружится голова,
 Такъ жизнь семейная у насъ не дешева!

XXVI.

Я думаю, въ напѣ вѣкъ за лишній грузъ
 Едва ли будетъ благодаренъ
 И тотъ, кто явно даровить;
 А мой герой, хоть былъ и знаменитъ—
 (О немъ слыхали), но, увь!—бездаренъ.
 Вступая съ умной женщиной въ союзъ,
 За что онъ примется—рѣшить я не берусь.

XXVII.

Любовь слѣпа, пока глядятся ей
 Влюбленными очами въ очи;
 Пока все тайна для нее:
 И будущность, и это забытье
 Блаженное на лонѣ сонной ночи;
 Но не слѣпа, когда плодить дѣтей,
 Когда отъ писка ихъ звенить въ ушахъ у ней.

XXVIII.

О, какъ была блѣдна, слаба, томна,
 Какъ улыбалась и страдала
 Шушу, когда она кровать
 Измятую покинула, чтобъ взять
 Свое дитя! О, какъ она прижала
 Его къ груди!—Но глубина
 Последнихъ тайнъ любви была обнажена...

XXIX.

Все стало слишкомъ ясно, и опять
 Тоска ей сердце защемила,—
 Ей думалось: ужель я мать?!..
 Какъ странно!.. Да, не странно ли страдать
 За то, что любишь? Я же полюбила
 Такого умника, что трудно и унять,
 Когда онъ вздумаетъ шумѣть или писать!..

XXX.

Я думала сначала—онъ лингвистъ:
 О Тенисонѣ, о Флоберѣ
 Такъ говорить, какъ будто онъ

Во всё литературы посвящень,
 Иль хоть читаль, вникаль по крайней мѣрѣ...
 Потомъ, я думала: онъ просто нигилистъ, —
 И тутъ ошиблась! Но, ужели, аферистъ?!

XXXI.

И спекулируетъ вліяньемъ на умы,
 И спорить, и руками машеть,
 И говорить, что идеаль
 Гражданства въ томъ, чтобъ человѣкъ пахаль,—
 А самъ, небось, все пишеть, а не пашеть!..
 Я не ропщу... Чтобъ ни писали мы—
 Перо спасаетъ насъ отъ нищенской сумы.

XXXII.

И точно: онъ перомъ семью спасаль...
 Сумѣль прослыть фельетонистомъ;
 Два мѣсяца секретаремъ
 Былъ при одной редакціи, вралемъ
 По пятницамъ у одного артиста,
 Гдѣ Вагнера и Листа восхваляль...
 (Владиміръ Стасовъ тутъ, быть можетъ, повліяль).

XXXIII.

Въ статьяхъ бранилъ методу нашихъ школъ,
 Бранилъ на выставкахъ картины,
 Въ театрѣ оперу бранилъ,
 И, говорятъ, Сѣрову насолплъ.
 Порой, былъ сѣръ лицомъ, какъ цвѣтъ руины,
 Порою—желтъ, какъ листь осенній подъ дождемъ.
 Испортилъ желчь свою и сдѣлался отцомъ.

XXXIV.

«Неужели,—онъ тоже думалъ,—я
 Отецъ?!.. отецъ моей Анюты?!»
 (Анюткой дочку назвалъ онъ).
 И, новымъ чувствомъ смутно потрясенъ,
 Онъ часто молчаливъ былъ въ тѣ минуты,
 Когда Шушу, рѣсницы опуствя,
 Кормила по утрамъ затихшее дитя.

XXXV.

Вотъ минулъ годъ. Опять зима знобить,
 И радъ я, что союзъ ихъ проченъ:

Не какъ законная жена, —
 Какъ честный человѣкъ, Шушу вѣрна
 Своей любви. Онъ страшно озабоченъ—
 Ей жаль его...—Онъ мраченъ, плохо спить...
 Онъ смутно сознаеть, какъ палъ его кредитъ.

XXXVI.

Давно-ль онъ въ годъ мечталъ приобрести
 Перомъ тыщенокъ семь иль восемь?
 И вдругъ, Богъ знаетъ отчего,
 Редакторы косятся на него,
 И даже намекають: «дескать, просимъ
 Покорнѣйше немного подождать...
 Нѣтъ мѣста»... (Не хочу я фразъ ихъ повторять...)

XXXVII.

.

XXXVIII.

Гвоздевъ негодовалъ: враговъ своихъ
 Задорно, мелочно, лукаво,
 Чтобъ жажду мести утолить,
 Онъ анонимно грязью сталъ клеймить;
 Но узнавъ былъ подъ маскою дыравой,
 И на него пріятели такихъ
 Пауськали собакъ, что мой Гвоздевъ притихъ.

XXXIX.

Да-съ, онъ притихъ... Но далеко не такъ,
 Какъ въ дни помѣщичьей Россіи
 Стихали сладкіе пѣвцы,—
 Фальшивыхъ музъ минутные жрецы,—
 Нѣтъ, былъ герой мой не безъ энергій,
 Онъ былъ не изъ послѣднихъ забіякъ,
 И мракъ души его—былъ дѣятельный мракъ.

XL.

Онъ для дѣтей задумалъ издавать
 Съ педагогическою цѣлью

Книжонки, то-есть поучать
 Ихъ забавляя (съ тѣмъ, чтобъ набивать
 Карманъ свой) и, заставъ надъ колыбелью
 Своей Анюты молодую мать,
 Онъ ущипнулъ ее и засадилъ писать.

XLI.

— «Переводи и компилируй—на!
 И знай, что каждый часъ мнѣ дорогъ,
 Что Рождество не за горой».
 И у Шушу внезапно подъ рукой
 Явился пестрыхъ книжекъ цѣлый ворохъ—
 Французскихъ, англійскихъ, и у окна,
 Ребенка уложивъ, почти весь день она

XLII.

Сидитъ и пишетъ.—Въ это время онъ
 По Питеру до полуночи рыщетъ,
 Беретъ бумагу на прокатъ;
 По типографіямъ, гдѣ день и ночь стучать
 Станки, унылый бродить, или ищеть
 Завяты подъ вексель денегъ; возмущенъ
 Книгопродавцами—и, возвышая тонъ,

XLIII.

Пророчить имъ банкротство. (Такъ сказать,
 Не въ бровь, а въ глазъ ихъ тычетъ смѣло).
 Она-жь радѣхонька была,
 Что по себѣ занятіе нашла,
 Ибо недурно грамотой владѣла,
 Имѣла слогъ—не хуже чѣмъ иной
 Кропатель повѣстей,—слогъ легкій и живой.

XLIV.

Другой бы жребій сталъ благословлять
 За то, что такъ неприхотлива
 Шушу и что, на этотъ разъ,
 Въ любвиницѣ помощница нашлась,
 Что не глупа она и не лѣнива.
 И что-жь? Гвоздевъ сталъ морщиться, ворчать
 И чаще прежняго затылокъ свой чесать.

XLV.

— «Ну, хорошо!.. Но ты перевела
 Совсѣмъ, совсѣмъ не такъ какъ нужно:

Вотъ эту сценку измѣнить—
 (Къ готовому клише приноровить)
 Необходимо»... И Гвоздевъ наружно
 Спокоенъ былъ, умѣренно ворчалъ,
 Лишь дергалъ бороду, да бровью помавалъ.

XLVI.

Шушу же кипятилась. Разъ у ней
 Съ нимъ перебранка завязалась:
 — «Какъ это можно! Чтò за слогъ!»
 — «Молчи, пожалуйста, я старый педагогъ!»
 — «Ты педагогъ?! Вотъ новость!»—«Ты зазналась!»
 — «А ты... пожалуйста, будь поскромнѣй»...
 — «Мнѣ быть скромнѣй!? вотъ дура!»—«Самъ ты дуралей!»

XLVII.

И вотъ, уже съ пылающимъ лицомъ,
 Шушу спиной стоитъ у печки
 И улыбается.—Клянусь,
 Такихъ улыбокъ женскихъ я боюсь!
 А онь, хотя и принялъ видъ овечки,
 Неумолимъ: съ наморщеннымъ челомъ
 Сидитъ и чертитъ все, что только не по немъ.

XLVIII.

— «Ну, хорошо!»—промолвила Шушу,—
 «Я буду для себя стараться
 И трудъ мой буду продавать,
 А ты найди другую.»—«Какъ такъ врать!»
 Воскликнулъ онъ,—«какъ можно такъ завратсья!
 Не вы, а я вамъ жертву приношу—
 На васъ расходую, съ васъ денегъ не прошу»...

XLIX.

Такъ съѣхалъ онъ на «вы» и, горячася,
 Сталъ говорить ей:—«богачами
 Мы съ вами будемъ—у меня
 Есть замыслы... Поймите же, что я
 Совсѣмъ не для того связался съ вами,
 Чтобъ прозябать... Мнѣ дорогъ каждый часъ,
 А вы упрямитесь, и споръ идетъ у насъ».

L.

— «Ну, такъ работай самъ!»—И самодуръ
 Сталъ ненавистенъ ей мгновенно.

О, умники, герои нашихъ дней!
 Глашатаи нахватанныхъ идей!!
 Ужь если вы хотите непремѣнно
 Найти себѣ подругъ—ищите дурь,
 Влюбленныхъ искренно въ вашу головной сумбурь!

LI.

Положимъ, что Шушу была мила,
 Но вспыльчива и не изъ кроткихъ,
 И ужь, конечно, не одна любовь
 Ей волновала молодую кровь...
 И вотъ, изъ отношеній ихъ короткихъ
 Великая разладица всплыла,
 И даже дочка ихъ была не весела:

LII.

Она расчихала, что молоко
 Въ груди у матери, согбенной
 Весь день за письменнымъ столомъ,
 Теряетъ вкусъ, и блѣднымъ кулачкомъ
 Прикрывши ротикъ алыи, откровенно
 Пшцала. Мать, вздыхая глубоко,
 Перо бросала, и—ей было не легко...

LIII.

И вотъ, однажды, въ женскомъ башлычкѣ,
 Дрожа отъ сѣверной мятели,
 Часовъ въ одиннадцать утра,
 Подъ арками Гостиного двора
 Прошла Шушу. Съ морозу щеки рдѣли,
 Въ перчаткахъ руки стыли, и въ рукѣ
 Несла она свой трудъ—тетрадку въ узелкѣ.

LIV.

Тревожная, она нельзя сказать,
 Чтобъ робкаго была десятка,
 И не боялась встрѣчи съ *нимъ*—
 (Извѣстно съ кѣмъ). Но мы не утаимъ:
 Чтобъ деньги наживать—нужна повадка,
 И тяжело ей было сознавать,
 Какъ трудно, трудно ей свой первый трудъ продать.

LV.

Ей за тетрадь давали чуть не грошъ.
 Книгопродавцы-меценаты

Особенный имѣютъ даръ
 Чужими загребать руками жаръ.
 Издатели... одни изъ нихъ богаты,
 Другіе прогораютъ, ибо сплошь
 Не вѣдаютъ: товаръ ихъ плохъ или хорошъ.

LVI.

Ей не везло... Тоской удручена,
 Шушу три лавки обѣжала:
 Ей нужно было полотна
 Купить для бѣдной дѣвочки (она
 Такая милая!), да не хватало
 И на иголки денегъ... Боже! какъ пужна
 Для каждой матери мошна или казна!

LVII.

Къ тому-жъ и мщенье колыхало грудь:
 Ей нужно было наказанье
 Возлюбленному своему
 Придумать, то-есть насолить ему.
 И вотъ она свое рукописаенье
 Рѣшилась уступить кому-нибудь, —
 Хоть Вольфу—можетъ быть, прибавить что-нибудь.

LVIII.

Кой-какъ работу удалось ей сбыть —

Она умѣла торговаться.

И вотъ, съ измученнымъ лицомъ,

Съ припасами и дѣтскимъ полотномъ,

Шушу домой вернулась, чтобъ приняться

За дѣло.— Начала кроить и шить...

И вотъ, ужъ сумерки, пора дитя кормить...

LIX.

Дзинь-дзинь! звонокъ... Кухарка въ темнотѣ

Дверь отворила и, не въ духѣ,

Какъ и всегда, вошелъ Гвоздевъ.

Прошелъ къ столу;—не тратя лишнихъ словъ,

По водочкѣ прошелся съ голодухи

И сталъ жевать...—«А гдѣ тетради тѣ,

Что переписаны?»—И ни въ одной чертѣ

LX.

Не измѣняясь, Шушу ему въ отвѣтъ:

— «Тетрадей нѣтъ...»—«Гмъ, мнѣ ихъ надо».

— «Я продала ихъ!»—«Продала?!
 Ты шутишь!»—«Нѣтъ».—«Да развѣ такъ дѣла
 Ведутся, чортъ возьми! Чему ты рада?»
 — «Да вотъ, Анюта улыбнулась...» Цвѣтъ
 Лица его померкъ...—«Давай! Давай!»—«Ихъ нѣтъ,

LXI.

Ихъ нѣтъ и нѣтъ! не приставай!»—«Кому-жъ
 Ты продала ихъ?»—«Не скрываюсь—
 Купилъ ихъ Вольфъ,—но я тебя
 Предупреждала».—«Какъ! чтобъ я... я... я...
 И Вольфъ...»—«Ну да, я, можетъ быть, и каюсь,
 Но ты не горячись, ты мнѣ не мужъ,—
 И я вольна въ своихъ поступкахъ».—«Что за чушь!»

LXII.

Онъ поблѣднѣлъ, и, я не утаю,
 Что прежняя улыбка, тонко—
 Насмѣшливая, на губахъ,
 У ней исчезла.—Инстинктивный страхъ
 Проникъ ей въ сердце: соннаго ребенка
 Она сложила на свою
 Скрипучую кровать и сѣла на краю...

LXIII.

И блѣдная, глядѣла, какъ, тетрадь
 Ища, онъ сталъ повсюду шарить.
 «Ужель,—подумала,—онъ пьянъ?»
 И вдругъ, Гвоздевъ, о ужась! какъ мужланъ
 Къ ней бѣшено рванулся, чтобъ ударить...
 — «Прочь, варварь!» И, склонившись на кровать,
 Ребенка, какъ щитомъ, собой прикрыла мать.

LXIV.

Оторопѣвъ, Гвоздевъ изъ спальной вонъ,
 Шатаясь, выбрался, калоши
 Напялилъ, на плеча еготъ
 Пакинулъ, отперъ дверь, и вотъ,
 По улицамъ, какъ бы отъ тяжелой ноши
 Широкою сгибая спину, онъ
 Шагаетъ, то стыдомъ, то злобой удрученъ.

LXV.

Шушу поплакала и, уложя
 Комодъ свой, сиротливо сѣла

За столъ и стала наливать
 Въ тарелку... Что ей бѣдной предпринять
 Не знала, и безъ аппетита ѣла...
 Кухарка же, усердно ей служа,
 Къ жаркому подала тарелку безъ ножа.

LXVI.

Кухарка, грязная какъ помело,
 Была стара, и только двое
 Пылали вѣжной страстью къ ней:
 Одинъ—сынъ дворника, другой—лакей
 Безъ мѣста. Но, какъ видно, золотое
 Она имѣла сердце—имъ везло.
 И въ кухнѣ безъ любви, должно быть, не тепло.

LXVII.

Ей было жаль Шушу, раздоръ
 Не миноваль ея вниманья,
 И стала вслухъ она болтать:
 «Дескать, Гвоздева можно промѣнять
 На человѣка изъ другого званья...»
 Но ей Шушу сказала: «что за вздоръ!»
 И снова прослезясь, замаяла разговоръ.

LXVIII.

А нашъ герой въ то время засѣдалъ
 У Палкина—котлетку кушалъ
 И пиво пилъ. Онъ не былъ пьянъ,
 Но всякій разъ, когда гремѣлъ органъ,
 Онъ музыку, какъ пьяный, глухо слушалъ,
 Жуя, капризныхъ бабъ онъ посылалъ
 Ко всѣмъ чертямъ... затѣмъ—о чемъ-то размышлялъ.

LXIX.

И просидѣлъ онъ, господа,
 Въ богоспасаемомъ трактирѣ,
 Не мало времени. Скаталъ
 Изъ хлѣба шарикъ, прочиталъ
 Афишку и, замѣтивъ въ «Русскомъ Мирѣ»
 Статью Ф. Б., проямлилъ: ерунда!..
 И, хоть безсмысленно, глядѣлъ туда—сюда,

LXX.

Не уставалъ мозгами шевелить
 И самому себѣ былъ вѣренъ:

Пока Шушу его ждала,
 И страшно трусила, и не спала,
 Онь дома ночевать былъ не намѣренъ,
 И думалъ: ей меня не разлюбить,
 Такъ пусть же безъ меня попробуетъ пожить!..

LXXI.

И точно: день прошелъ,—прошелъ другой,—
 Шушу не дождалась Гвоздева
 И думаетъ: еще три дня
 И денегъ ужъ не хватитъ у меня,—
 Ни свѣчь, ни дровъ, ни хлѣба, ни мясного!
 И что же буду дѣлать я съ собой?
 Кухарка-жъ требуетъ расчета... Боже мой!

LXXII.

Куда бѣжать?.. И точно, что бѣжать
 Ей было некуда. Подруги...
 Одна изъ нихъ обручена,
 Другая въ Крымъ судьбой унесена,
 Кузина пишетъ письма изъ Велуги
 И проситъ за нее похлопотать...
 Кума скуна, кумъ глупъ—себя готовъ продать...

LXXIII.

А благодѣтель!—Боже упаси!

Положимъ, онъ помогъ когда-то

Шушу пристроить въ пансіонъ,

Но, говорятъ, уже предупрежденъ

Насчетъ сиротъ: «пмъ ничего не свято!

Хоть все отдай—не скажутъ и «мерс!»—

Такое племя, знать, родилось на Руси».

LXXIV.

Куда-жъ дѣваться? Наставлять дѣтей —

Шушу, во-первыхъ, не годится, —

Нетерпѣлива и нервна;

А во-вторыхъ — *престижа* лишена,

И не замужняя, и не вдовца,

И, видите, ребенокъ есть у ней,

И онъ дороже ей спасительныхъ рублей.

LXXV.

Прошло два дня — три ночи, и въ одну

Минуту трудную ей стало

Невесело вообразить,
 Что надо ей смириться, и хитрить,
 И унижаться... Или — все пропало...
 Онъ можетъ на нее свалить вину:
 — «Онъ выплыветъ, какъ гусь, а я пойду ко дву...

LXXVI.

«Да что! Мнѣ дорожить собой не слѣдъ...
 Что будетъ съ дѣвочкою этой,
 Съ моей красавицей?!» Она,
 Какъ мать, была нисколько не смѣшна,
 Когда, склонясь надъ плачущей Анетой,
 Мечтала, что во всей вселенной нѣтъ
 Предестинѣй существа заплаканной Анеть.

LXXVII.

Но этакъ мы напишемъ цѣлый томъ,—
 Къ чему намъ тутъ распространяться!
 Прошло три дня, и вотъ, — вдвоемъ
 Съ кухаркою, съ сіяющимъ лицомъ,
 Шушу обѣдъ готовить, забираетъ
 У Елисѣевыхъ закуску и, притомъ,
 Везетъ въ саняхъ домой два короба съ виномъ...

LXXVIII.

Чтò за исторiя! Неужели она
 Пошла дорогою обычной,
 И продалась кому-нибудь?
 И хочется ей, чортъ возьми, кутнуть,
 Войти во вкусъ камелии столичной?
 Нѣтъ, нѣтъ, не то... И въ мысли не грѣшна
 Моя Шушу, — она фортуной спасена.

LXXIX.

Но прежде чѣмъ мы пояснимъ,
 Какъ тутъ фортуна очутилась
 (Одна изъ самыхъ модныхъ дамъ), —
 Пройдемся по блуждающимъ слѣдамъ
 Гвоздева. Чтò такое съ нимъ случилось?
 И почему къ пенатамъ онъ своимъ
 Слѣзшитъ такъ медленно, раскаяньемъ томимъ?..

LXXX.

О, да, нашъ другъ, хотя и былъ упрямъ,
 Хоть и считалъ Шушу виновной,

Все-жъ нѣдоволенъ былъ собой
 За вспышку гнѣва съ поднятой рукой:
 Его пугаль молвы языкъ нескромный,
 Онъ трусилъ, что причтутъ его къ врагамъ
 Свободы женской, или къ ревнующимъ мужьямъ.

LXXXI.

Онъ съ раннихъ лѣтъ, онъ съ дѣтства дорожилъ
 Своею радикальной славой;
 Онъ зналъ, что если прокричатъ:
 «Смотрите, вотъ завзятый ретроградъ!»—
 И пропадетъ онъ, какъ щенокъ плюгавый,
 И будетъ жалокъ, какъ лишенный силъ,
 Какъ стриженный Самсонъ... Такъ онъ вообразилъ

LXXXII.

И каялся. О томъ же, что она
 (Его Шушу) — дитя оставить,
 Или уйдетъ отъ очага,
 Или наставитъ вздумаетъ рога, —
 Совсѣмъ не думалъ: — какъ она наставитъ?!
 Сама кричить: «тебѣ я не жена!»
 А нѣтъ жены — нѣтъ рога, и — слава спасена!

LXXXIII.

Вотъ почему такъ выгоденъ для насъ,
 О, женщины! союзъ свободный:
 Вы, тѣша вѣтреный свой нравъ,
 Надъ другомъ — лишены злорадныхъ правъ:
 Его лобъ мѣдный передѣлать въ модный,
 Бодливый лобъ, — и если, въ добрый часъ,
 Вы намъ измѣните — не проклинать же васъ!

LXXXIV.

По за Гвоздева я не поручусь:
 Онъ постояннѣй сталъ съ годами;
 Онъ первый ночь ту проклянетъ,
 Когда во мракѣ не найдетъ
 Своей подруги съ карими глазами...
 Недаромъ же онъ думалъ: — «я вернусь,
 Когда понадоблюсь..... Теперь другимъ займусь...

LXXXV.

— Займу деньжонокъ...» Онъ не унывалъ,
 И у NN клялся такъ пылко

Разбогатѣть въ двѣ-три зимы,
 Что самъ Кощей ему бы далъ займы.
 Спекулятивная въ немъ билась жилка,
 Хоть этого онъ самъ не сознавалъ,
 Когда громилъ тузовъ и торгашей ругалъ.

LXXXVI.

Такъ, зашибивъ деньгу, нашъ другъ Гвоздевъ
 Ихъ ловко спряталъ подъ жилетомъ —
 Въ особенный карманъ, и вотъ,
 Чтобъ воплотить мечту (или расчетъ),
 Онъ, пользуясь вечернимъ полусвѣтомъ,
 Въ саняхъ, при свѣтѣ газовыхъ рожковъ,
 Везетъ «Исторію послѣднихъ двухъ вѣковъ».

LXXXVII.

Ее какой-то нѣмецъ, съ головой
 Ученой, въ современномъ духѣ
 Писалъ, писалъ и — написалъ. ---
 Ее прославилъ модный нашъ журналъ,
 Что книга — первый сортъ, — глухіе слухи
 Дошли до нашего героя, и герой
 На малыя дѣла, везетъ ее съ собой...

LXXXVIII.

На Выборгской, въ старинномъ флигелькѣ,
 Жилъ нѣкто, по фамильи Росовъ.
 Какъ безпардонный гражданинъ,
 Давно забылъ, что онъ дворянскій сынъ,
 И былъ не то чудакъ, не то философъ.
 Зимой ходилъ въ суконномъ армякѣ,
 А лѣтомъ — не въ пальто, такъ въ пыльномъ сюртукѣ.

LXXXIX.

И у него, коли молва не вретъ,
 Жена есть, — вѣшалка для моды, —
 И онъ покинулъ ей свой домъ
 (Бѣжалъ какъ Лотъ, покинувшій Содомъ) —
 И предоставивъ ей свои доходы,
 По уговору, съ барыни беретъ
 Одинъ процентъ, чтобъ жить... И кое-какъ живетъ.

XC.

(Должно быть это вздоръ, вздоръ потому,
 Что какъ-то на романъ похоже).

Онъ не богатъ: есть у него
 Три стула, столъ и больше ничего...
 Кровать же и диванъ, обитый кожей—
 Хозяйскіе. Хозяйка по найму
 Владѣеть флигелькомъ и страпаетъ ему.

ХСІ.

И сколько получаетъ, сколько онъ
 Хозяйкѣ платитъ—кто ихъ спроситъ?
 Она довольна, что жилецъ—
 И не приказный, и не сорванецъ.
 Но, Господи! Куда его чортъ носитъ!
 То вызванъ днемъ, то ночью приглашенъ.
 Невзраченъ, не богатъ... кому же нуженъ онъ?

ХСІІ.

Однажды, кто-то Росова сравнялъ
 Съ тѣмъ мудрецомъ, что былъ доволенъ
 Своею бочкой. Можетъ-быть,
 И Росовъ былъ готовъ хоть въ бочкѣ жить,
 Но Діогенъ былъ грубъ, печонкой боленъ,
 Днемъ человекъ съ фонаремъ искалъ,
 А Росовъ и въ потьмахъ вездѣ его встрѣчалъ.

ХСІІІ.

И многому онъ вѣрилъ отъ души
 И даже думалъ, чудачище,
 Что люди не довольно злы.
 Онъ иногда дешевые столы
 Предпочиталъ своей домашней пищѣ,
 Оборванцамъ совалъ свои гроши,
 И радъ былъ, если щи и каша хороши.

ХСІV.

Не литераторъ, не натуралистъ,
 Онъ зналъ студенческіе нравы
 И нужды, какъ никто не зналъ.
 За молодежь страдалъ и хлопоталъ,
 И передъ нимъ всегда всѣ были правы:
 И патриотъ, и ярый ингилистъ,
 Онъ каждому помочь готовъ былъ какъ артистъ.

ХСV.

Да, какъ артистъ: творить добро нельзя
 Безъ артистическаго чувства,

Безъ знанья жизни, безъ любви,
 Безъ такта, или безъ огня въ крови
 И вдохновенья... Это высшее искусство.
 Нельзя любить и понимать, скользя
 По склону рѣзвыхъ днѣй, не замѣчая дня.

XCVI.

Помѣшаннымъ считаль его Гвоздевъ,
 Но прикатилъ къ нему.—«Что нужно?
 Откуда и зачѣмъ?»—«А, вотъ,
 Гляди,—какая книга... переводъ
 Намъ очень нуженъ; мнѣ же не досужно
 За это взяться... Укажи дѣльцовъ,
 Достань работниковъ, а я платить готовъ...»

XCVII.

— «Да много ли ты, чучело, имъ дашь?»
 — «Какъ, чучело!»—«Да такъ. Признаться,
 Боюсь, не сладимъ мы съ тобой...
 Есть у меня юнецъ... о, золотой!
 И если за халдейщину привагься
 Задумасть,—любой профессоръ вашъ
 Опустить руки!.. Но, дай средства, дай куражъ!..

XCVIII.

— А то, живеть, у прачки пожилой,
 Дѣвица,—мѣста не находить,—
 Нѣмецкій ей знакомъ языкъ,
 И если ты по совѣсти привыкъ
 Платить—она отлично переводить,
 Ты только дай задатокъ небольшой,
 Чтобъ переѣхать ей изъ комнаты сырой.»

XCIX.

— «Задатокъ!.. Гм... да... Что же, мы не стоимъ
 За деньгами»,—сказалъ, мигая,
 Гвоздевъ,—«но только я прошу,
 Похлопочи... Ей-Богу, я спѣшу—
 Боюсь, что перебьютъ». И, уповая
 На Росова, Гвоздевъ, простился съ нимъ,
 И ѣдетъ ночевать, по близости, къ роднымъ.

С.

Пьеть съ ними чай и разговоръ ведетъ
 О томъ, «что хныкать не годится,

Что онъ не пятится, какъ ракъ,
 А дѣйствуетъ... Что всякій холостякъ
 Обязанъ жить съ женой, но не жениться... »
 И слушаютъ его, разня роть,
 Кривая попадя, да братецъ идиотъ.

СІ.

Проходитъ день, другой... Гвоздевъ кипятъ,
 Коробится отъ нетерпѣнья.
 Нѣмецкой книги вѣскій томъ
 Простился съ заграничнымъ корешкомъ:
 Разъятъ и розданъ, и ужъ нѣтъ сомнѣнья,
 Что Росовъ не зѣваетъ: ужъ сидитъ
 Надъ книгой молодость, которую знобитъ

СІІ.

Отъ холода и голода. Гвоздевъ
 Любезень, нѣжно понукаетъ,—
 Переведенные листы,
 Не безъ обычной нервной суеты,
 Къ роднымъ уносить и *переправляетъ*:
 То занять онъ перестановкой словъ,
 То вопросительныхъ не признаетъ крючковъ,

СІІІ.

То ставить точку вмѣсто запятой...
 Что-жъ дѣлать!.. Если-жъ мы доложимъ,
 Что передъ юношами онъ
 Витійствовалъ, какъ нѣкій Цицеронъ,
 И, духомъ отрицанія тревожимъ,
 Вѣщалъ, что надо жертвовать собой—
 Мы скажемъ все... «О, я пойду съ сумой!»—

СІV.

Онъ говорилъ, (когда пришлось платить),
 — «Вообразите—запрещенье,
 Захватъ цензуры... долго-ль сжечь—
 И весь вашъ трудъ погибели обречь!»
 Затѣмъ къ Шушу писалъ онъ извѣщенье,
 Что онъ здоровъ, готовъ ее простить,
 И что въ четвергъ ее намѣренъ посѣтить.

СV.

Онъ даже думалъ, что другой
 И не ужился бы съ такой

Капризной женщиной,—она
 Была-бъ давно другому невѣрна.
 Но разъ онъ овладѣлъ ея душою —
 Не выпустить... Такъ думалъ мой герой,
 И съ этой мыслию отправился домой.

CVI.

Вотъ, онъ вошелъ на лѣстницу, звонить,—
 Кухарка двери отворяетъ.
 — «Что, дома?»—«Никого тутъ нѣтъ».
 Онъ шубу сбросилъ, входитъ въ кабинетъ,
 Идетъ, и шарфа съ шеи не снимаетъ.
 Остановился... дрогнулъ, въ дверь глядитъ:
 Комода нѣтъ, одна кровать его стоитъ.

CVII.

Ни колыбели нѣтъ, ни одѣяль,
 Ни зеркальца... И тамъ, гдѣ юбки
 Висѣли—гвоздь одинъ торчитъ.
 (Какого голубя не поразить
 Такая пустота въ гнѣздѣ голубки!)
 Онъ выпучилъ глаза и простоналъ.
 Потомъ, присѣлъ къ столу, къ виску ладонь прижалъ

CVIII.

И думаетъ: «ну что-жь! я очень радъ...

Сбѣжала—значить, расквиталась...

А на какія средства?.. — Стой,

Старуха-вѣдьма! Дуй тебя горой!

Все говори: куда она дѣвалась?..»

И тайной ревности въ немъ вспыхнулъ адъ, —
Кухарку испугалъ его злобѣщій взглядъ.

CIX.

И стала лепетать она: «сперва

Перевезлась... потомъ, въ каретѣ

Извоили уѣхать...» — «А!?

Въ каретѣ! съ кѣмъ?—не врешь ли ты, чума!..»

— «Да съ офицерикомъ, что въ кабинетѣ

Здѣсь ночевалъ и далъ мнѣ на дрова...»

Вскочилъ онъ, у него кружилась голова...

CX.

Но голова Гвоздева не могла

Кружиться долго (слава Богу!) —

Онъ сталъ неистово ругать
 Свою Шушу, клеймить и обзывать
 Такимъ словечкомъ, что съ порогу
 Старуха, ахнувъ, молча отошла,
 Зажала уши и—смѣяться начала...

СХІ.

Узнай онъ правду—не былъ бы смѣшонъ
 И не высказывалъ бы явно
 Того, что вслухъ не говорятъ...
 Къ Шушу пріѣхалъ Миша, то-есть братъ;
 Съ Кавказа онъ пріѣхалъ, гдѣ недавно
 Онъ въ капитаны былъ произведенъ,
 И гдѣ внезапно былъ бумагой извѣщенъ,

СХІІ.

Что тетушка, которая жила
 Въ Москвѣ, изволила скончаться,
 И въ завѣщаніи своемъ
 Оставила ему свой старый домъ.
 (Ужъ не за то-ль, что юнкеромъ прощаться
 Онъ заѣзжалъ къ старушкѣ, чѣмъ была
 Она такъ тронута, что слезы пролила.)

СХІІІ.

Оставила ему кирпичный домъ
 И все, что въ домѣ: двѣ картины
 Фламандской школы, фермуаръ,
 Шкатулку съ кольцами, пять паръ
 Серебряныхъ тарелокъ, три корзины
 Съ фарфоромъ, мебель, и при всемъ
 При этомъ (этому повѣрилъ онъ съ трудомъ)

СХІV.

Ему и Александрѣ Балдиной,
 Его сестрицѣ, сорокъ восемь
 Тыщенокъ, чуть не пятьдесятъ.
 Какъ этой смерти капитанъ былъ радъ —
 Мы только васъ вообразить попросимъ,
 Коли и вы, читатель дорогой,
 Боролись съ юныхъ лѣтъ съ презрѣнною нуждой.

СХV.

Подаромъ Миша добрымъ малымъ слылъ,
 И даже видъ имѣлъ пристойный.

Онъ мигомъ отпускъ получилъ,
 И полетѣлъ въ Москву, гдѣ отслужилъ
 Двѣ панихиды по душѣ покойной;
 Одну ея служанку наградилъ
 Часами... и, затѣмъ, немножко покутить.

СХVI.

(Нельзя-жъ безъ этого!) Затѣмъ, спустя
 Недѣли три, явился въ Питеръ,
 Квартирку нанялъ, отыскалъ
 Не безъ труда сестрицу, и попалъ
 Къ ней въ-время. Ей разомъ слезы вытеръ,
 Ее немножко пожурилъ—шутя,
 И все повѣдалъ ей, шампанскимъ угостя.

СХVII.

Шушу сказала, что Гвоздевъ злодѣй,
 Тиранъ, невѣжда, забіяка,
 Что надо ей бѣжать, бѣжать,
 Пока не вздумалъ онъ опять
 Къ ней завернуть. Не то случится драка,
 А можетъ... что-нибудь и хуже... Ей
 Повѣрилъ добрый братъ и ночевалъ у ней.

СХVIII.

Вотъ все, что было. Протекло
 Не мало времени. Въ чемъ штука
 Узналъ несчастный мой Гвоздевъ.
 «Исторію послѣднихъ двухъ вѣковъ»
 Кой-какъ онъ издалъ, и—другимъ наука—
 Журналы ни гу-гу! Изданье шло,
 Но какъ-то вяло шло; и зло его взяло,

СХIX.

И похудѣлъ онъ—нѣтъ лица на немъ.
 Шушу и кредиторъ—двѣ муки,
 Два чувства овладѣли имъ.
 Не вынося долговъ, сталъ нелюдимъ,
 И сталъ мечтать, не вынося разлуки.
 Шушу въ Москву стремилась въ братниинъ домъ,
 А онъ ей письма слалъ, письмо велѣдъ за письмомъ.

СХХ.

«Неужели»—писалъ онъ—«пустяки,
 Пустое недоразумѣнье,

Житейскій вздоръ поссорилъ насъ?..
 Нѣтъ, я всю жизнь надѣялся на васъ...
 «Любовь—страданье, а не упоенье»—
 Вотъ, что вы говорили. Но съ тоски
 Я пропадаю и прошу у васъ руки...

СХХІ.

Хочу быть вашимъ мужемъ, да!
 Не изъ корыстныхъ побужденій
 (Я не такой еще подлець),—
 Но потому, что я отецъ,
 И—какъ отецъ, внѣ всяческихъ сомнѣній,
 Съ ребенкомъ васъ не брошу никогда.
 Самъ чортъ веревочкой связалъ насъ навсегда!»

СХХІІ.

Или писалъ: «О, милая моя!
 Молю—назначь ты мнѣ свиданье
 Въ залогъ возврата твоего...
 Любви, любви!.. и больше ничего!»
 Такъ выражалъ онъ страстный бредъ желанья,
 И этотъ бредъ извѣстенъ вамъ, друзья.
 (Все бредомъ держится, бредъ—сѣмя бытія).

СХХІІІ.

Но несмотря на то, что нашъ герой
 Вдругъ воспылалъ къ Шушу такою
 Восторженной любовью, онъ
 Въ ея наслѣдство тоже былъ влюбленъ
 И, стало-быть, страдалъ двойной тоскою.
 Боролся съ накипающей враждой,
 И сталъ подозрѣвать, что почтойъ городской

СХХІV.

Отвѣтъ Шушу утраченъ... Жизни планъ
 Испорченъ... день и часъ свиданья
 Пропущены... Вотъ горе!.. Какъ тутъ быть!
 Повѣситься, нль у самой спросить?
 А капитанъ? — Какое наказанье!
 Онъ бережетъ сестру — какой болванъ!
 Глядитъ черкесомъ и навѣрное буянъ...

СХХV.

Разъ, у дверей Шушу онъ позвонилъ,
 Служанку вызвалъ и рѣшился
 На подкупъ. Та не поняла, —

Чего-то струсила и денегъ не взяла.
 Разъ, вечеромъ, бродилъ онъ и косился
 На окна, на подъѣздъ; усталъ, изнылъ...
 Увы! напрасно онъ подъ окнами бродилъ...

СХХVI.

Онъ даже не замѣтилъ, какъ она,
 Въ саняхъ, подъ синею вуалью
 Скрывъ блѣдныя черты лица,
 Промчалась мимо своего крыльца,
 Нарочно мимо, чтобъ надуть каналю,
 И хоть была ей роль его смѣшна,
 Ей было жутко—такъ настойчивость страшна.

СХХVII.

Всѣ гении настойчивы. И тотъ,
 Кто въ генин себя готовитъ,
 Чѣмъ больше тупъ, чѣмъ больше золь,
 Тѣмъ легче покоряетъ слабый полъ,
 И, такъ-сказать, смѣлѣе случай ловитъ:
 И только та, которая живетъ
 И дышитъ солнцемъ—крыль свѣчей не обожжетъ.

СХХVIII.

Шушу была уже не мотылекъ,
 Но знала, что ей вновь обжечься
 Немудрено: она была
 Такъ впечатлительна, что предпочла
 Отъ клятвъ и ласкъ Гвоздева остеречься,
 И, чтобъ унять страстей его потокъ,
 Послала письмецо изъ слѣдующихъ строкъ:

СХХIX.

«Пась чортъ связалъ веревочкой гнилой,
 И порвалась она, и вы узлами
 Ее не свяжете—она
 Всегда была и будетъ не прочна...
 Я виновата, но не передъ вами,
 И вы, вы съ вашей мудрой головой
 Не виноваты тѣмъ, что вы не мой герой.

СХХХ.

Я горячо васъ полюбила, но
 Моя любовь давно простыла,

И если выйду замужъ я,
 То не за васъ. Не мучьте же меня
 Своими клятвамъ: того, что было
 Не воротить... Все это рѣшено,
 Подписано судьбой и ужъ въ архивъ сдано...

СXXXI.

Прощайте!» «О-го-го!»—загоготалъ
 Гвоздевъ—«ну нѣтъ... ужъ это дудки!
 Нѣтъ, замужъ вы ни за кого
 Не выйдете... Мы не допустимъ!.. О!
 Вы шутите... Со мной плохія шутки!
 Я опозорю васъ на весь кварталъ:
 Узнають и въ Москвѣ, что васъ я содержалъ,

СXXXII.

И что вы, обобравъ меня, сбѣжать
 Изволили!..» И въ двое сутокъ
 Гвоздевъ мой страшно похудѣлъ,
 Обрюзгъ, осунулся, малѣйшихъ шутокъ
 Не выносилъ. Не могъ ни ѣсть, ни спать.
 Тотъ деспотъ, что немъ жилъ—сталъ духъ его терзать.

СХХХІІІ.

И вотъ къ Шушу является простой
 Разсмыльный, расписаться просить.
 Шушу въ какой-то шнуровой
 Казенной книгѣ, трепетной рукой,
 Сгѣша, свою фамилію заносить.
 (Повѣстка къ Александрѣ Балдиной:
 Въ такой-то день и часъ явиться въ Мировой).

СХХХІV.

Ее зовутъ по дѣлу о вещахъ,
 Захваченныхъ у господина
 Гвоздева... что за дребедень!
 Шушу блѣдна и пасмурна, какъ день,
 Подернутый туманами.— «Скотина!» —
 Бормочетъ братъ, съ сигарою въ зубахъ,
 И смотреть на сестру съ отчаяньемъ въ глазахъ.

СХХХV.

— «Пожалуйста, голубчикъ мой, Шушу,
 Ты не ходи туда... Ты можешь

Дать мнѣ довѣренность, и я,
 Я погляжу:—какой-такой судья!
 Какой-такой Гвоздевъ, какой онъ съ рожи!»
 — «Нѣтъ», сердится Шушу—«я не прошу
 Вступаться—я еще на ладанъ не дышу,

СXXXVI.

И у меня есть ноги... Я одна
 И къ чорту въ адъ найду дорогу!..
 И не тебя зовуть—меня..
 И если только виновата я,
 Пускай меня хоть вѣшаютъ... Ей-Богу,
 Я не боюсь!..» И все-жъ была она,
 Какъ день подернутый туманами, блѣдна.

СXXXVII.

И вотъ, ужъ въ судъ она идетъ,
 И вотъ—въ толпѣ у мирового.
 Судья—худой брюнетъ, съ лицомъ
 Измученнымъ, и цѣпь виситъ на немъ.
 И судить онъ, почти не говоря ни слова.
 Гвоздевъ у стѣнки очереди ждетъ,
 Не смотреть на Шушу и вытираетъ потъ.

СXXXVIII.

Всѣмъ жарко,—духота... Но по спинѣ
 Шушу какъ будто кто-то водить
 Холоднымъ пальцемъ... И глядитъ
 Она такой больной... ее знобить...
 Но вотъ ихъ очередь: Гвоздевъ выходить.
 Шушу взволнована, еще вполнѣ
 Не овладѣвъ собой, она, какъ бы во снѣ,

СXXXIX.

Подходить... Слышать, говорить Гвоздевъ:
 — «Вотъ эта дѣвушка со мною
 Жила два года... Я желалъ
 Вступить въ законный съ нею бракъ и взялъ
 Ее на испытанье...» Но судья рукою
 Махнулъ и пробурчалъ: «безъ лишнихъ словъ,
 Безъ всякихъ лишнихъ словъ!» — «И», — продолжалъ
 Гвоздевъ—

СXL.

«Она была невѣстою моею.
 — «Да что, ее вы сохранили?»

— «Не то что содержать... она-сь
 Была какъ бы гражданская жена-сь...»
 — «Ага! Такъ для чего-жь вы написали
 О долгѣ въ триста пятьдесятъ рублей
 За комнату, что вы внаймы давали ей?»

CXLI.

— «Пу да-сь... Пока я барышню считалъ
 Моей—она мнѣ не платила,
 Напротивъ, я за все платилъ.
 И будь она вѣрна, я бѣ не просилъ
 Съ нея ни гроша... Если-жь закутила
 И убѣжала... то,—я-бѣ знать желать:
 За чтò я одѣвалъ и столъ съ ней раздѣлялъ?»

CXLIИ.

— «А чувства раздѣляли?»—перебилъ
 Судья двусмысленно и глухо.
 Толпа хихикнула...—«Быль грѣхъ»,
 Сказалъ Гвоздевъ. Присутствующихъ смѣхъ
 Какъ музыка ему щекочетъ ухо:
 Онъ торжествуетъ: «дескать, отомстилъ...
 Убилъ коварную... убилъ и насолилъ!..»

СХLIII.

II продолжаетъ:—«Да-съ, я пригласилъ
 Ее любя... она сбѣжала...
 II я надѣюсь на законъ...
 Въдь и женихъ, каковъ бы ни былъ онъ,
 Коли ему невѣста отказала—
 Имѣеть право все, что онъ дарилъ,
 Назадъ потребовать... Я такъ и поступилъ...»

СХLIV.

Съ горячими ланитами, съ огнемъ
 Въ зрачкахъ, Шушу залепетала:
 — «Скорѣй, скорѣй давайте счетъ...
 Я заплачу ему, хоть онъ и лжетъ...
 Не я ушла, а онъ... Я ожидала
 Его пять дней... Потомъ... потомъ
 За мной пріѣхалъ братъ, и я теперь при немъ...

СХLV.

Да, да, скорѣй... Каковъ бы ни былъ счетъ:
 И за кофейникъ, и за ложки,
 И даже за квартиру—я
 Платить готова, господинъ судья!
 Гвоздевъ позеленѣлъ,—должно быть кошки

Скреблись на сердцѣ—онъ кривить свой ротъ,
Съ минуту ямлитъ и потомъ чутъ не ореть:

CXLVI.

— «Не надо мнѣ ни тысячи рублей,
Ни милліона!.. Пусть вернется,
Или вернетъ ребенка мнѣ!..
Онъ мой!..» Вся дрогнула, и вся въ огнѣ
Мятежнаго стыда Шушу смѣется:
— «Ха-ха! ребенокъ не его, а чей—
То знаетъ только Богъ!.. Онъ плодъ любви моей!..

CXLVII.

А кто его отецъ—ни вы, ни онъ
Допрашивать меня не въ правѣ...
Онъ мнѣ внушалъ, что я вольна
Собой располагать... И...» И она
(При сей моральной такъ сказать расправѣ)
Дрожить, готова зарыдать. А онъ—
Нашъ другъ Гвоздевъ—онъ тоже пораженъ.

CXLVIII.

А мировой судья?—онъ за своѣй
Конторкой пишетъ... Не смущаетъ
Его сей грязный анекдотъ
(Немудрено приплюхаться). И вотъ,

Откашлявшись, онъ тихо вслухъ читаетъ:
 «Ей, Балдиной, Гвоздеву семь рублей
 Отдать за вещи, и ему, Гвоздеву, съ ней

CXLIХ.

Покончить счеты... Если же Гвоздевъ
 Рѣшеньемъ не доволенъ—можетъ
 Его обжаловать».—«О, да-съ!»—
 Хрипять Гвоздевъ,—«я заявлю на васъ
 Претензію». Затѣмъ онъ ногти гложетъ
 И говорить:—«А деньги—семь *рублевъ*
 Я жертвую судѣ».—«Я, господинъ Гвоздевъ,

CL.

Велю васъ вывестъ... Какъ вы смѣли предлагать
 Мнѣ деньги?!»—съ блѣдными губами
 Кричить Ѳемиды блѣдный жрецъ...
 Но, слава Богу, есть всему конецъ,
 И если все кончается слезами—
 Необходимо счастье презирать,
 Иль презирать печаль, чтобъ слезъ не проливать.

CLI.

Наслушавшись намековъ и клеветъ,
 И на себя наклеветавши,

Шушу рѣшеніемъ судьи
 Была довольна и, поднявъ свои
 Глаза померкшіе и увидавши
 Сожителя и друга лучшихъ лѣтъ,
 Какъ ненавистный и ненужный ей предметъ,

СЛІІ.

Съ презрительной усмѣшкой на губахъ,
 И съ тяжестью, какъ бы свинцовой
 На сердцѣ, молча вышла вонъ,
 И думала: что-бъ сдѣлалъ съ ней законъ,
 Когда-бъ она была мадамъ Гвоздевой?
 И чѣмъ бы кончилось, когда бы страхъ
 Нужды попрежнему держалъ ее въ тискахъ?

СЛІІІ.

Но не довольно ли? Ухъ, я усталъ!
 Не мало и теперь Гвоздевыхъ,
 Но видъ у нихъ уже иной...
 И такъ какъ я поэтъ не молодой,
 То гдѣ-жъ мнѣ и поймать героевъ новыхъ.
 Прошедшее кой-какъ я отстрадалъ,
 Грядущее—туманъ, въ туманѣ—идеаль...

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Вакула кузнецъ.

Либретто для оперы заимствовано изъ повѣсти Н. В. Гоголя

„Ночь передъ Рождествомъ“.

Дѣйствіе происходитъ въ Диканькѣ, на Украинѣ, въ концѣ
прошлаго столѣтія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Ванула—кузнецъ.

Чубъ—пожилой казакъ.

Панасъ—кумъ Чуба.

Бѣсъ изъ пекла.

Олоха—мать Вакулы (вѣдьма).

Оксана—дочь Чуба.

Панъ Голова.

Школьный учитель—изъ бурсаковъ.

Овѣтлѣйшій.

Церемоніймейстеръ.

Дежурный.

Парубки, дѣвчата, кобзари, гусяры, запечные бѣсенята, запо-
рожцы, именитые гости, придворныя дамы и кавалеры; за сценой:
духи, русалки, лѣшій, эхо.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА I.

Зимняя ночь; мѣсяцъ на чистомъ звѣздномъ небѣ.—Улица въ Диканькѣ—видны крыши украинскихъ хатъ, покрытыя снѣгомъ; плетни и садики, деревья зашнурованы.—Ближе къ сценѣ — направо хата Солохи съ трубой надъ кровлей и съ калиткой на улицу, — направо хата Чуба съ крылечкомъ; окна хатъ прикрыты ставнями. Дальше улица расходится направо и налево; на перекресткѣ—шинокъ; окно его свѣтится.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Изъ калитки на улицу выходитъ Солоха, озирается и прислушивается; потомъ — Бѣсъ изъ пекла).

Солоха.

Ой какъ свѣтитъ мѣсяцъ ясный,
 Какъ далече видно,
 Всю бы ночь я прогуляла
 Да на людяхъ стыдно.
 Ой! да кабы въ чистомъ полѣ
 Метелица выла, —
 Я бы хату затопила,
 Гостя-бъ залучила.
 Помоги мнѣ, бравый хлопецъ,

Запереть ворота,
Да зайди хоть на часочекъ,
Коли есть охота.

(Выскакиваетъ Бѣсъ и крадется къ Солохѣ).

Солоха *(не замѣчая его про-
должаетъ)*.

Ой, какъ свѣтитъ мѣсяцъ ясный,
Какъ далече свѣтитъ!..

Бѣсъ.

Только хвостика у вѣдьмы
Никто не замѣтитъ.

Солоха *(вздрагиваетъ и обор-
чивается)*.

Ай! чурь меня! не грѣхъ ли такъ пугать...
Надѣлъ съ рогами образину,
Аль сажей вымазалъ личину...
Чортъ—чортомъ! гдѣ ужъ тутъ узнать!..

Бѣсъ.

Али твои оченьки
Стали видѣть плохо?
Али постарѣла ты,
Милая Солоха?!..

Солоха (*олядывая Бѣса*).

Ха, ха, ха!

Спереду и такъ и сякъ—

Ни плохъ, ни хорошъ,

А сзадѹ-то, право,

На чертенка похожъ.

Ха, ха, ха!

И съ чего ты это взялъ,

Что я постарѣла!

Та же кровь, та же бровь,

Только раздобрѣла.

(*Обидчивымъ голосомъ*).

Меня всякій любитъ,

Моей ласки хочеть...

Даже мѣсяць грѣеть,

Морозецъ щекочеть.

Бѣсъ.

Жарче бабы не встрѣчалъ!..

Солоха.

Что ты тамъ еще совралъ?

Бѣсъ.

Веселись молодба,

Ты для нас находка.
 Прогуляемъ эту ночь,—
 Я гулять съ тобой не прочь...

Солоха.

Да я развѣ вѣдьма?

Бѣсъ.

А то какъ же! развѣ нѣтъ?

Солоха.

А почему ты знаешь?

Бѣсъ.

Много всякихъ есть примѣтъ:

Кость широкая,

Грудь высокая,

Руки цѣпкія,

Ноги крѣпкія;

Вся какъ есть—во всей красѣ,

Только въ темной косѣ

Есть сѣдой волосокъ,

Да надъ губою пушокъ,

Да еще одна примѣта,—

Сиповать голосокъ,

Да еще одинъ грѣшокъ,

Вотъ—этакій гвоздикъ,
Съ закорючкой хвостикъ!..

Солоха.

Гдѣ ты это подглядѣлъ?

Дѣсь.

А на что же я пострѣлъ?

Солоха.

Эге-ге! Коли такъ,
Ты, я вижу, не дуракъ,
Можешь пригодиться,
Что съ тобой чиниться;
Погоди же, не подглядывай,
Какъ я вздую огонекъ.

(Указывая на трубу своей хаты).

Вонъ куда ты пяль глаза свои!
Изъ трубы пойдетъ дымокъ;
За дымкомъ взовьется искорка,
Я за искоркой взовьюсь —
Ой! взовьюсь до красныхъ звѣздочекъ,
Въ синій воздухъ окунусь!
(Уходя въ хату).

Осѣдлаю помело,
Помело!

Бѣсъ.

Мнѣ у бабы, ей на зло,
Повезло!

Солоха.

Меня чорту не догнать,
Не догнать!

Бѣсъ.

А я буду подгонять,
Подгонять.

Солоха.

Я во всѣ мои года
Молода.

Бѣсъ.

Эта баба хоть куда,
Хоть куда!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

*Вѣсъ (протирая руки—и вдругъ какъ
бы опомнившись).*

Экъ раззадорила,
Растормошила,
Разобрала!
Я и забылъ—
Зачѣмъ изъ пекла
Я втихомолку
Сюда пробрался;—
Сынъ этой вѣдьмы,
Кузнецъ Вакула,
Мнѣ насолилъ,
Мою фигуру
Намалевалъ,
Да такъ, проклятый,
Намалевалъ
Мою фигуру,
Что ннда черти
Хохочуть сдуру!
Чтобъ я такую
Спустилъ обиду!

Нѣтъ, погоди ты,
Кузнецъ проклятый!
Попробуй, сунься
Одну безъ батьки
Застать Оксану,
Да я сейчасъ же
Украду мѣсяцъ,
Чтобъ духи вѣтра,
Сорвавшись съ цѣпи,
Метаться стали
И наметали
Сугробы снѣгу.
Чубъ не рѣшится
Въ такую вьюгу
Идти и къ другу
На варенуху.
Отвадить батька
Тебя отъ дочки,
Да такъ-то славно
Тебѣ всѣ ребра
Пересчитаетъ!
Такъ отдубаситъ
Великолѣпно!
Что ты не даромъ
Помянешь чорта!

Гей вы, вѣтры буйные,
 Вьюги,—метелицы зимнія!
 Съ цѣпи морозной сорвитесь,
 По степи къ морю неситесь!
 Балки, обозы чумацкіе,
 Хаты, берлоги хохлацкіе,
 Все заматайте, что встрѣтите—
 Ни передъ кѣмъ не отвѣтите.

Въ воздухѣ слышенъ отдаленный гулъ,—звѣзды померкаютъ; Бѣсъ оглядывается на трубу.—Изъ трубы вылетаютъ искры, вслѣдъ за ними появляется вѣдьма въ одной рубашкѣ, съ закинутой назадъ головой, съ распущенными волосами, верхомъ на помелѣ, и съ вѣнникомъ въ рукѣ.

Бѣсъ.

Ба, ба, ба! Поднялась,
 Потянулась на морозъ,
 Яко дымъ столбомъ;
 Пряди темныхъ волосъ
 Продуваетъ вѣтеркомъ.
 Заломилась голова,
 Засучились рукава,
 Вѣникъ машеть,
 На морозѣ жаромъ пашеть.
 Гей, ты, чортова ты внучка!
 Постой,—погоди!

Мѣсяцъ свѣтитъ впереди,
Сзади—будеть тучка.

Солоха (*улетая*).

У-лю-лю! за мной!..

Бѣсъ.

За тобой, за тобой!

Какъ за кошкой котъ,

Чортъ и въ пекло прыгнетъ

За тобой.

(Вбѣгаетъ въ хату и уже въ другомъ, натуральномъ видѣ, вылетаетъ изъ трубы и гонится за вѣдьмой.—Шумъ и свистъ въ воздухѣ все слышиѣе и слышиѣе.—Начинается метель. Черные силуэты чорта и вѣдьмы, проносясь, закрываютъ собой дискъ полного мѣсяца.—За ними таятся тучи.—Картина свѣжной бури).

Хоръ духовъ.

Потемнѣла свѣтлота,

Поблѣднѣла темнота,

Тучи, какъ туманы,

Ползутъ на поляны,

То свиваются жгутомъ,

То разсыпчатымъ столбомъ

Залѣпляють очи

Рождественской ночи...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ЧУБЪ и ПАНАСЪ.

(Оба выходятъ изъ хаты).

Чубъ.

Ахъ, чортъ возьми! Смотри Панасъ.

Панасъ.

А що?

Чубъ.

Какъ що?—а гдѣ же мѣсяцъ?

Панасъ.

Ба! въ самомъ дѣлѣ, что за пропасть!

Куда ему дѣваться?—мѣсяцъ былъ...

Чубъ.

А вотъ и нѣтъ! И надо-жъ было

Вмѣшаться дьяволу;—да чтобъ ему

Не довелось, собакѣ, поутру

И чарки водки выпить!.. точно на смѣхъ:

Глядѣлъ въ окно—и на дворѣ

Свѣтлехонько! И не успѣлъ взять шапки—

Зги не видать... Ужъ не вернуться-ль намъ?

Панасъ.

Вернемся—дobre!..

Чубъ.

Ну, а какъ же,
А какъ же—варенуха-то? А? кумъ!

Панасъ.

Да, варенуха... Гм!.. пойдёмъ, авось,
Нащупаемъ дорогу...

Чубъ.

Ну, пойдёмъ.

*(Идутъ въ глубину сцены и съ
разныхъ сторонъ слышатся го-
лоса ихъ).*

Голосъ Чуба.

Кумъ! гдѣ ты?

Голосъ Панаса.

Ге! гдѣ ты Чубъ?

Голосъ Чуба.

Ай да метель!

Голосъ Панаса.

Шинокъ! шинокъ!

Облака снѣжной пыли совершенно закрываютъ переднюю часть сцены.
(Такъ сцена остается до перемѣны декораціи).

Хоръ духовъ.

Наши пѣсня-то хрипла!
 Не даетъ она тепла;
 Въ полѣ мерзнуть чумаки—
 Ни дороги, ни ѣзды,
 Только въ хатахъ огоньки,
 Въ честь рождественской звѣзды.
 Ухъ! нельзя ли какъ-нибудь
 Ихъ задуть, задуть, задуть!..

КАРТИНА II.

Хата Чуба.—Внутренность украинскаго домика съ окошечкомъ на улицу, съ печью и низенькой перегородкой, за которой видны сундукъ и кровать Оксаны.—Столъ накрытъ по праздничному; на столѣ каганецъ, миска деревянная и печеня, приготовленныя для колядующихъ,— на стѣнѣ полотенце,—у печи кочерга, ухватъ и лопата.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Оксана выходитъ изъ-за перегородки въ праздничномъ платьѣ, съ головою, убраннымъ лентами, съ зеркальцемъ въ рукахъ, прислушивается къ шуму вѣтра, ставитъ зеркальце на столъ, прислоняя его къ мискѣ или къ юршкѣ, заглядываетъ въ окно и явно не въ духѣ.

Оксана.

Ишь ты, какая вьюга!
 Какой дуракъ поидеть
 Теперь колядовать!
 Одинъ мой только батька,
 Хмѣльной, пошелъ къ дьяку.
 Въ такую непогоду
 И праздника-то встрѣтить
 Не захотѣлъ въ родномъ

Гнѣздѣ, съ родною дочкой!

Цвѣла яблонка въ садочку,
 Цвѣла, да повяла,
 Мама дочку баловала,
 Баловала, снаряжала
 Да и запропала.—
 Гдѣ ты, мама? съ того свѣту,
 Погляди хоть въ щелку,
 На свою дѣтинку,
 Родимую дочку.
 У твоей ли дочки
 Новая сорочка,
 Узорами пита;
 У твоей ли дочки
 Косы перевиты
 Шелковою лентой,
 А на бѣлой шеѣ,
 Золото-монисто.
 А сама-то дочка—
 Погляди-ка, мама,—
 Какая дурнашка!
 Кто ее полюбить,
 Кто ё—приголубить!

(Задумывается. Садится на скамейку и беретъ въ руки зеркальце).

Говорять же люди,
 Будто хороша я,
 Какъ ясная зорька,
 Какъ бѣлая лебедь,
 Будто и на свѣтѣ
 Нѣтъ такой дѣвчины!
 Этакую славу
 Про меня пустили
 Недобрые люди.—

*(Входитъ Вакула, не замеченный
 Оксаною).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ОКСАНА и ВАНУЛА.

Оксана.

Пѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
 Люди правду говорятъ.
 У кого такія очи!
 У кого такія косы!
 Очи мои—звѣзды,
 Косы мои—змѣи,
 Ухъ, какія косы—
 Черныя, густыя!

Вакула.

Не можеть наглядѣться на себя,
Да чуть не вслухъ своею красотой
Изволить похваляться.—Ай да дѣвка!

Оксана (*покидая зеркало*).

Кто-то меня замужъ возьметъ?
За кого-то меня рѣднѣй сговорить?
Нѣтъ, я лучше замужъ вовсе не пойду—
Попадется мужъ сердитѣй на бѣду.

Вакула.

Стоять бы тутъ, да не сводить очей.

Оксана (*вскакивая*).

Ай! кто тутъ?—Это ты, Вакула?
Да какъ ты смѣлъ?—Кто звалъ?—а хочешь
Я угощу тебя лопатой!!
Ишь! мастера вы подвѣзжать
Къ дѣвчатамъ! О, я знаю васъ!
Готовъ ли мой сундукъ?

Вакула.

Почти готовъ.

Не гнѣвайся, моя голубка!

Я съ нимъ возился день и ночь,
 Да не серчай же на меня.
 Позволь мнѣ хоть поговорить,
 Хоть посидѣть!..

Оксана.

Кто те мѣшаетъ,
 Глади и говори.

Вакула.

Позволь
 Хоть сѣсть мнѣ около тебя!

Оксана.

Садись!

Вакула.

Красавица моя!

Оксана!

Солнышко мое!

Голубка, ласточка!—чего бы

Я не далъ, чтобъ тебя поцѣловать.

Оксана.

Чего еще! ишь невидаль какая!

Ужъ коли медъ, такъ ужъ давай

Ему и ложку.—Ну, чего прилѣзь?
Прочь! руки у тебя совсѣмъ—желѣзо.
(Отодвигается).

Вакула.

Насильно милъ не будешь! Ей бы все
Однѣ игрушки, да одни наряды!
А я-то, я-то какъ ее люблю!

Оксана.

А правду ли, въ народѣ говорятъ,
Что будто мать твоя, Солоха,
Немножко вѣдьма! А?

Вакула (вставая).

О! что мнѣ мать! что мнѣ отецъ!
Ты для меня отецъ и мать
И все, что есть прекраснаго на свѣтѣ!
Пусть позоветъ меня самъ царь,
Пусть общаетъ мнѣ отдать
Полцарства, кузницу поставитъ
Изъ золота, изъ серебра—
Два молота, изъ самоцвѣта
Прикажетъ сдѣлать наковальню—
О! я скажу тогда царю:

Царь-государь! Мнѣ ничего не надо,
 Ни золота, ни серебра,
 Ни дорогого самоцвѣта:
 Дай мнѣ одну Оксану!

Оксана.

Вишь кабой!

Да только мой отецъ не промахъ.
 Вотъ помяни мое ты слово —
 Онъ женится на матери твоей.

*(Уходитъ за перегородку со свѣ-
 чой. Вакула стоитъ поражен-
 ный ея словами).*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

*ЧУБЪ входитъ въ хату, занесенный снѣгомъ: увидѣвши Вакулу—
 останавливается въ испугъ и недоумѣніи. ВАНУЛА не узнаетъ его.*

Чубъ *(пятясь)*.

Э! я никакъ забрелъ въ чужую хату...

Вакула.

Зачѣмъ пожаловаль?..

Чубъ *(не своимъ голосомъ)*.

Колядовать...

Вакула.

Колядовать!.. Пошелъ, пошелъ,
Проваливай!..

Чубъ.

Да ты никакъ дерешься?

Вакула.

Пошелъ, пошелъ!..

*(Бьетъ Чуба по спинѣ и въ за-
тылокъ).*

Чубъ *(защищаясь и уходя).*

Я, братъ, я самъ

Уйду, мѣшать тебѣ не стану.

Вакула.

Проваливай!..

(Гонитъ его).

Чубъ.

Смотри, какъ расхрабился,

Кузнецъ бѣсовскій!.. Ишь, большая цаца!

Дерется! Я те! погоди ты!..

Ты у меня напляшешься...

(На морозъ)

А, ва-ва-ва!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Оксана (*выбывая из-за перегородки без свѣчи*).

Что тутъ за гвалтъ?—Никакъ мой батька
Вернулся...

(*Входитъ Вакула. Оксана думаетъ, что это вошелъ отецъ ея, бросается къ нему наэстрѣчу*).

Батько! не вини меня!

(*Замѣтя свою ошибку, отступаетъ*).

Вакула!..

Вакула.

Виноваты!

Оксана.

Кого ты выгнала?

Вакула.

Я не узналъ его..

Оксана (*отворяя дверь и высовываясь въ стѣну*).

Гей, батько! Батько!

Куда ты въ такую вьюгу? Ге!..

(Возвратясь въ хату).

Ушелъ и голосу не слышитъ! Боже!

Вакула.

Попуталь бѣсъ, чего мнѣ ждать,
Я потерялъ разсудокъ здравый.

Оксана.

Хозяинна! отца прогнать!..

Вакула.

Я не узналъ его, Оксана.

Оксана.

Ступай, чтобъ послѣ не пенять...
Ступай, ступай!

Вакула.

Чего мнѣ ждать!

Не стою я подковы ржавой!
Прощай любовь!

Оксана.

Да уходи же, —

Сейчас войдутъ, застануть — ты же
 Не будешь радъ... Прощай!.. пора!..

Вакула.

Давно пора... О, Царь небесный,
 Пошли ей всякаго добра!..

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Оксана *(одна)*.

И плакать хочется, и разбираеть смѣхъ.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КАРТИНА I.

Хата Солохи—почти такая же, какъ и хата Чуба, только вмѣсто перегородки широкая печь съ лежанкой, по одну сторону, и съ кроватью по другую сторону, по стѣнамъ—полки съ горшками и мѣшки съ углемъ; столъ уставленъ кушаньемъ и стекляшками, у двери—лохань и бочка.

При поднятіи занавѣса, Солоха проворно застегиваетъ воротъ. — Она только что накинула на себя платье, голова еще растрепана. — Бѣсъ вылѣзаетъ изъ печки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СОЛОХА и БѢСЪ.

Солоха.

Вихремъ вѣникъ унесло,
 Вѣтеръ воетъ въ буеракѣ,
 Чтобъ ему собакѣ
 Глотку замело!
 Только что спустилась —
 Кракѣ! сломилось помело,
 Чуть я не свалилась.

А проклятый этот бѣсъ,
 Такъ наѣхалъ, такъ налѣзъ,
 Такъ разгорячился,
 Что и самъ свалился.
 Я въ трубу—онъ въ трубу,
 Я въ избу—онъ въ избу—
 Этакъ не годится!

Бѣсъ.

Нечего сердиться...

Солоха.

Не годится,—да,
 Потому что глуно,
 Потому что я
 Для тебя не ступа!

Бѣсъ.

Я рогать, какъ ухватъ,
 А когда ухватъ хватаетъ?

Солоха.

Ну, когда, когда, когда?!

Бѣсъ.

Когда въ печь горшки сажаетъ.

Солоха.

Нешто я печной горшокъ?

Фвсь *(подыжжая къ Солоху съ гримасой нѣжности)*.

Ну, такъ—чарочка

Для подарочка...

Ахъ ты, милая кума,

Посуди-ка ты сама,

Мы-ль съ тобой не парочка?

Ты въ трубу—я въ трубу,

Ты въ избу—я въ избу,

Что жъ ты заупрямилась?

Ты не баба Яга—

Костяная нога...

Солоха *(потливаясь и зная)*.

Больно я умаялась,

Дай немного отдохнуть,

Фвсь.

Перестань же губы дуть,

Подълуй мухортика,

Приказнаго чортика.

Солоха *(оживляясь и подбочениваясь)*.

Ну, приказная строка,

А нельзя ли гопака?

Гопъ! гопъ! гопъ!

Козливыя ножки!

Козливыя рожки!

Гопъ! гопъ! гопъ!..

(Подписывается).

Бѣсъ *(тоже готовясь пуститься въ плясъ)*.

Эй вы, бѣсы скрипачи!

Зурначи! трубачи!

Гопъ! гопъ! гопъ!

(Изъ-за печки и изъ-за угловъ высовываются страшныя рожи — выны въ видѣ сверчковъ—съ скрипачами, дудками и сопѣлками, и начинаютъ скрипѣть, сопѣть и дудѣть).

Солоха.

Ты ногами-то строчи!

Гопъ! гопъ! гопъ!

Бѣсъ.

Эй вы, музыкантики!

Запечныя франтики!

Не соните вы, поскрипывайте,

Попиликвивайте,

Гопъ! гопъ! гопъ!

(Карикатурно - страстный танец).

(Въ дверяхъ слышеть стукъ. Бѣсъ останавливается).

Бѣсъ.

Чу! стучатся.

(Записные бѣсенята прячутся и замолкають. Тишина).

Нось мой слышать—

За дверями кто-то дышать...

Солоха.

Эй! кто тамъ?.. Не пущу...

Бѣсъ.

Непремѣнно вѣдьма пустить.

Солоха.

Помеломъ угощу.

Бѣсъ.

Коли Чубъ—навѣрно пустить.

Солоха.

Чортъ возьми! Кто тамъ такой?
Не Вакула ли?

Вѣсъ.

Ой, ой!

(Крадется къ двери, глядитъ въ щелку и потомъ пятится назадъ съ тримасою).

Ну, кума Солоха,
Коли это не медвѣдь,
То самъ панъ—Голова.
Это дѣло плохо!

Ибо панъ—Голова

Здѣсь, пожалуй, не помѣстится,
Да къ тому же этотъ панъ,
Коли съ бабою, да нянь—
Непремѣнно перекрестится.

Солоха.

Что-жь мнѣ дѣлать?—Отопру!—
Голова—дуракъ—не пятится,
Онъ подь утро станетъ свататься.

Вѣсъ.

Погоди ты отпирать,

Даѣ куда-нибудь удрать,
 Или даѣ хотѣ спрятаться.
 Я подѣ лавку затешусь —
 Стану хрюкать поросеночкомъ;
 Я на печку вскочу—
 Замяукаю котеночкомъ;
 Нѣтъ, ужѣ лучше я въ мѣшокъ
 Заберусь,
 Въ три погнѣбелн согнусь;
 Захочу, проверчу
 Пальцемъ дырочку;—
 Можетъ быть старѣй папъ
 Позоветъ меня на выручку...
 Или—чу! (*Прячется въ мышокъ*).
 Буду хотѣ подглядывать.

. Солоха (*отворя дверь*).

Мастеръ чортъ угадывать!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СОЛОХА и ГОЛОВА.

Голова.
 Вотъ это снѣгъ!.. Вотъ, погляди,
 Какъ онъ засыпалъ капелюхи,

Шель я отвѣдать варенухи,
 Шель, шель, и вдругъ—сама суди,
 Метелница—и въ носъ, и въ ротъ,
 И въ бороду такъ и несеть,
 Такъ и несеть.

Солоха (*заглядывая во двор*).

Никакъ затихло

И освѣтлѣло—

Голова.

Вотъ те на!

Такъ ты и Головъ не рада!

Солоха.

Ты знаешь самъ, пань Голова,

Я скромная вдова—

Не всякаго и въ хату я пущу,

Иного и ухватомъ угощу.

Голова.

Иного хвата

Можно и ухватомъ;

Ну, а меня чего ты испужалась?

Неужели не рада?

Солоха.

Да не успѣла я, панъ Голова,
Приварядиться...

Голова.

Та, та, та!

Солоха (*подноситъ ему чарку пор-
цожки*).

Пей на здоровье.

Голова.

Ты и безъ наряда,
Молодка, право хоть куда!

(*Пьетъ, подливаетъ и при-
топиваетъ ногой*).

И юбочка рябенька,
И сама молоденька,
Да яка-жь хорошенька,
Яка чепурастенька!
Ай, Солоха моя,
Налей меду и вина,
Чтобъ моя головенька
Веселенька была.

(*Стукъ въ дверь*).

Солоха.

Опять стучать! ахъ, черти-черти!

Голова.

Солоха, спрячь меня;—до смерти
Боюсь,—застануть.

Солоха.

Да куда же
Тебя я спрячу?

Голова.

Спрячь куда-нибудь...
Хоть подъ кровать.

Солоха.

Постой, я опростаю
Одинъ мѣшокъ.

*(Высыпаетъ изъ одного мѣшка
уголь въ бочку).*

Вотъ такъ — влѣзай!

(Голова влѣзаетъ въ мѣшокъ).

Голова *(въ мѣшкѣ).*

Вотъ-те и знай!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

СОЛОХА и ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Школьный учитель.

Нѣтъ никого?! Ну, что, Солоха
Достолюбезная!—какъ поживаешь?

Солоха.

А ты сюда зачѣмъ прилѣзь?
Жена узнасть—обозлится.

Школьный учитель.

А ну се! стара, какъ бѣсъ.
Мнѣ надоѣло съ ней возиться.

Солоха.

А я васъ выгоню.

Школьный учитель.

Ай, не говите!
Помилосердуйте.

Солоха.

Покою нѣтъ...

Школьный учитель.

Попотчуйте, преподнесите!

Солоха.

И, ни за что—прочь руки!

Не просите.

Школьный учитель.

Хоть малую толлку.

Солоха.

Убирайтесь!

Школьный учитель.

Я... я сейчас, сейчас, Солоха

Достолюбезная! сейчас!

Я только вижу что-то плохо...

Позвольте...

(Показывая ей на ея руку).

Это що у вась?

Солоха.

Рука.

Школьный учитель.

Рука! — Гм! гм! неужели рука?

А это що?

Солоха.

Гм! видишь чай, монисто...

Школьный учитель.

А это шея?

Солоха.

Шея.

Школьный учитель.

Боже мой!

Какая шея!—Ну, а позвольте,

Великодушная Солоха,

Еще одно хочу я васъ спросить:

Що се за вещь? какого сорту?..

Плечо? аль...

(Стучать съ дверь).

Солоха.

Убирайтесь къ чорту!

Неужели не слышите,—стучать.

Школьный учитель.

Ахъ, Боже мой, стороннее лицо!

Что если какъ-нибудь застанутъ

Мою особу? Горе, горе, горе

Мнѣ окаянному! О срамота

Срамоть и всяческая срамота!
 Пришелъ послѣдній часъ! Солоха!
 Спасите, спрячьте ради Бога!

Солоха.

Не спрячу.

Школьный учитель *(на колымагѣ)*.

Смилуйтесь, Солоха,
 Куда-нибудь меня дѣвайте,
 Хоть подь кровать...

Солоха.

Куда еще?!..
 Всѣ подь кровать хотятъ;—ишь ловки!
 А не хотите ли въ мѣшокъ?

Школьный учитель.

Солоха!

Куда-нибудь, Солоха!

Солоха *(опораживаетъ другой мѣшокъ)*.

Ползайте!

(Солоха открываетъ дверь. Входитъ Чубъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЧУБЪ и СОЛОХА.

Чубъ.

Здорово!

Солоха (*бросается ему на шею*).

Ахъ, мой миленькій,
Мой золотой!

Чубъ.

А что, небось,
И не ждала меня!

Солоха.

Озябъ ты,
Мой миленькій!—Вотъ чарка,—выпей!
А я одна—одна весь вечеръ,
Все по тебѣ скучаю, да гадаю,
Да думаю—авось зайдетъ, авось!

Чубъ.

Неужели ждала?

Солоха.

Кого-жь и ждать?
Какъ не тебя, мой голубе!

Чубъ.

Спасибо!

Будь такъ всегда вѣрна мнѣ. Поцѣлуй!

Ба! это что?—Никакъ стучатся?

Солоха.

Ай!

И то никакъ стучатся.

Голосъ Вакулы *(за дверью)*.

Это я,

Не бойся, мамо—отомкнися!

Солоха.

Вакула!

Чубъ.

Вакула! Не пушай его, Солоха.

Солоха.

Какъ не пустить?—Вѣдь онъ, разбойникъ,

Дверь вышибетъ.

Вакула *(за дверью стучитъ)*.

Да ну же, мамо,

Что тамъ такое?

Солоха.

Погоди, голубчикъ!

Чубъ.

Тутъ, кажется, пустой мѣшокъ.

Солоха.

Ну, да,

Пустой... Куда ты лѣзешь?!

(Чубъ влѣзаетъ въ тотъ же мѣшокъ, въ которомъ сидитъ и школьный учитель. Солоха отпираетъ дверь. Входитъ Вакула).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

СОЛОХА и ВАНУЛА.

Солоха.

Ты что—лѣшій,

Зря въ хату лѣзешь!

Вакула.

Я уйду, пожалуй.

Солоха.

Я думала, ты въ кузницѣ ночуешь.

(Уходитъ въ стѣну).

Вакула.

Ну, въ кузницу, такъ въ кузницу!—Вотъ кстати
Тутъ и мѣшки мои прибрать
Не худо бы для праздника Христова.

(Задумывается).

Вотъ уже годъ прошелъ—и снова
Зовутъ меня колядовать:
А... мнѣ и домъ родной не миль!
Страсть извела! изсохну я...
Какъ подколотная змѣя,
Тоска сосеть меня—тоска!

(Машинально завязываетъ мѣшки и пробуетъ ихъ поднять).

На что похожъ я сталъ? Мѣшки —
И тѣ едва могу поднять!
Давно ли гнулъ я пятаки?
Давно-ль подковы могъ ломать?
Порядкомъ-таки былъ здоровъ...
И что же! съ углемъ двухъ мѣшковъ
Не въ силахъ за дверь проволочь—
Поднять ихъ на спину не въ мочь!
Нѣтъ, чортъ возьми! Ужъ захочу,
И тридцать пудъ проволочу.

(Поднимаетъ два мѣшка на спину).

Вина нацѣдила
 Да и задремала.
 Добрый вечерь!
 Пролетѣли пташки,
 Перебили чашки,
 Пирогъ поклевали,
 Вино похлебали.
 Ой, проснись, дѣвчина,
 Панночка Орина!
 Надо брата намъ женить,
 Сестру замужъ выдавать...
 Добрый вечерь!

(Съ другою конца улицы).

Добрый вечерь!

(Голоса на сценѣ, стариковъ и старушекъ).

Тихая ноченька!
 Дай добрымъ здоровьице,
 Больнымъ изголовьице,
 Малымъ подарочки,
 Старымъ по чарочкѣ,
 А на образочки
 Дай намъ цвѣточки!
 Добрый вечерь!

Голоса (*парубковъ съ мышками подь
окномъ одной хаты*).

Эй, вы, сивые усы,
Не жалѣйте колбасы,
Угостите насъ паляницюю,
Вина стьялицюю.
Добрый вечерь!

Парубки (*на авансценѣ*).

Гдѣ-жь Оксана, гдѣ она?
Али насъ чуждается?

Дѣвчата.

Не то нѣжится со сна,
Не то наряжается.

Парубки (*съ бандурами подь окномъ
Оксаны*).

Ласточка, перелеточка,
Прилетѣла подь окошечко,
Отвори его, хозяйюшка.
Стукь!

У тебя-ль, у красной дѣвчины,
Много всякаго добра,
Припасеннаго съ утра.

Стукъ, стукъ! стукъ!
 Подавай намъ двѣ паляницы,
 Да грудочку кашики,
 Да еще колбаски *).
 Стукъ! стукъ!
 Добрый вечерь!..

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

(Тъ же и Оксана въ полушубкѣ, появляющаяся на крыльцѣ своего дома).

Оксана.

Добрый вечерь, хлопцы!
 Добрый вечерь!

Дѣвчата.

Что Оксана, ты замѣшкалась?
 Что такъ долго наряжалась?

Оксана.

А не знаете ли, хлопцы,
 Кто намедни, да въ морозъ,
 Подъ моимъ окномъ на скрипкѣ
 Допиликался до слезъ?
 Струны лопались,

*) Изъ повѣсти Гоголя.

Отмороженные пальцы
Еле двигались!

Парубки.

Ха, ха, ха! Кто бы это былъ,
Ужъ не ты ли?

Голоса.

Нѣтъ, не я,

И не я.

(Оксана увидя Вакула, который проходя останавливается среди улицы, сваливаетъ два мѣшка на землю, а третій перебрасываетъ черезъ плечо и издали любитъ Оксаной).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

ТЪ ЖЕ и ВАКУЛА.

Оксана.

А не знаете ли, парубки,
О такомъ дѣтинѣ,
Что въ чужую хату
Забрался къ дѣвчинѣ;
Забрался безъ зову,
Да ея же батьку,
По добру-здорову,
Кулаками въ-зашей!

Дѣвчата.

Это и не видано,
 Это и не слыхано;
 Клеветать грѣшно!

Парубки.

Мудрено-то, мудрено;
 Ну, да ежели полюбишь,
 Такъ, что въ разумѣ не будешь,
 Али сердца не уймешь,
 Тутъ и дьявола побьешь,
 На кого ни попадешь,
 Ничего не разберешь.

*(Оксана смѣшивается съ тол-
 кой; Вакула приближается и
 стоитъ отъ нея въ трехъ ша-
 гахъ).*

Оксана *(одной изъ дѣвчатъ)*.

Одарка! Ахъ, какіе у тебя
 Чудесные съ узоромъ черевикки!
 И новые! А! хорошо тебѣ,
 Одарка! у тебя есть человѣчягъ
 Такой, что покупаетъ все, что надо;
 А у меня! мнѣ некому достать
 Такіе черевикки.

Вакула.

Не тужи,
 Моя красавица! Я для тебя
 Такіе-то достану черевики,
 Что не у всякой панночки найдешь,—
 Казанскіе, цвѣтные.

Оксана.

Ты достанешь!
 Я погляжу, какъ это ты достанешь!
 Вотъ развѣ принесешь точь въ точь такіе,
 Какіе у царицы.

Дѣвчата.

Вишь какихъ
 Ты захотѣла, гордая дѣвчина!

Оксана.

Да, да, да, да! Свидѣтелями будьте;
 Коли кузнецъ Вакула
 Да для меня достанетъ
 Такіе черевики,
 Которые сама царица носитъ,—
 То, вотъ мое вамъ слово,
 Что за него, сейчасъ же,
 Я выйду замужъ—да!

Дѣвчата.

Ну, ну, пойдёмъ, капризная Оксана!

Оксана.

Куда-жь? Я не хочу колядовать.

Пойдемте! будемте играть въ снѣжки...

Кто хочетъ.

*(Убѣгаетъ; — за нею гонятся
дѣвчата и парубки).*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Вакула.

Смѣйся, смѣйся!

И самъ смѣюсь я надъ собой.

Куда дѣвался разумъ мой?

Что въ ней! въ Оксанѣ! Ей бы наряжаться

Да тѣшиться.

Ужели-жь въ цѣломъ мірѣ

Другой дѣвчины нѣтъ такой?

*(На заднемъ планѣ сцены, т. е.
на перекресткѣ, бѣготня, шумъ
и хохотъ).*

Полосъ Парубка.

Комъ летить... Держись Оксана.

Полосъ Оксаны.

У! какъ ловко! не попалъ!

Полосъ другого Парубка.

Ахъ, ты, чортъ! бугоръ проклятый!

Полосъ Оксаны.

Ха, ха, ха! увязъ, упалъ!

Вакула.

Ишь, вѣдь какъ смѣется,

Такъ и раздается,

Словно колокольчикъ,

Звонкій голосокъ.

Голова туманится,

Сердце надрывается!

Будь я горькій пьяница,

Забрался-бъ въ шинокъ!..

Ой! да она опять сюда, опять

Идетъ, блестить очами, какъ царица!

Постой, не подходи ты, чаровница,

Дай убѣжать!..

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ВАНУЛА, ОКСАНА, ПАРУБНИ И ДѢВЧАТА.

Оксана.

Черевчки
Невелички,
Только по снѣгу слѣды.
Слѣдъ направо,
Слѣдъ налево,
И туды и сюды!

Хоръ.

Слѣдъ направо,
Слѣдъ налево,
И туды и сюды.

Оксана.

За стогами,
За скирдами,
По чужимъ воротамъ,—
Не ходи ты,
Не ищи ты
Своей доли по слѣдамъ!

Хоръ.

Не ходи ты,
 Не ищи ты
 Своей доли по пятамъ!

Оксана.

Какъ у доли
 Своя воля,
 Воля волюшка!
 Ахъ, ты доля,
 Моя доля,
 Доля—долюшка!

Хоръ.

Ахъ, ты доля
 Моя доля,
 Доля—долюшка!

Оксана (*увидѣвши Вакулу, останавливается передъ нимъ*).

А-а! Вакула! ты опять ужъ тутъ!
 Ну, много-ль наколядовалъ?..
 Э! маленькій какой мѣшечекъ!
 А черевики, что царица носить,

Досталъ? — Достань такіе черевики,
И за тебя я замужъ выйду.

Вакула.

О!

Парубки (*Оксана*).

Оставь его, Оксана, полно мучить!
Онъ, самъ не свой—оставь его, Оксана!

Вакула.

Нѣтъ, не могу я, не могу!
Пѣтъ больше силъ—дышать нѣтъ силъ!
Не дай же, Боже, и врагу
То вынести, чтò я сносилъ!
Ея усмѣшка, голосъ, взглядъ,
Такъ и палятъ! такъ и язвятъ!
Прощайте, хлопцы, видно я
На этомъ свѣтѣ не жилецъ.
Сходите въ церковь за меня,
Оплачьте грѣшный мой конецъ,
Мнѣ легче душу загубить,
Чѣмъ такъ страдать и такъ любить.

(*Хочетъ уйти*).

Парубки.

Съ ума ты спятилъ—Богъ съ тобой!

Вакула (*Оксань*).

И ты прощай! Ты обо мнѣ
 Не станешь плакать—п не плачь!
 Другихъ люби, или дурачь!
 Что-бъ ни было—мнѣ все равно—
 Мы не увидимся... Прощай!
 (*Уходитъ.*)

Парубки.

Вакула, что съ тобой? грушно!
 Куда ты? воротись, Вакула!..

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ кромѣ ВАНУЛЫ.

Оксана.

Ушелъ... уйдетъ и позабудетъ!
 Нѣтъ, развѣ это можетъ быть?
 И если могъ онъ полюбить,
 То неужели же разлюбить?..

Онъ шутить, хлопцы,—онъ пугаетъ...
 Эге! собрался умирать,
 О смерти думаетъ, о Богѣ;
 А поглядите-ка мѣшки,
 Не онъ ли бросилъ на дорогѣ?..
 Съумѣлъ же наколядовать
 Такую пропасть!

Парубки.

Быть не можетъ!

(Шутаютъ мѣшки.)

Да тутъ, живыя свиньи!

Оксана.

Ой ли!

Парубки.

Позвать народъ, да поглядѣть...

Гей, вы, дѣвчата! хлопцы—гей!

Сюда, сюда, сюда скорѣй!

Голоса дѣвчатъ.

Что тутъ такое?—ба! живѣй

Развязывай! Что тутъ такое!

Парубки.

Съѣстное... парубки, съѣстное!

*(Развязываютъ мѣшки; изъ
мѣшковъ вытѣзаютъ Голова,
Чубъ и Школьный учитель.
Вся въ ужасъ).*

Оксана.

Ай, батька! Ты ли это, батька!

Чубъ *(выступая)*.

Что! славную сыгралъ я съ вами штуку!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА I.

Та же ночь—глухое мѣсто на берегу рѣки.

(Музыка.)

Голоса русалокъ.

Темно намъ, темно, темнешенько,

Словно въ темницахъ сырыхъ.

Мѣсяцъ сталъ надъ рѣкой,

Чуть краснѣется,

Въ небѣ тучка плыветъ,

Чуть блѣдетъ...

Голосъ лѣшаго.

Что вы воете,

Что вы лѣшаго

Безпокоите?

Голоса русалокъ.

Холодно намъ, холоднешенько,

Словно въ гробахъ ледяныхъ.

Вѣтра шорохъ ночной

Еле слышится,
Ничего въ осокѣ
Не колышется.

Голосъ лѣшаго.

Что вы хнычите,
Али лѣшаго
Въ гости кличете?

Голоса русалокъ.

Тресни же, тресни, ты синій лёдъ!
Въ блескѣ лучей золотыхъ,
Мы, какъ рыбки въ рѣкѣ,
Затрепещемся;
Сквозь туманъ рыбакамъ
Померещимся.

Голосъ лѣшаго.

Что вы плачете,
Аль дурачите—
Въ лёдъ колотите,
Снѣгъ молотите?
У окраины
Есть проталина;
Вдоль окраины
Идетъ парубокъ—

Идетъ парубокъ,
 Самъ шатается,
 Видно въ омутъ къ вамъ
 Собирается.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Вакула *(съ мышкомъ на плечь,
идеть, останавливается и
опять идетъ).*

Куда это забрелъ я?!
 Никакъ была рѣка?

Эхо.

А!

Вакула.

На грѣхъ меня влечетъ злой духъ,
 Хоть бы пропѣлъ пѣтухъ.

Эхо.

Ухъ!

Вакула.

Куда глаза глядятъ—иду;
 И радъ, не радъ,
 Быть-можетъ, въ омутъ попаду.

*(Опускаетъ мышокъ; изъ мышки
выскакиваетъ Бясъ).*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ВАНУЛА и БѢСЪ.

БѢСЪ (*вскочивъ ему на спину*).

У, у!

Теперь ты мой, я не отстану...
 Къ русалкамъ въ омутъ провались,
 Кузнецъ проклятый! иль рѣшишь
 Отдать мнѣ душу за Оксану.

Вакула.

Изволь отдамъ...

БѢСЪ.

Хоть поклянись,
 Не вѣрю—кровью распишишь.

Вакула.

Постой, въ карманѣ гвоздь достану.

*(Дѣлаетъ видъ, будто достаетъ
 гвоздь, хватаятъ бѣса за хвостъ
 и стягиваетъ его подъ себя на
 землю).*

Ага, попался!

Бѣсъ.

Что шалишь!

Пусти, пусти!

Вакула.

Нѣтъ, погоди-жь,

Л-те дамъ! Не станешь

Людей морочить.

Бѣсъ.

Ой! Помилуй!

Вакула.

А! Завизжалъ, анаоема!

Бѣсъ.

Все для тебя готовъ я...

Проси, чего желаешь...

Оксану для тебя—Оксану

Добуду... Все, что хочешь.

Вакула.

Проклятый басурманъ!

Ну, хорошо, неси

Меня сейчасъ къ царицѣ.

Бѣсъ.

Къ царицѣ! Такъ и быть,
Мнѣ на спину садись.

Вакула (*вскочивъ на чорта*).

Пошелъ!

Бѣсъ (*поднимаясь*).

Держись!

Земля уходитъ книзу; сверху спускается облако и закрываетъ ихъ;
когда облако расходится—открывается:

КАРТИНА II.

Комната во дворцѣ, вродѣ приѣмной.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

(*Влетаетъ Вакула на стипъ
Бѣса и соскакиваетъ на полъ*).

ВАНУЛА и БѢСЪ.

Бѣсъ.

Приѣхали!..

Вакула.

Гдѣ-жъ это я?

Ужъ не во снѣ ли!

Бѣсъ.

Ты во дворцѣ.

(Прячется за каминъ).

(Вакула начинаетъ осматриваться).

(Входитъ толпа запорожцевъ и такъ же, какъ Вакула, все начинаетъ разглядывать).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ВАНУЛА и ЗАПОРОЖЦЫ.

Вакула.

А! добрый вечеръ, панове!

Старый Запорожець.

Эге!

Що ты за чловѣкъ?

Вакула.

А я кузнецъ

Вакула, вашъ землякъ. Аль не признали?

Старый Запорожець.

Мы завтра потолкуемъ, а теперъ

Царица насъ зоветъ на вечерницу.

Вакула.

Царица! А не будете ли вы
Такъ ласковы, что и меня, панове,
Съ собой возьмете?

Запорожецъ.

Ге! Тебя!

Не, нѣтъ, не можно. Мы, братъ, будемъ
Тамъ про свое съ Царицей говорить.
Нельзя!..

Вакула.

Возьмите...

Чортъ, проси!

Бѣсъ (*выглядываетъ изъ-за камина*).

А почему бы
Вамъ и не взять,—быть-можетъ пригодится...

Запорожецъ.

Какъ думаете? А?

Другой Запорожецъ.

А почему бы
Намъ и не взять,—быть-можетъ пригодится...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТЪ ЖЕ и ДЕЖУРНЫЙ.

Дежурный.

Свѣтлѣйшій приказать изволилъ
Васъ проводить сейчасъ въ большую залу.
Пожалуйте!

Запорожцы.

Идемъ.

Дежурный.

Свѣтлѣйшій повелѣлъ
Вамъ выдать на дорогу
Зеленые кафтаны,
Цвѣтные кушаки
И по пятнадцати карбованцевъ на брата.

Вакула (*Запорожцамъ*).

Благодарите, панове.

Запорожцы.

Спасибо.

(Уходятъ).

КАРТИНА III.

Дворцовый залъ, съ колоннадами, люстрами и канделябрами; толпы гостей и придворныхъ въ костюмахъ того времени: напудренные парики, косы, фижмы; у нѣкоторыхъ дамъ въ рукахъ рулетки. При открытiи этой сцены, музыка играетъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

МИНУЭТЬ.

(Показываются запорожцы и становятся подъ колоннами на авансцену. Когда кончатся танцы, къ нимъ подходитъ Свѣтлѣйшій).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ЗАПОРОНЦЫ, ОВѢТЛѢЙШІЙ и ВАКУЛА.

Вакула.

Не въ рай ли я перенесень—
И не во снѣ ли вижу это чудо!

Церемоніймейстеръ.

Вы всѣ ли здѣсь?

Запорожцы.

Да, вси, вси, батько!

Церемоніймейстеръ.

Такъ не забудьте-жь говорить съ Свѣтлѣйшимъ
Такъ точно, какъ я васъ училъ.

Запорожцы.

Да не забудемъ, батько!

Церемоніймейстеръ.

Вотъ онъ идетъ. Когда я дамъ вамъ знакъ—
Вы подходите. Я представлю васъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Появляется Свѣтлѣйшій изъ дверей направо, въ сопровожденіи высшихъ придворныхъ лицъ, дамъ и кавалеровъ. Часовой у дверей отдаегъ ему честь. Гости, кавалеры, прижимая шляпы къ сердцу, отдають ему низкій поклонъ; дамы дѣлають реверансъ. *(Вся эта сцена должна быть проникнута тончайшимъ этикетомъ).*

Свѣтлѣйшій.

Ея Величество мнѣ повелѣла
Оповѣстить, что врагъ бѣжалъ,
И крѣпости сдаются...

Голоса и крики.

Ура, ура! да здравствует Царьца!

Хоръ.

Гряньте струны, пой дѣвница!
 Се жена грядеть на тронъ;
 Облекаеть багряница
 Мудрость въ силу и законъ.
 Славу дней твоихъ, Царица,
 Обезсмертить лиры звонъ.

Горы, степи и дубравы,
 Плески всѣхъ семи морей
 Звучно вторять пѣснямъ славы
 Въ честь твоихъ богатырей.
 Славься, мудрая Царица!
 Славься до скончанья дней!

*(Слышатся пушечные салюты
 съ крѣпости).*

И вселенная не дремлетъ—
 Смотритъ западъ на востокъ,
 Сѣверъ югу чутко внемлетъ,
 Миръ желанный недалекъ.
 Пальмы вѣтвь возьми, Царица,
 Лавры положи у ногъ.

Нашимъ внукамъ будутъ громки
 Трудъ и доблести отцовъ;
 Но дѣла твои потомки
 Сопричтутъ къ дѣламъ боговъ.
 Славься, мудрая Царица,
 До скончанія вѣковъ!

Шумъ. Поздравленія. Камердинеры съ подносами, уставленными бокалами, фруктами и конфетами. Когда все стихаетъ, Свѣтлѣйшій даетъ знакъ запорожцамъ подойти. Они подходятъ.

Свѣтлѣйшій.

Благополучно ли вы совершили путь?..

Запорожцы.

Спасибо, Пане!

Свѣтлѣйшій.

А на вашу просьбу

На-дняхъ послѣдуетъ рѣшенье...

(Хочетъ удалиться.)

Запорожцы *(смотрятъ другъ на друга, молчатъ и толкаютъ другъ друга въ бокъ; одинъ изъ нихъ толкаетъ Вакулу и шепчетъ ему: «Выручай, землянкъ».)*

Вакула *(наклоняясь.)*

Ахъ, ваша свѣтлость!

Свѣтлѣйшій (*оборачиваясь къ нему*).

Чего ты хочешь?

Вакула.

Смѣю ли спросить
Изъ золота, или изъ серебра
Тѣ черевички,—то-есть башмачки,
Которыя носить на ножкахъ
Изволить матушка Царица?!

Я думаю, на свѣтѣ,
Во всей вселенной нѣтъ
Подобныхъ черевичекъ!
(*Въ толпѣ хохотъ.*)

Ахъ, ваша свѣтлость!
Что, кабы да моя
Невѣста али жинка
Могла такіе черевички
Да на ноги себѣ надѣть!
(*Свѣтлѣйшій улыбается.*)

Свѣтлѣйшій.

Встань!

(*Шепчетъ на ухо одному изъ придворныхъ.*)

А говорятъ у васъ на Сѣчѣ
Никто не женится...

Запорожець.

А якъ-же можно!

Вѣдь мы не чернецы—помилуй, пане!

(На серебряномъ блюдѣ приносятъ башмаки съ позлотой, на высокихъ красныхъ каблукахъ. Свѣтлѣйшій даетъ знакъ, чтобъ башмаки были поданы Вакулѣ).

Свѣтлѣйшій.

Дай Богъ: чтобъ каждая невѣста на Украинѣ
Могла надѣтъ такіе башмаки.

Вакула *(радостно)*.

О, Боже мой! какія украшенья!
Что если, да такіе черевики?!—
Какія же должны быть ножки,
Которыя ихъ носятъ! То-то, чай,
Изъ сахару чистѣйшаго!

(Общій хохотъ.)

Свѣтлѣйшій.

Мнѣ нравится такая простота!
Пускай они у насъ повеселятся...
Кого-нибудь, не Мпрославу
Княжну, такъ милую Темпру—

Уговорите проплясать по-русски;
Они за это вамъ пропляшутъ казачка.
(Удаляется въ друіе апартаменты.)

РУССКАЯ ПЛЯСКА.—КАЗАЧОКЪ.

Церемоніймейстеръ.

Сейчасъ начнется на домашнемъ
Ея величества театрѣ
Комедія съ куплетами:
«Царевичъ Хлоръ и роза безъ шиповъ», ---
Прошу пожаловать, кому не скучно,
Прослушать новое сіе творенье.

(Музыка слышится въ другой части дворца. Зала постепенно пустѣетъ. Остается одинъ Вакула и въ платокъ уязываетъ черевички.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

ВАНУЛА и БЪСОЪ.

Бѣсъ.

Пока шѣтухъ три раза не пропѣлъ,
Спѣши.

Вакула.

Ахъ ты такой-сякой!

Да какъ ты смѣлъ?! Да тутъ тебя какъ-разъ
Увидить комиссаръ, и батогами
Отпотчуетъ...

Бѣсъ.

Никто и не замѣтитъ,
Я всѣмъ глаза отвель.
Садись!

Лети къ Оксанѣ!

Вакула.

Постой, чортъ! по дорогѣ,
Свѣтлѣйшаго подарокъ
Нельзя ли прихватить?

Бѣсъ (*показывая узелъ*).

Да я ужъ прихватилъ.

Вакула (*садится на него верхомъ*).

Не сонъ ли это?

Гайда!..

(*Улетаютъ.*)

КАРТИНА IV.

Ярко-солнечное зимнее утро.—Площадка.—Церковная колокольня. Два столбика съ перекладиной и съ маленькими колоколами занимають середину сцены. За колокольней видны крыши Диканьки и проселочная дорога.—Народъ стоитъ на церковномъ крыльцѣ.—На нижнихъ ступенькахъ церкви сидятъ кобзари и слѣпые нищіе.—На переднемъ планѣ кузница Вакуля.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

СОЛОХА и ОКСАНА.

(Солоха сидитъ на порогъ кузницы, и бьетъ себя въ грудь и причитываетъ. Оксана стоитъ поодаль).

Солоха.

Кто говорить—утопился!—

Кто говорить, что повѣсился!

Охъ, ты мое дитятко,

Золотое яблочко,

Яблочко сахарное!
Ужъ куда ты мое яблочко
Откатилось?
Куда ты мое солнышко
Закатилось?
Сыне мой милый!
Соколь мой ясный!

Оксана.

День мнѣ не въ день,
Праздникъ не въ праздникъ,
Радость не въ радость!
Словно хлебнула я зелья,
За ретивое хватаетъ.
Всю-то я ноченьку
Спать не могла—все металася,
Сердце мое разгоралось,
Словно всю жизнь
Только его и любила,
Только о немъ и гадала.
Охъ, Солоха, Солоха!
Кабы ты знала,
Да кабы ты вѣдала!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

*(Звонятъ, народъ расходится
отъ обѣдни).*

ТЪ ЖЕ и ПАРУБНИ, ДѢВЧАТА и НАРОДЪ.

Дѣвчата.

Къ намъ милости просимъ,—
Будуть вареники,
Будуть галушки,
Будуть ватрушки,
Всего будетъ вдоволь,
Милости просимъ!

Оксана.

Меня не зовите, дѣвчата,
Я никуда, никуда не пойду.

Дѣвчата.

Что загордилась Оксана!

Оксана.

Я никуда, никуда не пойду.

Парубки.

Будь же здорова, дѣвчина!

Оксана.

Будьте здоровы и вы!

Парубки.

Что отуманилась—очи потупила?

Оксана.

Праздникъ не весело встрѣтила.

Парубки.

Словно заплаканная,
Аль за нелюба засватанная,
Не говоришь ничего;
Молви, дѣвчина, словечко,
Молви, открой намъ сердечко:
Кто тебѣ любовь—выходи за того.

Оксана.

Быль одинъ соколю, да я упустила,
И не поймаю его!

Парубки.

Упустила соколика,
Поймай голубенка.

Оксана.

Перестаньте, парубки!

Парубки.

Не сердись, дѣвчина,
Будь все такъ, какъ было!

Оксана.

Разсердила я милаго,
Да и загубила!

(Уходитъ).

Парубки *(смотрятъ за ней вслѣдъ,
потомъ встряхиваютъ го-
ловы).*

Ой, кто хочетъ меду пить—пойдемъ до жидовки:
У жидовки черны бровки—высоки подковки.

Одинъ парубокъ.

Съ туга да съ печали,
Пейду, погуляю,
Шпикарочка молода,
Давно меня знасть!

Другой парубокъ.

У кого есть дѣтки,
У кого хозяйка;

А у меня, казака,
 Конекъ да нагайка.
 Я коника заморилъ,
 А нагайку пропилю,—
 Пойду, сяду съ паномъ
 На лавочку рядомъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ и ЧУБЪ.

Чубъ.

Куда вы, хлопцы! Какъ же вамъ не грѣхъ!
 Ко мнѣ пожалуйста—ко мнѣ...
 Всего есть вдоволь: и горилка есть,
 И пироги, и сало, и колбасы,
 И пива мнѣ съ пиварни привезли.
 Что-жъ это вы затѣяли—въ шиннокъ!
 А гдѣ-жъ Оксана?.. Я-жъ ей говорилъ
 Васъ пригласить. Я-жъ говорилъ ей!
 Охъ, вѣтеръ-дѣвка! чтобъ ей пусто было!
 Панъ Голова... Панасъ! Ко мнѣ!
 Что-жъ вы стоите?

Голова.

Мы придемъ.

Панасть.

Дорогу знаемъ.

Парубки.

Ну, а мы—спасибо!

Мы какъ-нибудь—чѣмъ Богъ послалъ—

Въ шинокъ!..

*(Завидя Вакулу за кулисами—
радостно).*

Вакула!.. А! кузнецъ Вакула!

Неужто это онъ! Онъ самый, хлопцы!

Гей, гей! Сюда, сюда!..

(Входитъ Вакула).

Гдѣ пропадалъ?

Куда те чортъ носилъ?—Не утопился,

И не повѣсился! Ха, ха, ха, ха!

Солоха *(вставая)*.

Живъ! слава те Боже!

Что-жъ это я, глупая,

Разголосилась, развылась,

Поминки творила,

Да о землю билась,

Даромъ трудилась!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ и ВАКУЛА.

Вакула.

Здорово, хлопцы!

(Обнимаются и целуются).

А гдѣ я былъ—я послѣ расскажу.

Парубки.

Пойдемъ въ шинокъ, тряхнемъ мошной.

Чубъ.

Ну, хлопцы! Я васъ буду ждать,

Ужъ у меня и столъ накрытъ.

Вакула *(Чубу)*.

А я—

Я къ вашей милости—того,—

Шель съ праздникомъ поздравить.

Чубъ.

Ты! ты шель ко мнѣ!

Вакула.

Къ тебѣ, отецъ;

Не погнѣвись, для праздника Христова,

Помилуй!

(Вынимаетъ подарки, кладетъ ихъ у ногъ Чуба и самъ становится на колѣни).

Вотъ тебѣ, прими,
 Съ моей повинной головою —
 Вотъ шапка, рукавицы, вотъ кушакъ,
 А вотъ тебѣ и плетка. Коли я
 Не угодилъ тебѣ, — бей ты меня,
 Бей, батько, сколько хочешь. Каюсь,
 Во всемъ тебѣ я каюсь, виновать!

Чубъ (*юрдо озираясь*).

Ну, будетъ, будетъ, встань! Забудемъ,
 Чтò было между нами, я прощаю,
 Я такъ и быть прощаю...
 Чего-жъ ты хочешь?

Вакула.

Батько, батько!

Отдай ты мнѣ свою Оксану.

Парубки.

Ай да кузнецъ! Вотъ бравый хлопецъ!

Дѣвчата.

Чубъ, выдай дочку замужъ поскорѣй.

Парубки.

Чубъ! мы къ тебѣ нахлынемъ всей оравой
 Поздравить жениха съ невѣстой.

Чубъ.

Добре!

Пусть присылаетъ сватовъ.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТЪ ЖЕ и ОКСАНА.

Оксана.

Ай!

Вакула.

Погляди-ка, что за черевики
Тебѣ досталъ я! Черевики,
Которые сама царица носить.

Оксана.

Не надо мнѣ, не надо — не хочу...
Я и безъ нихъ...

Чубъ.

Ну, что остолбенѣла!—

Ну, что остолбенѣла, какъ шальная!
Небось обрадовалась! То-то
Я замѣчалъ... Ну! подойди...
Да съ моего благословенья поцѣлуйтеся.
Оженимъ васъ, — живите-поживайте,
Любитесь, да гроши наживайте!
Эй! гусяры, чего вы тамъ усѣлись!

Эй, кобзари! къ намъ милости прощу!
 Прославьте жениха съ невѣстой!

Парубки.

Ай да, кузнецъ Вакула!

Кобвари и гусляры.

Ой! не вѣйте вы, вѣтры, дубравою,
 Вѣйте вѣтры дорогою,
 За нашею дѣвчиною,
 За ясноокою!
 Разсыпьте ей косыньку
 До самаго пояса...
 Кони ржутъ, кони ржутъ,
 Молодую везуть,
 Сторонитесь вѣроги,
 Подомнемъ васъ подь ноги!
 Встань, встань, добрый день,
 Добрый день жениху со невѣстою,
 Всему люду божьему,
 Своему и прохожему,
 Добрый день!



ОГЛАВЛЕНІЕ.

	страни.
Мишенька	1
Келіюгъ	20
Мвни	180
Неучъ	348
Приложеніе:	
Вакула кузнецъ	411